

реальность фантастики

№3 2010

Повесть:

Станислав Бескаравайный,
Татьяна Адаменко
«АДСКИЙ КОФЕ»

Рассказы:

Майк Гелприн
«МАРИНА ПЛЮС КОЛЯ»

Валерий Генкин,
Александр Кацура
«ИСТОРИК»

Сергей Карлик
«ФИНАЛЬНАЯ ФОРМА»

Критика:

Лев Гурский
«ПОДАРКИ КО ДНЮ
СМЕРТИ»

Олег Силин
«ФАНТАСТИЧЕСКИЕ МИРЫ
ХАЯО МИЯДЗАКИ»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 3 (79) 2010

1. Татьяна Адаменко, Станислав Бескаравайный	/ АДСКИЙ КОФЕ	4
2. Вячеслав Гордеев	/ СЛУШЫЙ ПУТНИК.	64
3. Екатерина Иванова-Мамаева, Светлана Позднякова	/ ДОЖДЬ НА ЗАКАТЕ	86
4. Василий Спринский	/ НЕКРОТЕХ	100
5. Виктор Колюшняк	/ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ	112
6. Сергей Карлик	/ ФИНАЛЬНАЯ ФОРМА.	121
7. Валерий Генкин, Александр Кацура	/ ИСТОРИК.	131
8. Эллисон Хаммонд (Allison Hammond)	/ СИМБИОТИК. СИНТИ	139
9. Майк Гелприн	/ МАРИНА ПЛЮС КОЛЯ.	146
10. Евгений Макухин	/ ПРИЯТНЫХ СНОВИДЕНИЙ	151

Детская страничка

11. Даниэль Васильев	ГОРОДОВОЙ ФЕНЯ	154
----------------------	--------------------------	-----

Критика

12. Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов	ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ	174
13. Олег Силин	ФАНТАСТИЧЕСКИЕ МИРЫ ХАЯО МИЯДЗАКИ	182

Рецензии

14. Ян и Андрей Яшмаа	А ЛЯ ГЕР КАК НА ВОЙНЕ	198
15. Александр Васильковский	БУДУЩЕЕ, УВЫ, УЖЕ НАЧАЛОСЬ....	204
16. Kkk72	Филип Дик против Кристофера Приста:	208

Кинопортал

17. Лев Гурский ПОДАРКИ КО ДНЮ СМЕРТИ 211
18. Павел Бойко ПОСЛЕ «ПОСЛЕЗАВТРА». 217

Репортаж

19. Владимир Ларионов «БЕЛОЕ ПЯТНО» НАКРЫЛО НОВОСИБИРСК. 223

Новости фэндома

20. Михаил Назаренко НОВОСТИ ФЭНДОМА. 228

ТАТЬЯНА АДАМЕНКО, СТАНИСЛАВ БЕСКАРАВАЙНЫЙ

АДСКИЙ КОФЕ

*У каждого человека есть скелет в шкафу.
Но скелеты в шкафах джентльменов не гремят бубенцами.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПЕРКУССИЯ

После обеда гости сквайра Харриса отправились в курительную. Они предвкушали кофе и общение с экзотическим «восточным демоном» — кальяном, который тогда еще капитан Харрис привез из Алжира.

Гостей было шестеро, и каждый сумел найти себе удобное место среди подушек на приземистых диванах; возможно, чересчур низких, по мнению тучного мистера Олдриджа, чей живот теперь подпирал манишку. Остальные, пребывая в неге и сытости, с любопытством наблюдали за священнодействием хозяина.

— Я выбрал яблочный, он самый свежий и легкий, — объяснил Харрис, укладывая табак в глиняную, покрытую глазурью чашу.

Колба на столе переливалась радугой, поймав на одну из своих граней случайный солнечный зайчик. Внутри ее до середины заполняла загадочная темно-красная жидкость.

— В подлинных арабских кофейнях кальян никогда не заправляют вином, — весело улыбнувшись, добавил Харрис. — Это изобретение скучающих европейцев. Но я сумел остаться верным гранатовому соку. Он смягчает крепость табака, и дым проскользнет в горло гладким и ласковым, как шелк... Теперь уголек — и готово!

Харрис подошел к каминной решетке и щипцами осторожно извлек догорающий, красно-серый кубик.

— Кальян входит во вкус только после первого десятка затяжек, — остановил сквайр гостей. — Позвольте сделать их мне.

С каждым вдохом уголек на поверхности чаши раскалялся добела, а потом снова медленно тускнел, а выдыхаемый дым становился все гуще и гуще. Наконец Харрис, подобно Везувию, изверг целое облако медленно поднимающегося вверх дыма, но не едкого и вызывающего кашель, а молочно-белого цвета, с приятным фруктовым ароматом, нежно щекочущим ноздри.

— Прошу Вас, — Харрис на блюде передал янтарный мундштук одному из гостей, лорду Гилберту Грею. Когда-то они оба прозябали

на положении младших сыновей; Харрис изучал медицину, а Грей, ничем особенным не занимаясь, раздражал своих кредиторов. Они были абсолютно не похожи друг на друга, что и сделало их практически неразлучными. Аристократичному лентяю Грею нравилась энергия и прямота Харриса, а тому импонировало ехидное остроумие друга.

— Никак не могу привыкнуть к дождю, — пробормотал Харрис и оглянулся на задернутые тяжелые золотисто-коричневые портьеры. Шоколадный загар сквайра выразительно подтверждал его слова и смотрелся среди остальных его гостей несколько экзотично. Виною тому была служба Харриса в Иностранном легионе; проучившись на врача четыре года, он бросил все, уехал во Францию и без проблем поступил в Иностранный легион на службу Госпоже Республике, где за семь лет сделал неплохую карьеру, а главное — скопил состояние, которое позволило ему купить Фернли-Мэнор, прекрасное обширное поместье. Но любопытство его гостей объяснялось не этим; офицеры, заработавшие капитал в Африке или Индии, возвращались на родину сотнями и тысячами.

Например, его сосед и один из гостей, майор Педжет, вернулся из Индии не просто с капиталом, но и с бронзовыми божками, которые расставил по всему дому к вящему неодобрению дворецкого. И привез множество историй, которыми развлекал общество.

Остальные гости тоже были соседями Харриса, ближними или дальними, знакомыми с ним исключительно как с владельцем Фернли, и только лорд Грей знал, каким сорвиголовой был Харрис каких-то семь лет назад. Именно он среди беседы о приятных житейских мелочах — лошадях и любовницах — рискнул задать интригующий всех вопрос:

— Дорогой Джон, не будете ли вы так любезны, рассказать изнывающему обществу, как вам удалось разоблачить Мясника из Сиди-Бель-Аббеса?

В полутемной уютной комнате наступило безмолвие; даже шум барабанищих по стеклу капель звучал как настоящая канонада. Клубы дыма под потолком зависли в знак вопроса.

Сквайр, ничего не отвечая, глубоко вздохнул, затянулся и выпустил из ноздрей целый водопад дыма, который все же не смог скрыть улыбку.

— Ты, как всегда, умеешь выбрать тему, — заметил он, и лорд Грей понимающе улыбнулся в ответ.

— Ну что ж... мне пришлось рассказывать эту историю множество раз, начальству и друзьям по службе, лицам официальным и не очень. Почтенному обществу я собираюсь поведать самую фантастичную и неправдоподобную версию, которая по странному совпадению может оказаться правдой. Принимать мой рассказ всерьез не стоит, просто слушайте. Никто не против?

Майор Педжет недовольно заерзал, но остальные гости предпочли этого не заметить: в конце концов, индийские истории майора они уже выучили. Снова передав мундштук лорду Грею, полковник приступил к рассказу.

— Меня перевели в Сиди-Бель-Аббес на третьем году моей службы, и я был этому несказанно рад, несмотря даже на слухи о маньяке. Ведь служил я до этого в стране Аир, севернее Английской Нигерии, и мало найдется мест, к которым так точно подходит определение «чертовы кулички». Тамошний форт был всего лишь островком глины в песчаном океане, и только нападения туарегов как-то развеивали скуку. Но когда мой начальник, капитан Деляре, из-за кафара покончил с собой...

— Из-за чего, простите? — рискнул прервать полковника кто-то из гостей.

— Из-за кафара. «Кафар» по-арабски значит «таракан». Слишком много жары, слишком много песка, каждый день одни и те же лица — и кафар начинает щекотать твои мозги, пока ты не убьешь себя, кого-то еще или не сбежишь в пустыню, что, по сути, более медленный вариант самоубийства. Так вот, капитан покончил с собой, и меня назначили выполнять его обязанности. Когда прибыл новый начальник форта, меня по его ходатайству перевели в Сиди-Бель-Аббес, под начальство полковника Брандта. Собирая вещи, я танцевал.

А теперь, джентльмены, наберитесь терпения для знакомства с Сиди, потому что в моем рассказе он один из участников. Сиди-Бель-Аббес — город небольшой, но неповторимый.

Во-первых, это перевалочный пункт для новобранцев — после трех месяцев обучения они отправлялись по местам службы, а на их место прибывала новая партия. Собственный же гарнизон Сиди, ввиду отдаленности от реальной угрозы, невелик и скорее выполняет роль местной полиции. Во-вторых, сам по себе Сиди является одним из самых причудливых сплавов Востока и Запада, который только можно вообразить. Французские отели, редкие европейские сверкающие витрины и круглые купола мечетей, газетные киоски, фонари вдоль аллей, а сами аллеи обсажены оливами и пальмами. Прямоугольные башни казенных зданий и приземистые арабские кофейни, мозаичные стены, залепленные рекламными афишами...

Население еще удивительней, чем архитектура: на одной улице прогуливаются французские офицеры, европейские рабочие, китайцы, евреи, левантинцы, арабы-полицейские, испанки в традиционных мантильях и одетые по парижской моде дамы. Легионеры всех мастей: спаги в таких широченных шароварах, что они выглядят юбками, в фесках и черно-красных плащах, красно-синие зуавы, синие пехотинцы и саперы, желто-оранжевые стрелки... Вообще в Африке нет оттенков, нет переходов и полутонов, только слепящая яркость красок под раскаленным солнцем... Но я увлекся.

Гости тоже. Даже с лица майора исчезло скучающее выражение. Полковник тем временем продолжал:

— Обязанности мои трудно было назвать обременительными, болели legionеры редко, и все вечера после пяти принадлежали только мне. Естественно, я поинтересовался, где и как в Сиди я могу провести их со вкусом. Полковник Брандт, с которым мы к тому времени уже довольно близко сошлись, порекомендовал мне одну кофейню — не французскую, а арабскую, добавив, что там по вечерам собирается весь офицерский состав гарнизона.

Должен сказать, что особого восторга у меня это сообщение не вызвало. По приезде я быстро понял, что Сиди не так похож на рай, как мне это казалось из форта Токоту.

Во-первых, в Токоту, где мы ели с песком, пили с песком и дышали песком, легко было преуменьшать опасность встречи с Мясником.

Ко времени моего приезда за ним числилось уже три жертвы. Все они служили в Легионе, но в разных чинах: капрал Огюст Лурди, legionер второго класса Гривс и младший лейтенант Джордж Байер, личный помощник полковника.

Надо сказать, что legionеры привыкли к смерти, и свою жизнь они ценили почти так же мало, как и чужую, но умирать беспомощным, превращаясь из человека в обрубок... Умирать, зная, что некто любит твою агонией...

В общем, этого было более чем достаточно, чтобы смутить любого храбреца. Каждый понимал, что может оказаться следующей жертвой. В патрулирование теперь отправлялись с ропотом, который только усилиями полковника Брандта не превращался в открытое неповиновение.

Даже не убивая, Мясник ухитрялся наносить значительный вред. В гарнизоне участились драки, шла крупная карточная игра, legionеры пили бабеди лошадиными дозами. Ходили смутные, неявные слухи о том, что это не просто убийства, а жертвоприношения; разрастался суеверный страх. Трое legionеров ждали отправки в Оран под трибунал за избивание безобидного торговца. Legionер Шульц и двое его приятелей попросили старика араба им погадать; когда тот ответил, что при всем желании не может им помочь, потому что он всего лишь торговец, а не гадалщик, все трое озверели, растоптали его товар, повалили старика на землю и принялись избивать — кулаками и ногами. Старик чудом остался жив.

Этот инцидент едва не привел к открытой войне с местным населением, подавляющее большинство которого составляли арабы. Полковник отказался выдать преступников, но обещал, что наказание их будет самым суровым.

Страх и напряжение в Сиди высекали вспышки агрессии, провоцировали на бессмысленную жестокость.

Я понял, что вряд ли найду общий язык с местными офицерами еще в первый день приезда в Сиди. Этот день, по традиции, был нерабочим и предназначался для знакомства с обстановкой.

Я как раз стоял у окна и курил, когда началось построение. Среди офицеров присутствовал и полковник.

Внезапно один солдат, видимо, повинуясь приказу, на два шага вышел из строя. К нему подлетел сержант-мажор (позже я узнал, что его зовут Пуан) и заорал что-то, энергично жестикулируя. До моего второго этажа долетали отдельные фразы. Насколько я понял, солдата уличили в некомплекте обмундирования.

Это, кстати, могло быть и не его виной. Среди легионеров распространена такая забава — красть друг у друга части обмундирования. Это называется «украшаться». Пострадавший должен украсть недостающее у кого-нибудь еще, а тот, кто не успел этого сделать к построению, считался проигравшим. Надо заметить, что крали в казармах только то, что принадлежало не легионерам, а Госпоже Республике. С кражами личных вещей все было по-другому: пойманному вору пробивали штыками ладони. Такие раны в лазарете считались несчастным случаем, и о них никто не докладывал.

Майор понимающе кивнул: остальные гости просто слушали, забыв даже о кальяне, и дымок неспешно подымался из забытой трубки.

— Так вот, — продолжал Харрис, — за некомплект обмундирования полагалось довольно строгое наказание, но того, что последовало дальше, я никак не ожидал. Сержант посмотрел на полковника; тот кивнул, и Пуан пролаял приказ. Легионер медленно, нехотя снял мундир и опустился на колени. К нему подошли двое капралов с веревками. Провинившийся лег на живот, и его руки привязали к лодыжкам, заставив парня выгнуться дугой.

У нас это называлось «загнуть салазки». Я слышал о таком наказании, но сам к нему никогда не прибегал. Тем временем на плацу остались только наказанный легионер и сержант. Пуан присел на парапет и сидя лениво ткнул легионера носком сапога под ребра, отчего тот закачался, как детская игрушка. Я молча наблюдал за этим из окна: помню, что моя сигарета дотлела до фильтра, пока я смотрел.

Пуан тем временем склонился над жертвой и, видимо, что-то ему говорил; словно фокусник, он извлек из кармана мундира огромный платок в красно-сине-белую клетку и заботливо вытер легионеру лоб.

Я отступил от окна.

Все же на следующий день я решился и спросил у полковника, почему за мелкий проступок полагается столь жестокое наказание. Я также осторожно поинтересовался, чем тогда карать за более серьезные провинности.

Полковник, видимо, заметил мои чувства, которые я не особенно старался скрыть, и неожиданно дал мне исчерпывающее объяснение.

Оказывается, за последний месяц среди солдат распространились слухи, что за убийствами их товарищей стоят некие «арабские колдуньи». Поговаривали о необходимости «ответных мер» и «самозащиты».

— Говоря по простому, — терпеливо объяснял полковник, — наказанный вчера солдат подстрекал остальных — по глупости или подлости, я

уж не знаю, — к бессмысленной резне, после которой наш форт в Сиди так или иначе перестанет существовать. К сожалению, в ситуации, когда один шепнул, другой подхватил, а третий от себя добавил, собрать официальные доказательства невозможно. Но я точно знаю, кто это, и Марсель теперь может считать, что его предупредили. Я, лейтенант, могу даже признаться вам, что пояс у него пропал не случайно, а по моему прямому приказу. И можете меня осуждать! — повысил голос полковник. — У меня на руках гарнизон, перепуганные местные шишки, и этот проклятый убийца! А тут какой-то... позволяет себе такие высказывания! Повторяю, можете меня осуждать, — полковник снова обрел невозмутимость.

На меня произвела впечатление его откровенность. Он вовсе не обязан был давать мне какие-либо объяснения; собственно, все, что мне за мои расспросы полагалось, это хорошее взыскание. Между тем, я понял, какой груз ответственности давит на полковника, и невольно ощутил к нему симпатию. Но если полковника Брандта после нашего разговора я мог понять, с его стороны это была рассчитанная жестокость по принципу меньшего зла, то жестокость сержанта Пуана была совсем иного рода. Она была не средством, а целью; в том отвратительном эпизоде с платком я увидел, как сержант Пуан упивается своей властью над подчиненными. У меня это зрелище вызвало легкую тошноту.

Его товарищи — старший сержант Гобро и лейтенант Флери тоже не вызвали у меня ни малейшей симпатии. Гобро телесно и духовно был точной копией Пуана, а лейтенант Флери, как я подозревал, пристрастился к гашишу. Днем это был безупречный офицер, но вечером он вел долгие бессвязные беседы сам с собой, то и дело истерически хихикая.

К моему удивлению, полковник относился к Флери на редкость снисходительно. Позже я узнал, что Флери начинал свою службу под командованием младшего лейтенанта Брандта.

Был еще Этьен Кассель, главврач военного госпиталя, но про госпиталь и врача я расскажу позже.

Разумеется, я назвал не всех офицеров гарнизона Сиди, но остальным, увы, тоже были присущи черты самых ярких их представителей. Только полковник поразил меня своей энергией. О таких говорят «двужилый», а он, наверное, был трех или четырехжилый: вставал на час раньше всего легиона, а ложился позже всех. Жару, от которой страдали даже местные, он, казалось, вообще не замечал. Он был спокоен, вежлив и дьявольски энергичен и утром, и в полдень, и поздним вечером. Только один раз, в той нашей памятной беседе я смог увидеть, что он такой же человек, как остальные, и что нервы его подтачивает усталость и тревога.

Ко мне он относился со спокойной симпатией, превратив едва ли не в личного помощника, и всячески старался облегчить адаптацию.

Мой визит в кофейню, раз уж там собирался весь личный состав, был неизбежен, хотя я откладывал его, как мог. К сожалению, врать полковнику

о моей занятости, когда он точно знал мое расписание, было нелепо; и я, уничтожив за неделю месячный запас сигар, наконец, сдался.

Полковник неподдельно этому обрадовался. Всю дорогу он разжигал мое любопытство намеками на нечто необычное, что ждет меня внутри...

Снаружи расхваливаемая кофейня выглядела совершенно обыденно: приземистое здание с нависающей крышей и мутными окнами...

Но, признаюсь, у меня пересохло в горле, — отвлекся Харрис. — Позвольте угостить вас кофе?

Гости были полностью согласны, и Харрис дернул за сонетку. Меньше чем через три минуты перед каждым гостем дымилась чашка кофе. Харрис сделал глоток и продолжил:

— ...да, именно: с нависающей крышей и мутными окнами. Внутри же хозяева устроили маленький кусочек Европы, как они ее понимали. Имелось три или четыре комнаты, вполне просторные. Потолки были высокие, потому как пол оказался много ниже улицы. Мебель вполне подходящая, на полу, правда, везде были ковры, зато все стены были оббиты жаккардом — глубокий синий цвет в маленьких желтых нарциссах. Много керосиновых ламп, которые свисали с потолка, так что всегда было светло. Хозяева наняли пару вполне приличных молодых людей, и те обслуживали основную массу посетителей.

Собственно, гарнизонное общество собиралось в дальней комнате, задняя стенка которой уже выходила в маленький сад. Один из углов занимала стойка, из тех, которые принято устанавливать в питейных заведениях. За ней помещался настоящий заводик по производству кофе. Всегда пытело несколько чайников, наготове было с поддюжины кофемолок для разных сортов напитка, множество полок с мешочками, пробирками, шка тулками для сотен приправ и специй — дым и пар от заваривания уходили в заботливо устроенную вытяжку, но все равно комната была пропитана запахами. Сами зерна хранились в солидных глиняных горшках — черных, приземистых, с тяжелыми крышками. Даже чашки были совершенно разными — от крошечных бокалов, походивших на стреляную гильзу, до тяжелых кружек, больше подходивших для пива. За каждым посетителем как-то незаметно закреплялась своя рецептура и свой маленький ритуал.

Еще в комнате было несколько хороших кресел в стиле кого-то из Людовиков, низковатый стол, на котором всегда имелаась пачка свежих и не очень газет, пара небольших диванов. На стенах висели карты и, что большая редкость для здешних питейных заведений, портреты.

Вторая дверь комнаты вела в сад. Раньше там наверняка был внутренний двор, замощенный и с крошечным фонтаном, какие обыкновенно устраивают состоятельные туземцы. Однако хозяева привезли земли и засадили все кустами кофе. Было очень странно увидеть среди песков и скал кусочек зелени, и не чахлою, готовою умереть после первой песчаной бури, а вполне живой и сочной. Хоть было тех кустов всего три-четыре десятка,

но возможность пройтись между ними радовала сердце, и, кстати, была привилегией посетителей комнаты с картами. За садом была вторая половина дома, там жили хозяева. Да, еще из садика в переулок можно было выйти через арку, наверняка через нее завозили арбы с землей, однако ко времени моих визитов в кофейню ворота наглухо заколотили.

За стойкой я увидел хозяйку кофейни. Рядом с ней стоял ее муж, но он совершенно терялся в ее присутствии — приземистый толстячок лет пятидесяти с блестящим от пота лбом. А вот она... Должен признаться, джентльмены, я никогда не был особым поклонником красоты восточных женщин — их пышных телес и коровьей томности в глазах. Но она отличалась от них, как лебедь от гусынь — стройная, высокая, с короной волос, символически укрытых полупрозрачным платком, притягивающая все взгляды... Ослепительная, как молния! Ламис было уже около тридцати, но увядание, типичное для восточных женщин в этом возрасте, ее совершенно не коснулось. Супруг не мучил ее бесконечным деторождением: двое детей четы были приемными.

Полковник Брандт дружески обратился к ней, потребовав кофе для новичка, то есть меня. Ламис, негромко рассмеявшись, сказала, что постарается меня удивить... или сделать постоянным клиентом с первой чашки... Я уж точно не помню. Но помню, как приятно меня поразил ее голос — звучное глубокое контральто. Акцент, легкий, как крыло бабочки, только придавал ей очарования. Она повернулась к небольшой жаровне с песком. Оттуда шло приятное тепло. У многих, кто расположился поближе к стойке, горели уши и щеки. Осанка ее была превосходной, она могла бы танцевать с чашей на голове, на пролив ни капли.

Ламис взяла в руки джезvu, отличающуюся таким же приятным медным оттенком, что и ее кожа. Засыпала в нее смолотый почти в пыль кофе, вопросительно глянув на меня:

— Послаще?

Я понял не сразу.

— Что? А... да-да, пожалуйста. Послаще.

Она улыбнулась, демонстрируя жемчужные зубы, и добавила в джезvu еще один порошок. По запаху я определил какао. На кончике блестящего ножа засыпала пряность (корица — снова подсказал мой нос) и долила воды. Песок источал жар. Она погрузила в него джезvu до середины и принялась вращать ее — легко и равномерно. Я следил за ее руками, как за замороженный. Я был очарован их ловкостью — руки фокусника, руки крупье с неподражаемой женственностью в каждом движении. Ее пальцы, как язычки пламени, порхали с предмета на предмет, превращая приготовление кофе в магический ритуал. Они были украшены росписью из хны, что в сочетании с европейским платьем должно было смотреться довольно странно, но смотрелось наоборот, органично. Ей удалось добиться совершенной гармонии. Она будто носила кружевные перчатки...

Над горловиной появилась пенка, и она плавно вынула джезvu из песка, дала пенке осесть и снова вернула ее в песок.

— Нельзя дать ей выплеснуться, — пояснила она и повторила процедуру еще два раза. Пенка из плотно коричневой постепенно превращалась в светлую и воздушную. Наконец каким-то шестым чутьем она определила момент готовности и сняла джезvu в тот момент, когда пена грозила уже перелиться через край. Я знал, что в таком случае кофе будет непоправимо испорчен.

В дымящуюся, как маленький вулкан, чашечку, она добавила несколько капель коньяка. Мой кофе был готов.

Можно было вернуться на уютный диван, где с комфортом уже расположился полковник, но я не спешил. Оставшись за стойкой на полвечера, я слушал, как легко и непринужденно она общается с посетителями, демонстрируя одновременно и очарование и остроумие.

Правда, меня покорило то, что, по-видимому, в число постоянных посетителей входил и Пуан. Она общалась с ним, как с давним знакомым. Ко мне подсел Флери. Его расширенные зрачки лихорадочно блестели, а губы кривились в непонятной улыбке.

— Впервые пришли? — спросил он у меня. Я неопределенно кивнул.

— И как вам здешний кофе?

— Божественный! — ответил я, ничуть не кривя душой. Он снова странно пошутил.

— Божественный... А может, адский? Черный, как дьявол, сладкий, как грех...

— Тоже верно, — ответил я. — Это вы Талейрана цитируете?

Но Флери не ответил. Дрожащей рукой он утирал пот со лба.

— Да, грех вполне заменяет две-три ложки сахара... — пробормотал он какую-то нелепицу. — А что у вас добавлено — какао?

— Какао, корица и пара капель коньяку...

— Она никогда не готовит двух одинаковых чашек кофе, — вдруг сказал Флери, следя за хозяйкой кофейни с каким-то мучительным обожанием. Он достал портсигар, вставил в янтарный мундштук сигарету и нервно затянулся. Мундштук, его, кстати, был настоящим произведением искусства: украшенный замысловатой резьбой, он словно светился в полумраке кофейни собственным теплым светом.

— Постоянно импровизирует... — продолжал он, размахивая сигаретой, за которой тянулся тонкий шлейф дыма со странным ароматом. — Но, знаете, это еще не лучший ее кофе...

Я даже обиделся тогда. Во всяком случае, это был лучший кофе в моей жизни.

— Вот как?

— Да. У постоянных посетителей, любимых клиентов, видите ли... есть такая привилегия — собственный куст кофе. У полковника, например,

у Пуана, Касселя, Дюкло... У меня тоже, — добавил он с неожиданной горечью.

— Она сама ухаживает за ним этими божественным ручками. Как две пары белых голубей, верно? Только голуби не совсем белые, конечно. Но это уже ничего не меняет, — он снова улыбнулся странной жалобной улыбкой.

— Одна ягода с этого куста на мешок — и кофе действительно будет божественным... Может, и вам предложат. Только не соглашайтесь, умоляю вас! Это сложно... сложно объяснить... — вдруг произнес он, стиснул мою руку и исчез. Я в некотором разброде чувств заказал еще чашку и вернулся с ней к полковнику. Вкус кофе на этот раз неумовимо отличался от предыдущего.

Естественно, я стал постоянным посетителем в кофейне у Ламис, — продолжал капитан, обращаясь к своим внимательным слушателям. Начиная новый рабочий день, я предвкушал вечер. Пожалуй, впервые за семь лет службы я перестал мечтать о визите в какой-то большой город. Здепшее общество нравилось мне намного больше. Иногда я задавался вопросом: не объясняется ли вся привлекательность кофейни и ее хозяйки тем, что в этом крохотном городишке таких больше нет? Не померкла бы ее звезда в окружении других красавиц? В конце концов, короля играет свита. И каждый раз отвечал себе: нет, ее исключительное положение здесь ни при чем. В любом городе, в любом окружении ее будет невозможно не заметить.

Хотя говоря о том, что в городе не было никого, привлекательней Ламис, я погорячился.

Письма от моего поверенного приходили мне на почту до востребования: я не хотел возбуждать ненужного любопытства. И вот однажды, когда вошел в полутемное помещение с раскаленной улицы, я сослепу на кого-то наткнулся, и на ногу мне рухнул довольно объемистый пакет. Оттуда разлетелись книги. Я с удивлением увидел названия: записки полевого врача Наполеона, несколько трудов выдающихся светил психиатрии...

Я помог их собрать, одновременно украдкой рассматривая девушку. Она была не старше двадцати лет, в ярко-зеленом платье, которое очень шло к ее зеленым глазам и рыжевато-каштановым кудряшкам. Она смущенно поблагодарила меня на английском, и я неподдельно обрадовался.

— Нет, это вы меня простите за мою неуклюжесть. Вы англичанка, мисс?..

— Элизабет Брандт, — представилась она и протянула мне руку. Климат Африки пока не оказал на нее большого влияния. Он отразился только в россыпи веснушек по ее щекам и носу.

— Брандт? — удивился я. — Вы не родственница ли?..

— Я его дочь, — пояснила девушка и мягко попыталась отобрать у меня книги. Я оглянулся, кто сопровождает девушку, чтобы передать ему злосчастную стопку, но не увидел никого подходящего. Зато заметил, что на нас глядеет весь персонал почты.

— Пойдемте, мисс Брандт? — я предложил ей руку, и она ее приняла, очень мило покраснев. Мне оставалось только удивляться, почему полковник не представил нас раньше. Хотя бы упомянул, что у него есть дочь. Постепенно у нас завязалась беседа. Я поинтересовался, откуда такой нетипичный для молодой девушки выбор книг. Она ответила, что входит в попечительский совет госпиталя, состоящий, насколько я помнил, в основном из скупающих офицерских жен.

Она прямо и бесхитростно рассказала о себе: мать умерла при родах, и она с отцом покинула родину в семилетнем возрасте. «Объездила уже пол-Африки», — добавила она с наивной гордостью. Такая кочевая жизнь, тяжелая и для мужчин, предполагала намного больше гордости и выносливости, чем можно было заподозрить при первом взгляде на нее. В ее обществе путь к дому показался мне в три раза короче, чем обычно.

Я очень неохотно отдал ей книги и побрел к себе. Дома, валяясь на койке, я вспоминал подробности: ее интонации, улыбку, жесты, белую ручку, поправлявшую волосы... Солнце зажигало в них золотые нити...

Нашу беседу омрачил один мой неловкий вопрос. Я спросил, где ее компаньонка. Элизабет замялась и ответила только, что она вполне самостоятельна. Только позже я узнал, в чем дело.

Во время тренировочного похода один из фельдшеров, Лорье, рассказал мне, что полгода назад полковник получил известие о смерти своего брата, единственного оставшегося родственника. Горе его превратилось в ярость, которую он не стеснялся срывать не только на солдатах, но и на служанках и компаньонках Элизабет, пока ему не стало невозможно кого-то нанять. Так что Элизабет приходилось самой быть себе и горничной, и компаньонкой, и кухаркой. Понятно, почему она так искренне смеялась, когда я спросил, не скучно ли ей здесь!

Жизнь моя разделилась на три части. В первой, самой теперь незначительной — работа, привычный дисциплинированный мирок гарнизона. Во второй — дурманивший полумрак кофейни и ее ослепительная хозяйка. А в третьей — мои встречи с Элизабет.

Полковник, узнав о нашем знакомстве, ничем не выразил своего недовольства. Напротив, он впервые пригласил меня к себе. Там я был восхищен чистотой и уютом, которые Элизабет ухитрилась создать в небольшой квартире полковника. Его строгий аскетизм и ее любовь ко всему яркому и жизнерадостному, по-видимому, вполне уживались рядом, так же, как и они сами.

Мне нравилось смотреть, как она рисует, и ее этюдник стал моей привычной ношей. Она же часто просила рассказать ей об Англии. Ее воспоминания о родине были смутными и расплывчатыми. Она помнила Бат, куда ее возил отец, сверкающее море и купальные кабины, представление в Воксхолле и то, как она расплакалась, требуя музыкальную шкатулку с балериной, увидев ее в гостях.

— Помню, что лицо хозяйки тогда казалось мне огромным, — рассказывала Элизабет, увлеченно водя кистью, — она наклонилась надо мной и сказала, что дарит мне эту шкатулку. — Отец был очень недоволен. Он не ругал меня, сказал только, что попрошайничать и капризничать — глупо и мелко. И я сама уже не могла смотреть на эту шкатулку. А потом она потерялась при одном из переездов, — вздохнула Элизабет...

Я чувствовал, как она скучает по оставленной родине, но сама она ни словом об этом не обмолвилась.

Иные родственники — жены, дочери, матери — превращают жизнь офицера в сущий кошмар, фактически требуя ради них превратить Сиди в Париж или Лондон. Насмотревшись на подобные сцены, я некогда решил жениться как можно позже...

Теперь я не променял бы Сиди ни на Париж, ни на Лондон...

И когда Мясник снова заявил о себе, я оказался к этому совершенно не готов. На этот раз жертвой оказался знакомый мне человек — Флери. Я не раз предупреждал его, что не стоит так пренебрегать безопасностью, шатаясь по самым глухим окраинам Сиди, и вот... Я смотрел на его тело с ослепительным белым гневом, сам удивляясь силе своих чувств.

Может, потому, что я в первый раз видел человека, убитого не в бою или болезнью. Это тоже насильственная смерть, но в ней нет присущей пыткам извращенной фантазии. Это была смерть от руки чудовища.

Флери убивали очень медленно. С него по спирали, тонкой лентой сняли кожу.

Поговаривали о назначении специальной комиссии по расследованию, но я не видел, чем она может помочь. На мой взгляд, полковник Брандт делал все возможное и невозможное. Он еще больше похудел, и не разговаривал, а только рывкал приказы, не щадя ни себя, ни подчиненных. Но все безрезультатно. Моя голова гудела от усталости, как колокол. Порой я был близок к тому, чтобы разделить суеверный страх легионеров — мол, убивает не человек, а сам дьявол. Полковник всегда резко пресекал подобные разговоры, заявляя, что верит во зло, но зло это гнездиться в обычном человеке. Многие, слушая это, уклончиво отводили глаза, и я их понимал. Мясника трудно было назвать человеком.

Версия о местном, который мстит легионерам, проверки не выдержала. В Сиди не было фанатиков. В Сиди жили солидные люди, получавшие неплохую прибыль от Франции. Они выписывали своим женам европейские платья и заключали с европейскими офицерами сделки. Если местные собирались в толпу, то, конечно, могло произойти возмущение, но стоило им убедительно пообещать во всем разобраться, как тогда и сделал полковник, они расходились по домам. А кроме службы в Иностранном легионе, больше ничего общего у погибших не было. Или, может, было? И мы с полковником снова ломали головы, пытались понять, по какому принципу Мясник выбирает своих жертв. Уставший, с раскалывающейся

головой, я возвращался в свою комнатуху и падал на койку, не раздеваясь. Теперь мое жилье украшало два пейзажа Элизабет, и я улыбался, глядя на них... Несмотря на все, что тогда происходило.

Через три недели после убийства Флери я снова смог посетить кофейню: полковник наконец сбавил темп. Никаких свидетелей обнаружить не удалось, несмотря на вполне искреннюю помощь арабов.

Мое появление не осталось незамеченным. Ламис приветливо улыбнулась мне и в знак особой милости сама принесла кофе — как всегда, божественный. Она завела разговор, которого я ждал очень давно: предложила вырастить мой особый, именной куст кофе.

— Я сама буду за ним ухаживать, — пообещала она почти шепотом.

— А разве вы не за всеми кустами ухаживаете? — неосторожно поинтересовался я. — Флери мне говорил, что...

Я нарушил правила — не говорить в этом почти священном месте отдыха об убийствах, и хозяйка недовольно нахмурилась, но все же решила меня простить.

— Почти за всеми ухаживают мои дочки, мои помощницы, — нежно улыбнулась она. — Но за вашим я буду следить сама.

— Чем же я это заслужил? — наигранно удивился я.

— Никогда не просите женщину что-либо объяснять, — почти серьезно сказала она. — Ну что, вы согласны? — И назвала цену. Она была довольно высокой, особенно для меня, но я был готов заплатить любую сумму за членство в этом своеобразном клубе.

С тех пор при каждом визите я ее спрашивал, как растет мой куст и когда урожай. Где-то через неделю она снова лично принесла мне чашку, загадочно улыбаясь... Я сделал крохотный глоток... Кофе огненным шаром прокатился по моему телу и беззвучно взорвался, оставив ощущение райской неги.

Поверьте, джентльмены, я не преувеличиваю, скорее преуменьшаю. И следующий глоток был ничуть не хуже. Я, помнится, еще удивился тогда, что урожай так быстро созрел, но этот вопрос недолго занимал мои мысли.

Я настойчиво напрашивался на прогулку по ее саду: хотелось взглянуть на мой персональный куст. Ламис наконец согласилась. Она сама открыла мне калитку и повела в садик, увитый розами.

Мы с Ламис мирно беседовали, когда одна из приемных дочерей, слегка запкаясь, позвала ее внутрь по какому-то неотложному делу. Она успокоила меня, пообещав, что скоро вернется, и исчезла. Я разглядывал ровные грядки, и тут, — капитан слегка понизил голос, — заметил нечто, нарушающее симметрию. У корней особенно раскидистого куста слегка высовывалась из земли палочка странного цвета. Я наклонился, еще ни о чем таком не думая... и вытащил из земли мундштук Флери. Встревожившись, я стал рыть под другими кустами, и следующей моей находкой стала... кость мизинца!

Слушатели невольно охнули. Воздержался только лорд Грей, но и он слушал чрезвычайно внимательно. Харрис продолжал:

— Не знаю, как я сумел сохранить спокойствие... Я обернул платком кость и мундштук и спрятал их в карман. Потом бросился ровнять землю, уничтожая следы моих поисков... К счастью, я успел. Когда в садик вошла Ламис, я сказал, что со мной, видимо, случился солнечный удар, и вытерпел все ее хлопоты. Я боялся... очень боялся, что она что-то заподозрит. Теперь я глядел на нее по-новому. В прекрасной оболочке пряталось чудовище, и никто не смог его распознать. Ничего удивительного! Но это было совершеннейшее чудовище, клянусь Богом! — капитан сжал кулаки. — Она была сообщницей убийцы... и, кто знает, может, после того, как жертва была надежно привязана, солдат мучил не мужчину, а женщину? В моих мыслях был полный сумбур. К счастью, она списала это на удар. Отозвав от стойки еще одного своего поклонника, главного врача госпиталя, Этьена Касселя, она велела ему проводить меня домой, как я ни отнекивался. Признаюсь, что всю дорогу я старался придвинуть свое оружие как можно ближе и как можно незаметней. Я подозревал, что Кассель с ними в сговоре и сейчас, отвлекая меня беседой, попытается меня убить. Поэтому я притворился совершенно обессиленным и попросил его открыть дверь: не хотелось подставлять ему мой затылок. Когда он открыл ее, я ловко проскользнул внутрь, стараясь ни на секунду не поворачиваться к нему спиной.

Но Кассель просто посоветовал мне отлежаться и спокойно ушел, не подозревая о моих диких мыслях. Я долго прислушивался к его шагам на лестнице. В ушах у меня шумело, словно действительно от солнечного удара...

— Ну, а что было потом? — не вытерпел майор.

— Потом... я понял, что напрасно подозревал бедолагу: у серийных убийц сообщников не бывает. Приведя себя в порядок, я отправился к полковнику. Доказательства были бесспорные, и полковник немедленно приказал обыскать сад и арестовать хозяев. К сожалению, он, как любое дело, хотел проконтролировать все лично... — опустил голову капитан. — Убийцы оказали сопротивление, и полковник погиб. Пуля попала ему прямо в голову. Он умер мгновенно.

Когда убийцы поняли, что им не спастись, они подожгли свой дом и сгорели вместе с ним. Неизвестно, был ли это акт самосожжения, наподобие сати у индийских вдов (майор снова понимающе кивнул) или случайность. К сожалению, в огне погибла одна из их приемных дочерей, но вторая выжила и дала показания. А я... Я уволился. Сначала мы с женой переехали в Алжир, где у меня была земля, а через год вернулись на родину... И вот, — капитан развел руками, — история окончена. Руководство стремилось сохранить все в секрете, но газетчики все же разузнали достаточно, чтобы связать мое имя с убийствами в Сиди Бель Аббесе.

— Как я понимаю, девичья фамилия твоей жены — Брандт? — улыбаясь, спросил лорд Грей.

— Правильно понимаешь, — сознался Харрис.

— Вот теперь история действительно окончена, — подытожил Грей. — Завидую твоим приключениям...

Харрис болезненно поморщился, но ничего не сказал. За окном уже давно стемнело. Гости, выйдя из навязанного рассказом сквайра оцепенения, принялись торопливо прощаться, искренне благодаря за интересно проведенный вечер. Кареты разъехались одна за другой. Все почтенные соседи сквайра Харриса большую часть времени жили в своих поместьях и выби-
рались в Лондон на месяц раз в году.

Только лорд Грей, который вел прямо противоположный образ жизни, остался: ему было слишком долго ехать.

Хотя время было довольно позднее, друзья не спешили расходиться, и с согласия Грея сквайр Харрис приказал подать чай в библиотеку. Устроившись в удобных креслах возле камина, они довольно долго молчали, пока лорд Грей не пошевелился.

— А теперь, Харрис, расскажи мне не этот роман для благовоспитанных девиц, а настоящую историю!

Харрис неопределенно хмыкнул, ничего не отрицая и не опровергая.

— Я ведь тебя знаю немного больше, чем эти мешки с отрубями! И ни за что не поверю, что у тебя с этой роковой женщиной ничего не было!

Харрис нахмурился от бестактности друга, но то ли полумрак и тепло камина располагали к откровенности, то ли он сам собирался все рассказать. Но Харрис закурил, и неспешно заговорил:

— Знаешь, Грей, ты почти прав.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПАЛЬПАЦИЯ

— Помню, ты поначалу удивлялся, как это я выбрал Иностранный легион. Есть же Индия, или, допустим, наши африканские владения. Там бы я смог вести жизнь, не слишком удаляясь от цивилизации.

— Я помню, что ты всерьез рассчитывал на своего... м-м-м... двоюродного дядюшку?

— И мои расчеты оправдались. Старик Хобсон готовился выйти в отставку через пару лет, и решил, пока есть власть и свободные деньги, отдать часть семейных долгов.

— И много он был должен? — насмешливо Грей.

— Мне — ничего. А моя мать единственная писала ему, когда остальное семейство старательно пыталось забыть о паршивой овце: его ведь чуть не засудили в сорок восьмом году, — недовольно сверкнул глазами Харрис, и Грей примолк. — Словом, когда пришло его письмо, я не стал терять времени. Написал заявление... Особо не удерживали. Через десять дней

получил по почте диплом бакалавра, хотя четвертый курс я, строго говоря, не закончил: оставался еще месяц. Меньше чем через неделю я был в Бюро по делам Алжира.

Дядюшка... Он меня обнадежил и разочаровал одновременно. Как так? Очень просто. Дела свои контролировал строго, был компаньоном сразу в нескольких предприятиях, и деньги к нему шли каждую минуту. Таких, как он, очень много во всех европейских армиях — стране они послужили, карьеру сделали, и теперь им хочется сделать еще и состояние. Родственников много — кому-то нужно приданое, кому-то карьера... Стать адъютантом при таком человеке, это мечта. Тут тебе и полезные связи, и подробности из первых рук, и небольшой доход для начала. Конечно, когда такой родственник уходит в отставку, ты уходишь вместе с ним; но с неплохим капиталом. Только вот Хобсон решил, что в Париже мне делать нечего, мол, испорчусь быстро в праздном городе. Вместо этого он утвердил мои документы и дал письма к полковнику Касарес. Не успел я освежить свой школьный французский, как уже был в Алжире.

— Что же тут обнадеживающего, Саймон? Какие деньги можно добыть в той ... гм... пустыне? Да еще в твоём звании?

— Вот! Хорошо, что старик объяснил мне все еще в Париже, а не то я наверняка попытался бы бежать по дороге; и ничем хорошим это для меня не кончилось бы.

Вначале расскажу про Алжир. Южная пустыня, за горами, это мерзкое и опасное место. Там кипит всякая туземная сволочь, которая только и думает, как бы зарезать любого европейца, — для Харриса это были явно не самые хорошие воспоминания. — Полезный Алжир, который на берегу Средиземного моря — дело совсем другое. Милое местечко на побережье, все очень похоже на Сицилию или Гренаду. Вода есть, не слишком жарко и все растёт крутлый год. Население там самое пестрое — много французов, есть наши, в придачу немцы, корсиканцы, испанцы. Вся Европа в одном котле. Я тут ознакомился с разнообразным чтивом о покорении Америки, кроважанные индейцы против доблестных поселенцев, и наоборот. В Алжире все намного серьезнее — берберы куда более воинственный народ, и условия, в которых приходится воевать, далеко не такие благостные.

Словом, я прибыл туда чуть не в разгаре последней большой войны. Решающие сражения уже состоялись, и Легион выжигал оазисы где-то в Сахаре, но армия еще не утратила власть, которую у нее забирают с началом мирного времени. Всем энергичным и умным людям надо было извлекать прибыль. А врач для этого подходит как нельзя лучше.

— Ты что, морил туземцев? — Грей налил себе коньяку.

— Ха! Нет. Во-первых, никто из наших не стал бы их лечить. Во-вторых, те сами не давались в руки европейским врачам. Так что, если я кого и осматривал, то только в качестве анатомического пособия. Интересны были не сами берберы, а та земля, на которой они жили. Понимаешь, Грей?

В Полезном Алжире еще оставалось довольно много отличнейших участков, которые можно было с выгодой продать колонам.

— Кому?

— Там так называют переселенцев. Колонисты, колонны, это на местном арг, — Харрис тоже взялся за коньяк, — Моя доля в предприятии была очень простой: я выписывал фальшивые заключения о подозрении на холеру или тиф. После чего полковник Хоакин брал роту (капитан был в доле), подъезжал к намеченному владению, и простыми словами объяснял местным, что теперь им надо в карантин, а иначе будет плохо. Берберы и арабы боялись карантина как огня — там держали прокаженных, до окончательного переселения в лепрозорий. Потому, стоило только заговорить об отселении, семья бежала, куда глаза глядят. Мы их не трогали. В компании кроме полковника были еще три капитанов, юрист Симонэ и несколько чинов из администрации. Я с ними особенно не знакомился, Хоакин осторожничал, и не хотел, чтобы все в нашем предприятии знали друг друга.

— Но зачем ты был там нужен? Подписывать документы мог кто угодно. Или дядюшка захотел иметь там свои глаза и уши?

Харрис покачал головой.

— Там было множество шарлатанов с целебными смесями и амулетами от всех болезней, но подписывать документы мог только врач Легиона. Понимаешь? Только моя подпись имела законную силу — и давала железный повод для выселения. Хотя, думаешь, мне приходилось только пером по бумаге скрипеть? Работы хватало. Ты вообразить себе не можешь, как много болели эти солдаты. Крепкие парни, каждый второй наверняка смог бы уложить меня один ударом, а мучились. Другая еда, климат. Для начала прошел полный набор всех местных лихорадок...

Лорд Грей поднял глаза к потолку — история болезней рядовых легионеров была ему совершенно не интересна.

— Пикантность ситуации была в том, что объявить какого-нибудь капрала больным мог только я. На всех остальных смотрели, как на симулянтов, и доставалось им соответственно. Но в лазарете поваляться хотелось каждому легионеру, это для них вариант отдыха. Они даже умудрялись соблюдать очередь. Словом, первые недели мне было особенно весело, я не расставался с оружием и каждые пять минут проверял свои вещи. Большей частью это были надуманные страхи, но в третьем полку какой-то недоумок, возжелавший морфию, зарезал врача. Его потом расстреляли, но врачу, как ты понимаешь, легче не стало.

Короткое молчание, он неторопливо оживлял прошлое в своей памяти.

— Еще приходилось, пожалуй, не реже двух раз в месяц штопать дуэлянтов.

— Серьезно? Там все так... честолобиво? — лорд Грей нашел подходящее слово.

— Настоящих дворян совсем мало. Из старых французских родов есть, всякие мелкие немцы, неаполитанцы, не в этом дело. Солдаты разбираются между собой серьезней любого полевого суда, но без пафоса. А вот те, кто хотят выглядеть благородными колонистами на своей земле — они и были моей основной клиентурой. Прочитают за вечер дуэльный кодекс, и вперед. Фехтовать почти не умеют, больше пистолеты уважают. Особенно забавно, если дуэлянты читали разные издания: тогда один стреляется по французской системе, а второй по немецкой.

— Не прошло и года, как я научился такому, чему в Эмфилде и за десять лет не научат. Книг, что взял с собой, не хватило, пришлось выписывать из Марселя. Таких как я, беглецов с четвертого курса, среди врачей было большинство. Кто вовсе коновал, тех разжалуют, комиссуют в фельдшеры и санитары. Им прямая дорога в маршевые батальоны, делать перевязки на поле боя. Дескать, если ничего не знаешь, то этому уж точно быстро научишься. Удачливым бакалаврам вроде меня приходится лечить по совести.

Грей только посмеивался. В Лондоне он прошел свои круги ада, и когда рвался к наследству, положил в шкаф не один скелет, поэтому будни колониального врача его не впечатляли.

— И долго ты выписывал фальшивые заключения об эпидемии?

— В первый раз — пока не началась настоящая холера. Нильсен потом шептался, что мы накликали беду. Пришлось работать всерьез, и стало совершенно не до имущественных операций. Через месяц она ушла, и мы принялись за старое.

— В чем был фокус? Местных, стало быть, долой, и землю на продажу?

— С этим вышло весьма замысловато. С земли мы людей сгоняли, это да, но и продать ее немедленно тоже не могли. Дядюшка, хоть и с железной хваткой, а после войны Бюро старается не допускать таких быстрых смен фамилий в земельном кадастре. Либералы... Юридически эта земля делилась между компаньонами, но по части других документов будто бы принадлежала местным и считалась покинутой. Юристы закручивали истории о выморочных родах, о подозрительных лицах, всего я не упомяну, да я и не старался сунуть нос в бумаги. Меня интересовал только мой процент. Хорошо дело шло...

Харрис отпил еще глоток и даже зажмурился от удовольствия, но потом приятные воспоминания закончились, и улыбка с лица исчезла.

— Но сгорели мы не на туземцах. Идиотская вышла история.

— Ну-ну.

— На одном из освободившихся участков солдаты нашли ход в римскую виллу. Этот бербер устроил там погреб...

— Подожди, какой подвал? На вилле?

— Сейчас объясню. Еще при римлянах там распространилась мода делать себе подземные виллы. Не глубокие, ничего похожего на шахту.

Просто подвал с отверстиями в потолке для солнечного света. Там прохладно даже в самую сильную жару. Когда мы туда спустились, и расшвыряли мешки с джутом, на стенках можно было увидеть мозаики. Пол там тоже был просто великолепный. Виллу построили при Домициане; или первый хозяин очень его уважал, во всяком случае, там были восхваления именно Домициану.

— Так прямо и было написано? Как избирательный лозунг на плакате? — удивился лорд.

— Нет. Мозаики — сцены гладиаторских боев, и победитель славил именно Домициана. Еще там были сирены на дельфинах.

— Нереиды.

— Что?

— На дельфинах по морю плавали дочери старца Неря, нереиды. Еще карнатиды бывали. Сирены это совсем другое, — пряча улыбку в усах, объяснил ему лорд Грей.

— Этого я не еще не прочитал, теперь буду знать, — только пожал плечами Харрис. — Мозаики были просто чудесными, а хуже оказалось то, что мы нашли замурованную дверь в другой зал.

— Подожди, вся эта мистика ведь произошла с тобой не там? — уточнил Грей.

— Вот именно, никакой мистики в соседнем зале не оказалось. И близко. Мозаики в пасторальном духе — какие-то крестьяне за пахотой, виноградные лозы. Капитан Лакатош нашел золотую монету. Наступил на какую-то кучу черепков, и она сверкнула рядом с сапогом. До сих пор вспоминать противно, как мы обрадовались.

— Почему? Это что, был клад?

— Мы тоже так подумали. Сразу в том зале ничего не нашли, и решили, что надо искать дальше. Лакатош больше всех кричал и горячился, что мы найдем тут сокровище. Идиоты!

Проблема заключалась в том, что другой-то зал был уже под другим участком. Крестьяне замуровали дверь между комнатами, чтобы отделить себя от соседа. А та монета была турецкая, всего двухсотлетняя. Понимаешь? Когда хозяина соседского участка сгоняли с земли, он наверняка выкопал заветную кубышку, да и обронил в спешке одну монету. Надо было сразу сообразить. А тогда нам, пятерым недоумкам, чтобы продолжать поиски сокровища, понадобилось еще немного земли.

— И на чью любимую мозоль вы наступили?

— Не поверишь, этот плюгавый мозгляк Гольдони приходился родственником королю Италии.

— Виктору Эммануилу Второму? — не поверил лорд.

— Да он об этом своем родственничке никогда и не слышал. И в глаза его, наверняка, никогда не видел. Но тут все вышло донельзя глупо и неаккуратно. Хоакин и капитаны, думая решить дело за несколько сотен франков,

собрались и пошли к этому Гольдони. А тот уже обо всем разузнал. Даже нанял рабочих для раскопок. Радовался, что сам все выроет, а нам, тупым солдафонам, ничего не достанется. Так и сказал. Слово за слово, капитан как следует вмазал ему по зубам, а потом Лакатош еще и добавил сапогом по ребрам. Я его не осуждаю, мне и самому хотелось приложиться по этой воровской физиономии!

В эти секунды Харрис никак не походил на солидного эсквайра, настоящего джентльмена, который встречал гостей еще несколько часов назад. Он был хищным, опасным, жадным до денег авантюристом, готовым укокошить первого встречного. Вокруг были такие же, как он, сорвиголовы, их держала вместе железная дисциплина, мертвая государственная хватка. Но в те несколько часов эта хватка ослабла.

— Гольдони не был связан с Легионом?

— Нет. Но поднялся жуткий крик, все попало в газеты. «Республике сейчас необходимы твердые и союзнические отношения с Италией», — передразнил Харрис кого-то из своих тогдашних начальников. — Нашу теплую компанию разделили под орех. Хоакина вышибли в отставку, капитанов сделали лейтенантами, а меня отправили в Токоту. Правда, чиновники отделались взысканиями; и юрист Симонэ совершенно не пострадал. Идиотская ситуация: деньги, в сущности, у меня уже были, но воспользоваться я ими не мог. Срок продажи земли по тем фиктивным купчим наступал не раньше, чем через год, да еще и не закончился срок моей обязательной службы в Легионе. Госпожа Республика дезертиров не жалует — для дезертира только суд и расстрел.

Дядюшка даже не старался меня выручить. Прислал короткое письмецо: «Сам идиот, сам погорел». Вот тебе и родственная поддержка. Пришлось мне переехать много южнее.

Грей сочувственно кивнул.

— А этот... родственник итальянского короля, он на участке нашел что-нибудь стоящее?

— Слава богу, ничего, иначе бы кто-то из наших его обязательно зарезал. Виллу ограбили дочиста еще при варварах. Но этот итальяшка не успокоился и объявил, представляешь, что на вилле жил его предок, кто-то из патрициев!

— Ха-ха! Ха-ха! — лорд Грей искренне рассмеялся. Ему, аристократу с деда-прадеда, очень льстили истории с фальшивыми родословными. Дворянин, пусть даже самого благородного происхождения, который пускался на подобные авантюры, становился в глазах англичанина суетливым мещанином.

— В той дыре не имелось абсолютно ничего хорошего. Легионеры, которые были послабей здоровьем, отправились на кладбище еще до моего приезда. Вино — жуткая недобродившая кислятина. Еще каша, сваренная из наполовину гнилой крупы и единственный бордель в трех днях пути. И тот заразный, пришлось его закрывать.

— Могу представить, с каким скандалом ты его закрывал, — Гредо было по-прежнему весело.

— Хотелось бы мне тогда веселиться, как тебе. У меня тогда из развлечений была штокка ран и обустройство сортиров с рукомойниками. Почти все солдаты были из коммунаров, этих парижских бунтарей. В местных они стреляли с нескрываемым удовольствием, но и офицеров ненавидели всей душой.

— Еще один молот с наковальней.

— Верно. К тому же я оставался военным офицером; и в этом проклятом форте, где каждый солдат на счету, мне не раз приходилось палить с брустверов вместе с остальными. В общем, я несколько нарушил клятву Гиппократа.

— Да ты ее и не давал, недоучка! — усмехнулся Грей.

— Тоже верно, — подтвердил успокоившийся Харрис. — Я думал, что с ума сойду там от жары и скуки. В этой Токоте неделями ничего не происходило — побудка, построение, завтрак, приемы боя, построение, обед... И так каждый день, пока не настанет конец света. Делярэ просто успел раньше меня. Мне повезло, что он не спустился в лазарет. Когда я прибежал на выстрелы, то понял, что остался в этой куче песка единственным офицером. Пришлось взять командование на себя, и пока туда добирался новый комендант, прошел почти целый месяц.

— Только когда я принял командование, сообразил в какой мышеловке мы сидим. Мы не могли оторваться от форта без пушки, митральезы и целого обоза со снаряжением. Когда мы приходили в поселение, там уже не было никого из мужчин. Туареги же носились вокруг на лошадях и верблюдах. Все наши знали, что в округе должна, обязана быть вода, а не те жалкие колодцы, которые нам показывали. Но туземцы очень хорошо прятали источники. Словом, уже к концу первой недели я сообразил, отчего рехнулся Делярэ: местные поднакопили бы еще сил и вскорости смяли форт, задавили бы нас числом.

Надо было быстро соображать, и я отправил гонца в Бу-Бернус.

— Это там, где был бордель?

— Угадал. Словом, я затеял целую комбинацию вокруг этого почтенного учреждения. Прислать мне в Токоту подмогу на месяц они не могли. В обмен на будущее открытие, я потребовал выслать хотя бы один батальон на истребление скота.

— Истребление кого? — лорду показалось, что он ослышался.

— Я придумал убивать всю выючную скотину. Верблюдов, лошадей, ослов — всех. В хозяйстве без тягловой силы нельзя: сегодня она выюки таскает, а завтра всадника с винтовкой. А если сегодня этот партизан уехал на лошади, и убили единственного осла, то завтра ему придется впрягать в арбу лошадь. Батальон прошел по окрестным селеньям, я его даже не видел, но свою работу там они сделали на совесть.

— Стратег... — хмыкнул Грей, но Харрис не обиделся и спокойно продолжил:

— Когда туареги все-таки пошли на штурм, верхом было едва ли полсотни. Остальные или пожалели свое самое ценное имущество, или верблюдов у них уже просто не было. А пока они бежали от ближайших барханов, мы их спокойно перестреляли из винтовок и митральез. Ну и картечь, разумеется.

— Я стал если не героем, то местной знаменитостью уж точно. Дядюшка, когда узнал об этом, был впечатлен и решил, что я все-таки небезнадежен. Орден он мне организовывать не стал, зато выбил перевод в Сиди...

Харрис замолчал. Грей внимательно смотрел на своего старого друга, и мог заметить, что история молодого авантюриста закончилась. Какой-то другой, простой и понятный медик-недоучка мог подделывать бумаги и отстреливать туземцев, искать клады и лечить легионеров. Для прежнего Харриса все сводилось к деньгам, развлечениям и, временами, дружбе. А тот, который сидел перед ним сейчас, был озабочен совсем другими вопросами. Его рассказ лучше было не прерывать.

— Тот разговор с полковником был куда как серьезнее, хотя и выглядел действительно совершеннейшей шуткой. Я действительно нашел мундштук, но никак не кость мизинца, как я красочно рассказывал. И, собственно, ничего не заподозрил. Да и с чего бы? Ведь Флери был тогда еще жив. Я знал, что у него был здесь персональный куст. Может, он потерял мундштук в последнее посещение, кто знает? И тут в садик вошел полковник, спокойно покуривая трубку. Он просто обожал самый дешевый и вонючий листовой табак. Я сообщил ему о находке, и тут у нас состоялся довольно странный разговор... Тебе я перескажу его подробно. Так вот...

— ...По-моему — это мундштук Флери... Надо вернуть, он обрадуется, ведь это какой-то памятный подарок. Я, правда, не прислушивался, чей именно... — пожал я плечами, вспоминая бессвязные речи Флери. — То ли покойный отец, то ли бывшая симпатия...

— А, Саймон, — полковник полностью проигнорировал мундштук. — Все-таки трудолюбивые они здесь, выращивать такие превосходные кофейные кусты, а вокруг песок и почти полное безводье.

— Разумеется, — я сделал безразличное лицо, и полковник, как чуткий командир, это сразу заметил, хотя виду опять-таки не подал. — Вот возьмем этот молодой, совсем недавно посаженный куст. Чем его удобрить? Какие силы в него надо вложить, чтобы он рос, давал нам замечательные ягоды, от которых радуется сердце. Не знаете, Харрис?

— Не имею представления.

— Тогда давайте сюда мундштук. Да, именно этот. Берем его и аккуратно удобряем им землю, — полковник бросил мундштук и кончиком сапога в два счета прикопал его. — Теперь ваш кофе станет чуточку вкуснее.

— Если господа позволят, — сзади подошел хозяин кофейни, — этот грех несомненно укрепит растение и придаст ягодам неизъяснимую сладость.

— Слышишь, Саймон, неизъяснимую, — полковник был целиком согласен. — Ты свободен.

В первые секунды я подумал, что или полковник сошел с ума, или я. Хозяина кофейни я значимой величиной не посчитал — он мог просто подыгрывать европейским чудачествам. Но, когда уже выходил из дворика, решил, что Брандт затеял какую-то шуточку.

Мне это не слишком понравилось, но просто так уйти из кофейни было бы невежливо и глупо. Я прошел к стойке, где Ламис, все хлопотала над кофеварками-турками, над маленькими кофемолками, и колбами с пряностями.

Здесьнее кофе и Ламис — это страннейшее сочетание. Ты не поверишь, Грей, они стояли друг друга.

Когда я ближе рассмотрел Флери и Касселя, моего непосредственного начальника в госпитале, то первым делом решил, что в кофе подмешивается опиум. В южных колониях любят и умеют развлекаться с помощью этой гадости. Это не какие-нибудь китайцы, которым мы гоним дурман целыми клиперами. Нет, там целая культура. Его правда больше курят, чем пьют, но бывает по-всякому. Я пробовал разные составы еще в Полезном Алжире; когда ты в увольнении, офицеры этого не возбраняют, но мне хватило ума понять, что хорошего в этом мало, и быстро тупеешь. Повидал я парней, которым ума не хватило.

С этими ребятами было что-то не то, совсем не то. Головы у них были ясными, руки не тряслись и команды они отдавали четко. Я даже думал, что они влюбились в Ламис.

А тогда в нее стоило влюбиться. Сейчас я бы к ней и на пушечный выстрел не подошел, попытался бы, не задумываясь ни секунды, убить ее при встрече. Но в те дни у меня в голове еще не было мистических ужасов, и я смотрел на нее, как принято говорить среди наших юристов, «непредвзято».

Лет под тридцать, высокая, отличная фигура. Идеально красивая, нет, не то говорю. Правильно красивая — вот оно как. Понимаешь, в лондонских девицах хороша свежая жизнь, очарование юности. Когда они становятся постарше — все пропадает. Чуть за двадцать уже половина из них выглядит как сорокалетние тетki, которые еще просто не успели покрыться морщинами. Есть кокетки, любительницы ужимок — они превращаются в обезьян, таких только в зоопарк или матросам для отдыха. Есть, конечно, и настоящие леди, себя держат. Но ты ведь говорил с ними больше меня, они будто носят маски. Порой кажется, что стоит заставить их хорошенько умыться, они смоят себе лицо до самого черепа. Нет, Грей! Я как-то за эти годы мог заметить, что они обходятся

почти без помад и притираний, не слепой... Но на лицах у них все равно личины.

У Ламис красота юности ушла, а женщиной она все равно осталась. Кажется, что ты знал ее уже сто лет, да и такие рождаются раз в столетие. Она говорила безо всякого заигрывания, без манерности, без подобострастия. Ты будто приходил домой.

Наша знаменитость — леди Кларисс? Что ты, виконтесса ее бледное подобие. И дело совсем не в цвете кожи. К ней нет того мгновенного, как искра, доверия, которое возникало к Ламис. Наверное, потому, что Ламис замечала все вокруг и оставалась спокойной, а Кларисс просто делает вид, что замечает.

Понятное дело, все мужчины, присоединявшиеся к «Розати», немедленно становились ее поклонниками. Она, конечно, была не какой-нибудь берберкой при взятии очередного поселения, об этом даже и речи быть не могло, уже вполне уважаемая особа. Поэтому только ухаживания и комплименты. Нам было на что надеяться: сорокалетний жадный и уставший муж, других жен у него не было, две усыновленные дочери, которые вечно возились в саду и не показывались гостям. Понимаешь, Грей?

В придачу, она уже много знала о мире. Читала газеты, понимала не только в моде, но и в политике. Будь у нее спутник с нормальной, европейской внешностью и хотя бы минимальными знакомствами, Ламис могла бы спокойно ехать в метрополию.

Естественно, пожелай полковник открыто объявить на нее свои претензии, тут бы все сразу и закончилось. Человеку с хваткой Брандта ничего не стоило бы просто поселить ее у себя на квартире, дав Сабиру отступного и пригрозив, в случае чего, подвести его под дело о помощи туарегам. Но полковник и близко не высказывал таких намерений. В общении с Ламис он оставался абсолютно ровным, спокойным. Будто бы она была ему сестрой.

Но Ламис умела вести светскую беседу почище любой салонной вертихвостки. Улыбки и разговоры, легкий флирт, и не больше. Мечта, которая не подкреплялась никакими обещаниями.

Когда я зашел в комнату, на софе и в креслах еще никого не было.

— Ламис, твой муж легко подыгрывает чужим шуткам?

— Только когда ему щедро заплатят. А что беспокоит лейтенанта Харриса? — она чуть улыбнулась.

— Шуточки о кустах.

— Вам подарили куст? Это большой день для вас, и знак настоящего принятия в клуб. Я рада.

— И как же мне прикажете грешить? — шутка так шутка, доведем ее до конца.

— Это виднее господину лейтенанту и, наверное, господину полковнику. У него припасено для вас несколько приятных сюрпризов. А один я могу

преподнести вам прямо сейчас. Даже если куст вам просто подарили, и под ним еще ничего не лежит, кофе уже слаще.

Когда ее руки, расписанные хной, поднимались из-за стойки с очередной чашкой, это всегда походило на фокус. Я взял блюдо, чашку, неторопливо пригубил. Тут, Грейс, будто все вокруг стало отчетливее, мир стал чище, проще, яснее. Я смотрел ей тогда прямо в лицо, и это было, как узреть смысл жизни. Несколько мгновений абсолютного покоя, даже счастья, и Ламис отвернулась к очередному чайнику.

Естественно, я не стал допивать, и меньше чем через минуту уже был на улице. Остаток вечера я провел у себя в комнате, думая, как бы не свихнуться. Я тебе говорю, Грейс, действие наркотика я бы опознал, сообразил бы. А тут ясность мышления, идеальная подвижность пальцев. У меня стал каллиграфический почерк. Итонские выкормыши сдохли бы от зависти. Я сел к столу и подсчитал все свои расходы за последний год. Вспомнился чуть не каждый потраченный грош. Три страницы, до сих пор храню... В тот вечер я бы мог вырезать пациенту аппендикс перочинным ножом, зашить обычной швейной иглой и, даю голову на отсечение, у пациента бы все было в порядке.

Правда, к утру все прошло. Без последствий. Ни головной боли, ни тремора, ни холода, ни даже внезапной усталости. Я будто хорошо отдохнул вчера, и теперь начинался новый день.

Полковник вызвал меня к себе около полудня. В кабинете, кроме него, был и капитан Дюкло.

— Лейтенант Харрис, садитесь. Вижу, самочувствие у вас прекрасное. Ничего не беспокоит? Все лекарства на месте? Больных не прибавилось? Отлично.

Он на секунду замолчал и посмотрел на здоровенный кусок пирита, его еще называют «золото дураков». С виду он очень похож на настоящий металл. В окрестностях Сиди есть несколько жил. Каждый год кто-то из легионеров решает, что ему сказочно повезло и начинает таскать в казарму камни. Этот кусок породы был из крупных, его умудрились спрятать под поилкой для лошадей.

— Если легионер начинает расклеиваться, он становится плохим воином. И портит репутацию легиона перед местными. Они начинают задумываться о нашей непобедимости, если видят не офицера, а тряпичное чучело. Такие не нужны республике. По этой причине я не одобряю курение гашиша. Флери об этом знает, но продолжает посещать притон. Кроме него там бывают офицеры и кое-кто из солдат проходящих полков. Мы не можем сжечь заведение, но и Флери больше покупать гашиш не должен. Жалование выдали третьего дня. Надо освободить лейтенанта от этой суммы.

Я, скажем так, удивился.

— Грабеж, отъем денег в сколько-нибудь насильственной форме или просто кражу — запрещаю. Можете продать ему немного воздуха, или

песка, мне все равно. Можете обыграть в карты. Да хоть в кости, не важно. После чего я спокойно посажу его в карцер, и через несколько дней всякая привязанность к гашишу у него пройдет.

Брандт, как всегда, нашел неординарный выход из очередного затруднения, возникшего в гарнизоне. Это оставалось только принять к сведению и исполнять.

Брандт кивком головы отпустил Дюкло.

— Много думал о кофе, Харрис, и об истории с грехами?

— Было, — я не стал высказывать предположений.

— Боишься, что дурман тебе подмешали?

— Нет, — в этом своем суждении я был уверен.

— Правильно. По поводу грехов с процентами тебе все объяснит Дюкло. В деле с изъятием денег слушаться его во всем. Приказ ясен?

Я решил, что не стоит прямо идти к капитану, под начало которого меня угораздило попасть. Разговор будет долгим, а обязанностей у меня не убавилось. День шел своим чередом. Обход пациентов, распоряжения фельдшеру, перебранка с интендантом по поводу перевязочного материала. Поступление новенького — неудачливого самоубийцы. Раны, которые он умудрился нанести сам себе штыком, загноились, и он бредил в лихорадке. По своему опыту я знал, что когда воспаление из ран переходит в кровь, остается только ждать смерти. Особенно если он сам не хочет жить. Я сделал необходимую обработку ран и кровопускание, но это была уже символическая помощь — просто, чтобы не стоять беспомощно рядом. В Сиди, кстати, никогда не выясняли причину самоубийства: ты здесь застрял, и этого достаточно... Я тоже привык, за время моей работы это был уже пятый случай. Такое тоже можно назвать эпидемией.

Потом обед.

После обеда, в тени навеса у конюшни, я получил инструктаж.

— В покер играете, лейтенант?

— Весьма посредственно.

— Ничего страшного. Ваша задача будет совсем простой... — капитан неторопливо набивал свою трубку из вишневого дерева.

Мне не нравилась эта ситуация, не нравился приказ полковника и общество капитана, но я терпеливо ждал. Дюкло вдруг перешел с официального тона на обычный разговор. Будь на нас не форма, а модные клетчатые пиджаки, можно было бы подумать, что два хороших приятеля обсуждают развлечения на вечер.

— Какой бы тебе не пришел расклад, Саймон, не вздумай пасовать. Повышай, не стесняйся, пока Флери не вывернет кошельек наизнанку, а обыгрывать его буду я.

Панибратство такого человека, как Дюкло, мне тоже не нравилось, но я только кивнул. Где-то внутри, не переставая, звонил тревожный

колокольчик, но я решил не обращать на него внимания. Уж слишком велико тогда было мое желание узнать тайну кофейни и ее хозяйки.

Мы договорились встретиться в восемь, и в полдевятого были на месте.

Приют был такой же грязной дырой, как и его собраты в Алжире. Хозяин подлетел к нам, кланяясь и улыбаясь. Обычный держатель приюта — угодливые глаза и нож за пазухой. Я только заметил, что у него неправильно срослась лучевая кость после перелома. Дюкло прервал перечисление всех райских радостей на полуслове и во весь голос поинтересовался, где Флери. Хозяин молча указал нам на одну из потрепанных занавесок. За ней мы и нашли Флери, валявшегося на диване, как тряпка. Сперва я подумал, что он не в состоянии говорить, не то, что играть: все его внимание было сосредоточено на конце трубки. Флери отвечал неохотно, первыми попавшимися словами и явно мечтал, чтобы его оставили в покое. Время от времени его глаза останавливались на моем лице со странным выражением жалости. Мне все больше и больше было не по себе.

Но Дюкло смог растормошить его предложением сыграть партию. Один из слуг по его зову явился со столиком и засаленной колодой. Карты не хотелось брать без перчаток. Я едва удерживал на лице равнодушное выражение, продолжая себя спрашивать, что я здесь делаю. Даже в Алжире, где у меня было намного больше свободы и много больше причин для курения гашиша, я не видел в сознательном одурманивании ничего привлекательного и ограничился всего двумя или тремя посещениями. Тамошнее начальство, в отличие от Брандта, это не запрещало, лишь бы мы могли выполнять свои обязанности, но я видел, что происходит с постоянными посетителями — с кем-то раньше, с кем-то позже, но со всеми без исключения. Видимо, что-то отразилось на моем лице: Флери неожиданно ясно взглянул на меня и заявил:

— А я, господин доктор, считаю это противоядием, — и снова замолчал.

Дюкло уже тасовал карты. Мы с ним заранее условились, что первые три партии пройдут без обмана, чтобы разжечь во Флери интерес. Так оно и вышло. Я, Грей, до сих пор помню ту игру.

Начальная ставка была пять франков.

Мой расклад позволял надеяться на стрит при обмене — семь червей, трефовая десятка, бубновая восьмерка, трефовая девятка и бубновый король. Я заявил:

— Меняю одну карту.

— И я одну, — отозвался Дюкло.

Флери промолчал. Гашиш подточил его самообладание, и было видно, что он очень доволен своим раскладом. Но Дюкло подал сигнал, говорящий о том, что решающая партия началась.

Ко мне вместо короля пришла восемь трэф. Теперь у меня была семерка, десятка, девятка и жалкая пара восьмерок. Если бы у меня было хотя бы две пары, можно было бы на что-то надеяться, но восьмерки практически

не оставили мне шансов. Я вздохнул... и под взглядом Дюкло принялся повышать ставки.

— Удваиваю.

— Еще удваиваю.

— Принято.

Никто не спешил открывать карты. Меня занимала только одна мысль: блефует Дюкло или нет?

Мы повышали ставки уже по третьему кругу, но Флери явно не собирался отступать. Он ерзал на диване, возбужденно облизывая губы и время от времени лихорадочно затягиваясь. В противоположность ему Дюкло сидел с невозмутимым, как у Будды, лицом. Я, глядя на свою скромную пару, старался ему подражать.

Ставки возросли с пяти франков до двадцати. На столе уже лежало годовое жалованье легионера первого класса, когда Флери решил рискнуть.

— Играю на все, — заявил он и демонстративно потряс опустевшим бумажником.

— Вскрываемся! — И первым начал неторопливо выкладывать на обшарпанный стол карты.

Валет бубен, за ним валет червей выбивали мои жалкие восьмерки вмиг. За ним король треф и король пик — еще одна пара? Оставалась последняя карта. Флери медленно перевернул ее рубашкой вниз... на меня смотрел король бубен. Фулл-хаус!

Глянув на мой расклад, Флери возбужденно рассмеялся и повернулся к Дюкло.

— Ну что? Я могу забрать выигрыш? — торжествующе спросил он.

Дюкло, не отвечая, одним быстрым плавным движением развернул веер карт в своей руке. Все черные. Только одна картинка. Шесть пик, семь пик, восемь пик, девять пик... десять пик... валет пик! Стрит флэш!

Дюкло, с его черными блестящими глазами в тот момент показался мне двойником валета.

Флери поверил не сразу. Он по очереди прикоснулся к каждой карте, бормоча их названия. Шесть пик, семь пик, восемь пик, девять пик, десять пик, валет пик... будь ты проклят! — по-девичьи тонко хихикнул он и снова повалился на диван.

— Оставим его здесь, — с нескрываемой брезгливостью проворчал Дюкло и сгреб выигрыш. Флери нам не препятствовал. Казалось, он полностью вернулся в свои опиумные грезы. Обернувшись на выходе, я поймал его взгляд. Флери смотрел на меня без всякого выражения, и было непонятно, видит ли он вообще.

После духоты притона даже воздух здешних переулков казался чистым. Я глубоко дышал, стараясь выветрить из легких опиумный дым. Голова отчаянно болела. Дюкло тем временем на ходу вполголоса вел подсчет. Я почти не обращал на него внимания, мне не хотелось даже

добиваться от него обещанных объяснений — хотелось только добратся до койки и заснуть.

— Держи, это твоя половина, — вдруг нарушил он молчание, протягивая засаленную пачку франков.

— Нет! — отказался я, может, с излишней резкостью. В глазах Дюкло вспыхнул огонек.

— Благородный? — он умел подмешивать в голос нужную порцию сарказма.

— Отнюдь. Просто это деньги Брандта. Его львиная доля, — я в эту секунду пожалел об отказе, в жизни купюры лишними не бывают, и теперь прикрывался полковником, как мелкий клерк прикрывается директором банка. — Пусть пока держит у себя. Если Флери умрет в карцере, пустит их на похороны и прочие дела. В полковой казне и так не густо.

Дюкло фыркнул.

— Думаешь, он и вправду не переживет карцера?

— На это больше шансов, чем на его выигрыш по нынешнему раскладу.

— Ладно, об этом все. И вот еще, это твое. Заслужил.

Я сперва даже не рассмотрел, что он сунул мне в ладонь. Не разобрал сразу, что этот клочок бумаги — карта. Валет пик, а если точнее, его неровно оторванная половина...

— Зачем? — недоумевающе спросил я, чувствуя, что сейчас я получу объяснение каким-то своим догадкам.

Он остановился, вынуждая меня сделать то же самое, и достал из кармана портсигар.

— Эта семья, которая держит нашу любимую кофейню, прибыла в Сиди года три назад. Не поймешь, к каким именно из местных родственников. Такие обычно приезжают из разгромленных городов: там им жить нельзя, местные убьют, в других странах делать нечего: ни денег своих нет, ни языков не знают. Вот и приползают к армии, навроде шакалов. У этих деньги, однако же, изначально были, небольшие, им еле хватило на дом и кофейню. Прижились, обустроились, понемногу стали заходить солдаты, потом офицеры. Еще чуть позже туда перебралось наше «светское общество». Тогда было много болтовни и ничего толком не делалось. А вот «Розати» сложился где-то полтора года назад.

Дюкло раскурил трубку и неспешным шагом двинулся по переулку.

— Первым, кто возглавлял клуб, был капитан Келлер. Так себе был офицер. Когда-то, слышал, воевал храбро, но размяк, обрюзг, хотел только развлекаться. Еще он стал шляться по притонам, и сюда заходил. Вот и попал на нож к Мяснику. С тех пор полковник наш неизменный председатель.

— Теперь о главном. Я понятия не имею, каким чертям аль Хамеди душу продали или только собираются продать. Главное, что они умудрились насадить те кусты и умеют делать так, чтобы они давали урожай чуть

не пять раз в год. Внешне кофе ничем не отличается от других, однако, если под кустом зарыть вещь со следом преступления, то напиток станет магическим.

— А если зарывать вещь со следами шутки? — я изобразил недоверие.

— Ты слишком хочешь видеть во мне еще одного веселого француза, — в эти секунды Дюкло действительно выглядел мрачновато и упрек его был вполне справедлив. — Я толкую тебе о серьезных вещах. Посмотри на нашего славного боевого товарища Флери и подумай.

— Привыкание к напитку? Симптомы? — медицинские вопросы сорвались у меня с языка, однако Дюкло их попросту проигнорировал.

— Полковник приказал мне рассказать про куст. Карту зарой сегодня же. Всего хорошего, лейтенант Харрис.

Он развернулся и ушел.

То, что капитан был умелым шулером, мне стало ясно до того, как Флери расстался с деньгами. Я, правда, так и не заметил манипуляций, но в этом случае видеть их своими глазами было не так важно. Дюкло шел выигрывать, забирать деньги, и выиграл, несмотря ни на какие расклады. Удача тут ни при чем.

Но вот с грехами, с ними, Грей, у меня вопросы остались. Я еще в детстве наслушался сказочек про ведьм и перестал в них верить приблизительно тогда же. Но тут сразу несколько человек рассказывали мне одно и то же, в придачу, это очень хорошо согласовывалось с моими собственными ощущениями.

Я не знал, что думать, но решил попробовать. Любопытство? Наверняка. Но, если говорить честно, я не мог забыть той точности движений, того порядка и стройности в мыслях. Это привлекало.

Поэтому я не стал задерживаться в переулке, а направился в кофейню, прямо прошел в садик. Одна из приемных девочек молча указала мне на мой куст, и я зарыл там половину пикового вала.

Мне хотелось прямо пройти к стойке, поинтересоваться, что теперь будет. Но я сдержался. Если уж зернышко кофе попадает в напиток, то его должны хотя бы принести от куста. Так что вечер я провел вполне обыченно.

Постепенно собрались офицеры, начались разговоры об очередных набегах туарегов, о поступлении денег, потом перескочили на войну англичан в Родезии, на интриги европейского котла. Пришел полковник. Он был весел, остроумно шутил. Элизабет не пришла.

— Ламис, приготовь мне чего-нибудь первоклассного.

— Лейтенант Харрис, как вам можно отказать?

Когда она лично несла мне мою чашку на крошечном черном блюде, у нее на лице была лукавая то ли улыбка, то ли усмешка: как у той статуи, что мы откопали на вилле. Я выпил, не сводя с нее вопросительного взгляда.

Рядом со мной в кофейне другие посетители ждали своих заказов.

В руках полковника дымилась огромная грубоватая глиняная кружка, такая привычная, что казалась продолжением его руки. Он неторопливо раскуривал свой любимый, на редкость вонючий «партасас». Огонек еле тлел, только готовясь разгореться как следует. Светильники на длинных железных цепях едва уловимо раскачивались. Мир застыл. Он несколько раз пережил рождение и смерть, прежде чем я с глухим стуком поставил чашку на блюдце.

Кофе прошел по телу огненным шаром.

И меня ослепил беззвучный фейерверк. Каждая мышца, каждый нерв в моем теле дрожали от наслаждения под музыку, которую исполнял хор ангелов. Зрение обострилось до предела: я не только видел движения, но по едва уловимым признакам мог предсказать следующие. Глаза словно протерли изнутри, как старательная хозяйка протирает окна — и я улавливал тысячи тончайших оттенков, никогда ранее не виденных.

Еще глоток... Я старался двигаться очень осторожно. Мне казалось, что стоит сделать движение посильнее, и моя рука пройдет сквозь стену, развалит кофейню, как жалкий картонный домик...

Сознание несло в вихре, и единственным якорем, удерживавшим меня, был ее пристальный взгляд...

И постепенно все затихло — не вернулось к норме, нет, мир по-прежнему сиял и переливался, но я больше не чувствовал желания нестись куда-то, что-то делать... Не было больше проклятой необходимости сдерживать и контролировать себя: тело залила медовая расслабленность, и я сконцентрировал свой взгляд на самом прекрасном объекте кофейни — ее хозяйке. Теперь ее движения еще больше, чем раньше, напоминали танец, и я готов был поклясться, что одежда превращается в туман, по которому бегают золотистые искорки и медленно тают... Я боялся пошевелиться, наблюдая за этим, но она вдруг обернулась, взмахнула рукой как-то по особому, и, фыркнув, вдруг превратилась в язык пламени... Я перевел взгляд на других, но ничего столь же приятного не увидел: по кофейне бродили и смеялись полулюди-полузвери со смеющимися рылами, рога и клыки торчали под самыми неожиданными углами, а за соседним столиком скрючилось наполовину засохшее дерево, которое в начале вечера было Малларме. И я снова повернулся к ней...

Она медленно провела пальцем по своим огненным губам. Я представил, как обжигают ее поцелуи... что умеют ее ручки... каким гибким будет ее тело в постели... как она будет извиваться подо мной... как нежно ее губы будут прокладывать огненные дорожки... но она тихо приложила к ним палец и улыбнулась, словно призывая к молчанию.

И все исчезло. Любимая сигара полковника даже не успела разгореться, как следует. Осталось только звенящая ясность сознания и на самой его грани — музыка, которая звучала неуловимо в такт ее движениям.

Теперь я заметил, что он следит за мной не менее пристально, чем

Ламис, но меня это уже не волновало. Весь оставшийся вечер я блистал, был душой общества. Только иногда запинаясь и закрывал глаза, потому что на внутренней стороне века танцевали мучительные, неотвязные видения. А Ламис слушала с вежливым интересом, ничем меня среди других посетителей не выделяя.

Я хотел ее, как умирающий от голода — есть, как утопающий — воздуха.

Видишь, Грей, когда я вспоминаю ее, то становлюсь похож на плохого поэта.

Неважно. Вечер закончился, и я шел домой, пошатываясь, как пьяный, от переполнявших меня ощущений. Я казался себе стеклянным сосудом, слишком хрупким для переживаний такой силы. Я всерьез боялся разлететься от них на тысячу осколков, останавливался, пережидая, и снова шел дальше.

Помню, что я тогда еще подумал о Мяснике. Сейчас я был для него самой подходящей добычей; но почему-то меня переполняло спокойствие и подсознательная уверенность, что именно в этот вечер я в полной безопасности.

До комнаты я добрался без всяких приключений, если не считать того, что когда я поднимался по лестнице, ступеньки отзывались на мои шаги, как клавиши пианино. Я упал на койку и закрыл глаза.

Не могу определить, сколько времени прошло, прежде чем я снова открыл их и увидел в своей комнате Ламис. Она стояла, повернувшись к окну, нетерпеливо переступая босыми ногами по холодному полу.

Только по спине цвета расплавленной карамели спускается вниз нитка жемчуга, движется в такт неслышной музыке, и тают последние клочки тумана. Я на мгновение замер в предвкушении того, как она повернется, но время стало слишком медленным, я подскочил к кровати и бросился к ней.

Разумеется, это был сон. Я понимал, что настоящего вокруг нет ничего, только вот иллюзии значили сейчас в тысячу раз больше, и я хотел верить в ее истинность. Но видение обманывало. За миг до того, как я бы коснулся кожи Ламис, схватил бы ее, опрокинул прямо там, пришел миг темноты, все началось заново. Я лежал в своей постели, медленно открывал глаза, сознание неторопливо возвращало себе быстроту мысли. Я помнил ее у себя в комнате. Я был уверен, что проснулся, надо было выругаться по поводу такого странного сна, но у окна снова стояла она, и нитка жемчуга опускалась между ее лопаток, остатки тумана были как тончайшая рубашка.

Еле слышная заунывная мелодия, луна. Волосы в ее прическе шевелились под легким ветром. Все было реальным, подлинным, все вернулось. Я бросился к ней, как ужаленный.

Снова разрыв, короткая темнота, и я медленно всплываю из пучины сна. Чтобы увидеть ее, стоящую у окна. Не помню, сколько раз повторялось возвращение, но понимаешь, Грей, каждый миг тогда был настоящим,

не поддельным. Потому что будь все иначе, я бы остановился, попытался не шевелиться, просто позвать ее по имени, чтобы она обернулась, и тогда наваждение бы исчезло. Нет, она бы осталась, но время больше не рвалось бы, как гнилая нитка. Я знал это уже во втором возвращении, но каждый раз ощущения были такими яркими, жгучими, что вытесняли все мысли. Я сходил с ума от желания, и будь это обычным сном, все быстро закончилось бы, а тут все длилось и длилось, без конца.

Потом, помнится, я убеждал себя, что с каждым разом подходил ближе, что она даже поворачивалась ко мне, но все это пустое. Просто в какой-то миг все кончилось. Как вода в гарнизонной цистерне — ее бывает очень много, но приходит миг, нет уж ни капли.

Это было точно такое же пробуждение, только комната была пуста, не осталось даже ее запаха, запаха ее кожи, ее волос... только сбитые и перекрученные мною простыни. И запах пота. Я от души выругался и распахнул окно, возле которого в моем сне стояла она...

Ночи в Африке прохладные, а под утро вообще становится холодно. Я быстро остыл и немного пришел в себя. Голова гудела, как после хорошей попойки, но это уже можно было перетерпеть. Вместе с облегчением я почувствовал дикую усталость. Я вернулся в постель, и остаток ночи проспал, как камень. Правда, утром я так и не смог вспомнить, когда же успел раздеться.

А на следующее утро было новое интересное поступление. Пьяная драка, проломлен череп. По-хорошему, ему надо было умереть там же, на месте, но парень оказался на редкость крепким. Он дотянул до утра, пока его не нашел патруль. Все остальное было сущей ерундой: синяки, ссадины, один длинный порез на боку.

Вся проблема была в голове. Отек после удара угрожал спрессовать ему мозги. Единственный выход — трепанация. Проблема не в том, как сделать операцию: пробил, спустил кровь — и готово, а как сделать так, чтобы больной ее пережил.

Грубо говоря, я снял крышку с чайника, чтобы он выпустил пар. Прикрыл рану кожным лоскутом, зашил... стал ждать. Пациент не открывал глаз, но дыхание у него стало ровным и спокойным; теперь он больше походил на спящего, чем на умирающего. И я задумался, что делать с «крышкой». Обычно кость заменялась стальной или золотой имитацией, обрекая владельца на парик и насмешки. Если же пытались сохранить кость, то она высыхала и становилась совершенно бесполезной — хрупкая мертвая пластинка.

И тут меня осенило. Я прикрикнул на фельдшера, чтобы не мешал, и снял с пореза на боку тряпки. Расширил доступ, сделанный каким-то случайным собутыльником без мыслей о хирургии, и сделал в его теле карман, в который и положил злосчастную теменную кость. Потом, когда пациент окреп бы, ее можно было бы достать и приладить на место — родная кость

для тела лучше всего. Забегая вперед, скажу, что так оно и вышло: прижилось прекрасно, и если бы не тонкий шрам, никто бы не сказал, что парень перенес тяжелейшую операцию.

Фельдшер смотрел на меня, ничего не понимая, даже когда я вымыл руки и объяснил, что я делал и почему. Наверное, его впечатлило то, что на этот раз я совершенно в его помощи не нуждался: бедняга Лорье не успевал подавать инструменты, и я его невежливо отпихнул.

А я даже не сразу сообразил, что необыкновенная ясность мыслей, четкость и точность движений, даже само озарение — это последние отзвуки выпитой чашки. И гордость моя несколько поутихла, но, с другой стороны, я подумал, какие возможности это передо мной открывает. Я был уверен, что провел операцию не хуже того знаменитого военного хирурга, русского скандалиста...

И ушел бы домой, если бы не тот несчастный самоубийца. Гангрена довольно успешно заканчивала то, что он начал, и его перевели в отдельную палату, «дабы не смущать остальных». Госпиталь большой, пациентов мало. Поэтому мы могли позволить себе такую роскошь.

В палате ужасно воняло, и Лорье исчез под первым же предложением. Я тоже не собирался задерживаться. С первого взгляда было ясно, что этот день больному не пережить. Гангрена с обыкновенной своей быстротой разлилась почти по всему его телу. Я не упрекал себя. Единственным спасением в таком случае была бы ампутация, но как ампутировать туловище? Он же в первый раз пытался упасть на штык сердцем.

Оставалось только сделать «укол милосердия». Все необходимое было в шкафчике на стене палаты. Я развел морфий, набрал его в шприц, взял жгут и застыл с ним в руке, не поворачиваясь.

Это было похоже на кошмарный сон, когда тебя преследуют чудовища, а ты не в силах пошевелиться. Его дыхание за моей спиной было таким же сильным и громким, как у них. В голове крутились несвязные мысли: «Это не преступление... он все равно умирает... это грех».

Я знал, что я должен сделать, знал, как... Но я просто слушал его агонию. Нашел в себе силы повернуться, но не приблизился, просто смотрел и слушал, думая про еще одну чашку, которая превратит меня в сверхчеловека. Эти жуткие сокращения пораженных гангреной мышц... края ран стали белесыми, точно вываренное мясо. Я много раз смотрел на умирающих равнодушным взглядом. И убивать мне тоже приходилось, но тут было что-то совершенно другое. Третий радующийся — вот подходящее сравнение. Будто два врага бились насмерть в моем присутствии: умирало тело, и за ним неизбежно погибала болезнь, а я стоял сбоку и соблюдал свои посторонние интересы.

Но все продолжалось недолго.

Знаешь, в такой ситуации многие понятия морали выворачиваются наизнанку: если бы я задушил его подушкой, это было бы милосердием,

а ничего не делать — большей подлостью и трусостью, чем убийство. Теперь я думаю, что если я буду кричать: «Я ничего не сделал!», в аду мне ответят: «Вот именно!»

Лорд пошевелился, не зная, что сказать, но Харрис уже продолжал.

Когда он затих, я воткнул иглу ему в непораженное плечо, а содержимое шприца вылил на простыни. Они и без того были уже мокрыми. Я не знал, заметят ли отсутствие «укола милосердия», но не хотел рисковать. И это тоже был кофе.

— И ты пошел за новой порцией?

— Не сразу. Но чтобы успокоиться, мне хватило пятнадцати минут, и я пошел за новой порцией. Эта чашка дала очень интересный эффект.

Я мог предсказать слова и поступки всех, с кем сталкивался в тот день. Я думал: «А сейчас он скажет то-то», и мой собеседник действительно это говорил. «А теперь он сделает это» — и ни разу не ошибся. Исключая, конечно, полковника и Дюкло — они оставались для меня «закрытыми». Мне было приятно думать, что теперь и я для них закрыт.

Это продолжалось не несколько минут, не полчаса, а несколько дней, так, что я уже успел привыкнуть к этому состоянию и все равно наслаждаться им.

Несколько раз я едва не выдал себя, начиная отвечать на еще не прозвучавшие возражения, и понял, наконец, как это удавалось полковнику.

Кофе еще продолжало действовать, когда как-то днем я встретил Элизабет...

...Мое новое обострившееся зрение позволило мне различить ее еще в самом начале улицы. Она шла по другой стороне, улыбаясь своим мыслям и вертя в руках белый кружевной зонт. Я лениво шел ей навстречу и думал, что мы встретимся где-то около того дома с башенкой. Когда она разглядит меня, то тут же опустит глаза, притворится погруженной в собственные мысли и сделает вид, что не заметила, продолжая идти по своей стороне улицы.

Я перейду дорогу, окликну ее «мисс Элизабет!» и только тогда она соизволит поднять глаза, заметить некоего лейтенанта Харриса и, может, улыбнуться. В конце концов, правила кокетства одинаковы, что в Англии, что в Африке, только более жаркий климат ускоряет события. Я шел, несмотря ни на что, предвкушая встречу...

— Господин лейтенант! — радостно махнула она зонтиком и пересекла дорогу, осторожно лавируя между запрудившими улицу телегами. Подошла, слегка запыхавшись, и улыбнулась ярко и радостно. Признаюсь, Грей, я боялся ее увидеть, так, как других, по-настоящему: теперь все недостатки и пороки, физические и моральные, были для меня как в лупу.

— Наслаждался ощущением, что ты племянник Господа Бога?

— Вроде того. Но с Элизабет это не сработало. Она осталась такой же, какой я видел ее до этого — красивой и неглупой девушкой. Помню, как я испугался, что она «закрыта» для меня по тем же причинам, что и ее отец.

Я шел рядом с ней и пытался разобраться в своих ощущениях. Молился, чтобы мои опасения не оправдались, понимая, насколько у меня нет на это права. А она тем временем говорила о делах попечительского фонда больницы.

— Я уверена, что мы непростительно пренебрегаем влиянием обстановки на выздоровление больного. Просторные, чистые палаты, свежий воздух, постоянная смена белья — это тоже лечебные процедуры. Душевный покой не менее, а иногда и более важен, чем телесный! — заявила она мне.

Я вспомнил увесистую стопку книг, которую помог донести ей в день нашего знакомства.

— Я вижу, что вы уже добрались до записок Ларрея, — улыбнулся я. — Отстаиваете его идеи так же горячо, как и он сам.

Элизабет смутилась и замолчала, совсем по-детски отвернувшись и опустив голову. Но не успел я извиниться за свой снисходительный тон, как она продолжила.

— Как это бы самоуверенно ни звучало, но Ларрей только подтвердил мои собственные выводы, — едва слышно произнесла она. — Вы же знаете, что я интересуюсь медициной, в доступных женщине пределах. В последнее время даже больше болезнями души, чем тела. Я думаю, вы и сами замечали, что душевный настрой может очень сильно повлиять на выздоровление...

— Г-м-м...

— А сколько лет поговорке «Раны победителя заживают быстрее»?

— Г-м-м...

— Больше двух тысяч! — победно улыбнулась она. А я, любуясь вспыхнувшим на ее щеках румянцем, вдруг понял, что для нее забота о больных — это не дань моде и не способ борьбы со скукой, как для других офицерских дам. Я вдруг почувствовал в ней необычайную внутреннюю гармонию, душевное равновесие, полное не показной, тихой и терпеливой любви к миру. Словно... словно золотой стержень души. В чем-то она видела мир так же ясно, как и я теперь, но ей не было нужды прибегать к кофе: ее источник силы находился внутри нее самой, и она могла черпать оттуда сколько угодно. Но это не делало ее святой, потому что в ней было слишком много гордости, желания жить и радоваться, бьющей через край энергии. Это делало ее еще более привлекательной для меня.

В этот момент моя страсть к Ламис впервые показалась мне чем-то мелким и недостойным. Похотью в библейском смысле этого слова. Я шел и молча слушал, как она рассказывает, что уговорила-таки комитет выделить деньги на оплату трех уборщиков дополнительно вместо распространения душевспасительных брошюр. Она живо и весело описывала свои битвы с остальными офицерскими дамами и заставила меня таки улыбнуться, несмотря на то, что я думал о совершенно других вещах. У нее вообще редкий дар рассказчика, не то, что у меня.

— Ага. Именно поэтому я слушаю тебя, не прерывая, уже второй час, — заметил Грей.

— Почти не прерывая, — выделил Харрис слово и улыбнулся. — Так вот, мы шли по Сиди, и я ловил направленные на нас заинтересованные взгляды. Даже мог прочесть мысли: «Этот выскочка даром времени не теряет! А она ведет себя почти непристойно! Так навязывать себя! И даже без компаньонки!» Но для того, чтобы заметить это, надо было обладать моей обостренной кофе наблюдательностью. Все-таки она была дочерью самого главного в Сиди лица, и даже косые взгляды позволяли себе немногие. А Элизабет вдруг остановилась на полуслове и вывела меня из раздумий, сприв:

— Господин лейтенант, я могу считать вас своим другом?

— Да, конечно, — удивленно ответил я.

Простите меня за этот вопрос, но... Вы не замечали в поведении моего отца каких-то странностей в последнее время? — она договорила уже через силу, явно стыдясь своих слов. Конечно, я не мог сказать Элизабет, насколько обоснованно ее беспокойство. Пробормотал несколько слов о переутомлении, грядущей инспекции.

Теперь мне был понятен интерес бедной девочки к психиатрии.

От того момента, как я успокаивал Элизабет, и до окончания истории, прошло две с половиной недели. Восемнадцать дней, если быть точным.

Обыкновенно говорят, что время в таких случаях тянется медленно, решения принимаются с трудом и вообще, в мире что-то меняется. Ничего похожего я не ощутил.

Нельзя сказать, что в городке все шло, как всегда. Неожиданностей хватало. За это время среди жертв Мясника оказался Флерри. Но сочувствия у меня почти не было. Он выбрал самый простой и быстрый путь, взял от кофе только удовольствие, не брезгуя посещать при этом опиумные притоны. Сидение в карцере его ничему не научило.

Намного больше меня беспокоили остальные убийства. Их стало слишком много. Я освидетельствовал тела жертв, и на этот раз они носили следы грубой, спешной работы. Мясник начал пренебрегать качеством ради количества. Наконец — два убийства за одну ночь. Меня уже мутило от этого.

Убийства не могли продолжаться бесконечно. Машина государства очень медлительна, но обязана реагировать.

В тот день полковник вызвал в свой кабинет почти весь офицерский состав гарнизона. Получилась короткая шеренга, в которой крайние уже упирались плечами в стены кабинета. Я как раз подпираю левую. Брандт был собран, спокоен, но внутри кипела ненависть, которой он постепенно давал сорвать крышку котла.

— Некоторое время назад мы разработали хорошую схему патрулирования подотчетной территории. Мы должны были поймать Мясника, быстро и без потерь. Но почему-то ничего не выходит.

Он замолчал на несколько секунд.

— Убийства не прекращены. Какой-то одиночка умудряется водить нас за нос, причем уже какую неделю подряд. Город в страхе, мне тут взятки суют, лишь бы я поставил патруль к дому очередного лавочника. А что делаете вы все?

Молчание. Он сверлил нас глазами, мы делали вид, что прямо сейчас работаем над решением этой архиважной проблемы, а если выйдем отсюда, то работать получится вдвое быстрее.

— Неделю назад в ближайших барханах сожгли какого-то бродягу. Бывает. Но почему-то патруль явился туда только через два дня. А свет должен был быть виден с окраины.

Молчание. Его слова не нуждались в ответе.

— Что дальше? Тот безголовый каменщик. Кто-то перетер ему шею веревкой и забрал левое ухо. И где были наши доблестные легионеры? Выпивали в два горла, каждый в ближайшем кабаке? Что скажете, Пуан? Нет, вы подумайте, человека хватают, тащат в ближайшую развалюху, и там мучительно убивают. Он, наверное, что-то хотел сказать перед смертью. Звал на помощь, ругался или зывал к Аллаху! Где были ваши уши?!

Упрек казался не совсем справедливым: патрульные знали, что, если полковник застучает их в кабаке, добром это не кончится. Офицеры даже ходили в патруль сверх нормы.

Пуан в ответ сказал только, что каменщику заткнули рот. Брандт пропустил оправдания мимо ушей.

— Потом двое стариков. Вдруг пропали. Допустим, ушли к родственникам или просто захотели героически поджариться в пустыне. Это еще терпимо.

Деланное спокойствие трепало по всем швам. Впрочем, неплохо изучив Брандта, я предполагал, что его ярость такая же фальшивая.

— Но этот Мясник стал терять чувство меры. Два человека за ночь, ну куда это годится? Харрис! — он встал из-за стола и начал прохаживаться вдоль шеренги.

— Я!

— Что было изъято у последней жертвы, у водоноса?

— Ухо, глаз и желчный пузырь, мсье полковник, — отрапортовал я.

— Ну? — Брандт как бык уставился на Дюкло. — Зачем ему понадобился еще и желчный пузырь? Отвечать!

— Не могу знать...

— Почему не можешь знать? — Брандт перебил его, он почти сорвался, и я бы не удивился крепкому удару в лицо.

Дюкло превратился в оловянного солдатика, в куклу, в деревянного истукана.

— Не могу знать, — механически повторил он.

А ведь знал.

Это было настолько очевидно, что более внятным признанием был бы только вопль: «Я убийца». Но прежде, чем я успел осмыслить это, полковник переключился на Малларме.

— А где ты был, когда резали того дегенерата, погонщика верблюдов? Что ты делал, когда его подвешивали к потолку сарая?

— Согласно расписанию караулов, мсье полковник...

— Отставить! — он на шаг отступил и облокотился на стол. — Вы банда недоумков, а не офицерский состав! В ваши недоразвитые ослиные мозги может прийти мысль о том, что начальство в Оране будет недовольно?! Мы прилагаем все усилия, а трупов все больше. Какой вывод сделают наверху? Не соображаете? Энский полк вместо того, чтобы идти на юг, останется здесь, и его личный состав будет содействовать нашим охранным мероприятиям!

Да, он кричал, он был зол, но это был совершенно неправильный гнев. Так можно орать на дальних родственников, на деловых конкурентов, даже на случайных прохожих в парке. Но подчиненные не должны видеть подобного.

А Брандт не отчитывал их за отлучку с постов, вообще за халатное отношение к службе. Он был недоволен сочетанием их жадности и неумелости.

Это тоже стало мне абсолютно очевидно.

Головоломка с убийствами могла разрешиться еще раньше, но я просто не думал о Мяснике, как о насущной проблеме. Не хотел понимать, откуда берется столько грехов на оплату кофейных куш.

Полковник платил за первосортный товар — в оплату шли плохие смерти случайных людей, их страх, отчаяние и его собственное удовольствие от гибели несчастливцев. Ему это нравилось, и отпала необходимость зверствовать с подчиненными. Новая жертва поможет успокоить нервы. Доведение до самоубийства, избияния, тяжелые наказания рядовых, не говоря уже о простых кражах, оставались на долю подчиненных. Но в «Розати» всем хотелось подняться на ступеньку выше, удобрить собственный куст. А тут такой выдающийся пример, идеальный образец для подражания. Вот Дюкло и полез за человеческой селезенкой. Начальство отчитывало провинившихся подчиненных, из-за которых в местный филиал прибывает инспекция. Теперь все висит на ниточке, и надо думать, как решить проблему.

Понимаешь, Грей, когда я сообразил все это, не ощутил никакого ужаса. Тут было другое. Хорошо, что полковник построил нас, и мы вытягивались в струнку. Сидя где-нибудь в кресле, я не удержал бы лица, показал бы, что не хочу разгребать эту кучу навоза.

Нельзя сказать, что я подумал о будущем или прикинул, сколько трупов будет в Сиди через год. Нет, цифры в те секунды не задерживались у меня в голове. Скорее, я ощутил, что все это плохо закончится. Почувствовал. Даже не знаю, с чем сравнить. Вот, вспомнил: есть такие подарки-сюрпризы,

сложенные во много раз листы с рисунками. Весь интерес в том, чтобы наблюдать за физиономией человека, который все разворачивает, раскрывает упаковку, и никак не может сообразить, где же сам подарок. И я почувствовал, что слишком уж много всего лезет из маленького свертка, будто в той кофейне была мастерская невиданных ужасов.

И в этой игре, которую вел Брандт, в гонке за властью, я решил спастись.

Да и сомнения одолевали, страхи, даже кошмары. Все это было как падение очередной костяшки домино. Ты сам видел, Грей, как это бывает: от скуки в лондонских клубах ставят на ребро сотню, а то и три сотни таких костяшек. Уже тысячу поставили? Вот идиоты. Ну, не важно. Главное, что совмещают несколько наборов костей, разной величины. Опрокидывается первая, самая маленькая, и начинается... Ты не знаешь, когда упадет очередная, даже можешь не рассмотреть ее в деталях, но процесс не остановить. Вот так и в Сиди, буквально все вокруг ощущали, что распрямляется некая пружина, что завтра все будет не так, как вчера.

Не до скуки, казалось бы, но...

А потом я понял, что власть — лишь первая обманка. Небезграничными оказались и мои врачебные умения. Кофе сделало из меня гениального хирурга, говорю это без преувеличения, потому что это, в конце концов, не моя заслуга. Правда, тогда я об этом думать не хотел. Кассель теперь охотно отдавал мне своих пациентов, удивляясь, на что я трачу силы. А я радовался каждой медицинской загадке, как вызову своим новым способностям. Думаю, каждому в своей жизни довелось испытать это горделивое ощущение: «Я могу!» А я чувствовал это почти каждый день. И уже писал серьезную статью в «Ланцет», когда ко мне поступил новый больной с пульсирующей опухолью на бедре. Я быстро понял, что это огромная аневризма. Гм... мешковидное выпячивание в стенке сосуда, до крайности истонченное. Если разорвется, то неизбежна смерть от потери крови. Я прочитал пару заметок о технике Купера, которую признали оптимальной для таких случаев. Он предлагал просто перевязать сосуд, на котором «сидит» аневризма, и ждать, пока она не уменьшится, до полного исчезновения. Светило медицины, а туда же. Его больные умирали максимум через неделю от застоя крови в ногах. Две дюжины народу на кладбище отправил, и еще гордился. Идиот. Кровь-то не поступает, артерия перевязана, чем нога жить будет?

Я решил изучить проблему. Положил пациента в отдельную палату, а сам занялся грубой работой — пошел вскрывать трупы, благо из-за Мясника недостатка в них не было, и следов моей работы никто бы не заметил. Я закачивал красящие вещества в самые крупные сосуды трупов и изучал их ход. Перевязывал и проверял, по каким обходным путям перетекает краситель. В общем, мне удалось найти место, где я не задену нитью с иглой ни нервы, ни артерии, ни легкую кровящую брюшину. Я был чрезвычайно доволен собой.

И когда я возился в подвале, я понял, как могу усовершенствовать операцию Купера: надо перевязать брюшную часть аорты не сразу и наглухо, как делал он, а вывести концы нити наружу и постепенно, медленно затягивать, сужая сосуд, но не перекрывая полностью. Где-то в течение трех дней, пока аневризма не «скукожится». Так я и выпячивание уберу, и спасу важнейший сосуд. Я, хотя меня поджимало время, даже сделал экспериментальную операцию на первой попавшейся кошке, чтобы полностью убедиться в своей правоте. Кошачья лапа не похолодела.

Теперь надо было браться за человека. Больной был абсолютно уверен, что я его спасу. А почему бы и нет, мне нравился такой настрой; я тоже был в этом уверен.

Во время операции я не сделал ни одной ошибки. Ноги теплые, паралича нет... Но на второй день из раны пошла кровь — лопнул сосуд. Я сделал новую перевязку так быстро, что он не потерял трех столовых ложек крови. После этой операции кровообращение в ногах сохранилось, но пациенту стало хуже, появился жар попеременно с ознобом. Чтобы уменьшить опасность внутренних кровотечений, ему давали пилюли из льда. Ухаживали, как за генеральским сыном. Я уже предвкушал статью в «Ланцете», известность...

На пятый день открылось обширное кровотечение: новая перевязка порвала вторую артерию. Прорыв артерии забили порошком, но больной уже потерял больше пинты крови. Он скончался, меньше чем через сутки. Вот так. Что простительно для лондонского светила, недопустимо для врача откуда-то из Сахары. Надо было либо предъявлять живого попрыгунчика, либо молчать. Я выкинул черновик статьи.

Но дело было не в единичной неудаче. Пара трупов получается при любых медицинских новациях. Иногда их больше. Нет, дело не в том доверчивом бедолаге. Ощущения обманывали меня. Я мог скальпелем превратить ногу больного в опметки, как истачивают карандаш на плохой точилке, а тот бы этого и не заметил. Точность движений у меня была фантастическая. Только что из этого? Я был как скульптор, который попал к дикарям и пытается строить новый храм. Пару статуй он сделает, но купол обязательно рухнет.

Медицина — коллективная игра, и один человек не стоит госпиталя. Авиценны-мага из меня не получилось. А стать во главе больницы, сделать карьеру в Лондоне, перелопатить всю напущенную хирургию я не мог. Недочка, практиковавший в Иностранном Легионе, будет смешон тамошними профессорами, не говоря уже о потребности в кофе. Вот какой получался фокус: я мог соперничать с Мясником (лучше называть его так, чем хотя бы в уме повторять свои подозрения) в искусстве потрошения жертв, но из десяти тяжелых больных, я мог спасти троих вместо двоих. Не больше. Кофе себя не окупал.

Можно было, конечно, начать создавать новую организацию, новую медицину прямо здесь, в Сиди. Своя медицинская школа — это уже много значительнее, и заставляет примолкнуть даже самых напыщенных белохалатных болванов.

Н-да. Если бы все было так просто.

Я, не откладывая дела «на потом», обратился к Касселю. Чего больше всего не доставало в тамошних песках? Нормального зубоврачебного дела, стоматологии. Если у человека болел зуб, все ограничивалось железными клещами, спиртом и руганью. Одним зубом становилось меньше. Поставь мы самую дешевую, примитивную машинку, в которой сверло вертится от ножного привода, и закупи хоть немного материалов, жить стало бы лучше. Деньги не проблема — с местных бы брали тройную цену. Все купилось бы меньше чем за полгода.

Когда я расписывал грядущие перспективы, и показывал расчеты, Кассель смотрел на меня глазами тупого барана. Он ничего не хотел, ни к чему не стремился. В голове клубились лень и апатия. Ему было наплевать на все, что не касалось его личных интересов, его ограниченного «Розати» мирка. Честное слово, Грей, у меня даже возникла мысль взяться за скальпель и посмотреть, останутся ли у него глаза такими же ленивыми, если срезать с них веки.

Понятно, за скальпель я не взялся. В голове как-то сама собой сложилась комбинация: как припугнуть его возможным недовольством полковника, как подправить документы и кому надо написать в Оране, чтобы заказ прошел по нормальным каналам.

И тут все замерло. Ну, добыл бы я технику, обучил пару фельдшеров, может быть, через год смог еще что-то сделать. Но вокруг-то оставалось болото. Такие, как Флери, по-прежнему будут ходить с пустыми лицами. Дюкло и Пуан продолжат соревноваться в жестокости с полковником. Отдельные энтузиасты, вроде меня, не смогут выправить ситуацию. Даже если я решу поселиться в Сиди, остаться после увольнения из Легиона и годы убую на становление здешней медицины, все сгорит в очередном набеге или партизанской вылазке туземцев.

Здесь было, есть и всегда останется запустение.

Нет, Грей, я не оправдываю Касселя. Он совершеннейшим образом оскотинел в глуши, но кто в этом виноват кроме него самого? Я тоже начал звереть, если по правде. Оттуда надо было просто выбираться. Так что я с отстраненным выражением лица завершил разговор, но в тот же вечер написал в Оран первое из необходимых писем.

Рассчитывал ли я застать там результаты своих трудов? Скорее, нет. Была слабая надежда, что мой преемник... Ну все это пустое. Я очень хорошо представлял теперь: и Сиди, и «Розати» — мелкое болото, полное квакающих жаб, просто одни стали голосить чуть музыкальнее прочих и заодно душили своих товарок. Без цели и смысла. Во всяком случае, я не видел в этом городке ничего стоящего.

— Но оставалась еще Ламис, — заметил Гилберт.

— Ламис и Элизабет... — усмехнулся Харрис. — Сны меня больше не преследовали, но жажда обладания Ламис оставалось такой же сильной и болезненной. И я решился на откровенный разговор.

— Ламис, как твое одиночество? — мой намек был настолько прозрачен, насколько позволяли приличия. А смотрел я на нее так, что все остальное было понятно без слов.

— Какое одиночество? — в ее улыбке было ровно столько фальши, сколько нужно для притворного смущения. — Ах, это. Ну, разве вы можете составить мне компанию?

— До сих пор получалось.

— Это ведь должна быть в высшей степени достойная компания. Человека, на которого можно положиться. А вы всего лишь храбрый солдат. Пусть и горячо преданный делу Республики, — она издевалась.

— Но мои намерения вполне обоснованны. Даже в финансовом смысле, — насчет денег, конечно, была глупость, но почему бы и нет?

Мне показалось, что сейчас она рассмеется, но Ламис удержалась и сохранила серьезность лица и речи.

— Ваша храбрость, лейтенант, вполне настоящая и много раз доказанная. Однако вы не решаетесь ее применить. Вы постоянно колеблетесь, как тот железный флажок на крышах европейских домов, и слишком часто идете туда, куда вам укажут. Чего вы хотите? Наслаждений или власти? А может, вам вообще все безразлично?

Она произносила эти слова, опустив глаза, будто извиняясь, но таким тоном, от которого мне хотелось немедленно затащить ее в какой-нибудь закуток.

— Я могу помочь вам, мсье Харрис. Не сама, — она вдруг окинула меня откровенно оценивающим взглядом. — Вы еще не созрели. Но вот унять жар, что распирает вас, это можно.

Я промолчал, скорее, от удивления.

— Помните Флери? У него осталась вдова, Иветта. Милая, но совершенно несчастная женщина, которая хочет вернуться в родные края, и у которой категорически нет денег. После всех тех неприятностей, которыми ее муж запомнился гарнизону, никто не дает ей ни единого су. Даже в долг. У вас она еще не просила?

Она снова улыбнулась.

— Иветта приходила ко мне вчера. К сожалению, Флери задолжал нашему заведению, и я тоже не смогла ей помочь. Однако мы договорились и нашли превосходный способ. Это будет стоить вам всего лишь восемьдесят франков.

Меня как чайником по голове ударило. Сводня. В «Розати» репнительно у каждого был свой скелет в шкафу, да еще какой — весь в бубенцах и с барабаном под мышкой. Впрочем, до того дня я ни полслова не слышал о

подобных шашнях, которые могли устраивать в кофейне. Видно, Ламис теперь чувствовала себя свободнее. Все были слишком увлечены поисками Мясника.

Сейчас я бы не испытал ничего, кроме гадливости. Но тогда ее слова показались мне самыми естественными, даже правильными.

Деньги лежали в бумажнике, и я не видел никаких причин отложить их трату. А что ее покойным мужем был Флери, ничего не меняло. Тот сам виноват, что не мог справиться с пороком. Ламис права, надо помочь вдове, и, в придачу, закопать новый сувенир под кустом. Это будет быстро и безопасно.

Я одним глотком осушил чашку, и вышел из кофейни.

Вдова жила в том кривом переулке, который был как бы границей между домами европейцев и местных. Семья вынуждена была уехать из «чистого» квартала, когда еще он проигрывал и прокуривал все жалование. Место было не то чтобы грязное или преступное, просто люди с достатком там не селились.

Постучал в сбитую из тонких планок обшарпанную дверь. Легкие шаги, лягз засова и осторожный взгляд в тонкую щель.

— Ламис рекомендовала мне... — я не успел договорить, как дверь распахнулась, и она попросила меня заходить быстрее.

Откровенный оценивающий взгляд: как с ее, так и с моей стороны. Мне показалось, что в ее взгляде мелькнуло облегчение. Действительно, я был не худшим вариантом из тех, кто мог прийти от сводни. А она показалась мне похожей на Элизабет — не слишком, просто рост, фигура и длинные рыжие волосы. Я равнодушно отметил их сходство, но вдруг без всякой паранойи понял, что это не случайность; даже словно услышал на мгновение игривый смех Ламис... Но мне уже было плевать.

Квартира была небольшой, почти без мебели, но идеально чистой, причем чистота явно была недавней, словно день или два назад она сделала яростную капитальную уборку.

Помню, у Иветты были красивые руки, на коже виднелись желто-зеленые следы от почти сошедших синяков. Она явно стала прибавлять в весе, и сквозь черты забитой домашней прислуги начал проступать облик веселой вдовы.

— У вас карман порван, — невпопад сказала она.

— Бывает, — мне было совершенно не до того, но я машинально переложил портсигар. — Вот.

Я протянул ей купюры.

Больше всего в те минуты мне хотелось отключиться, сознанию лучше было уйти, скрыться. Удовольствие должно было прогнать мысли.

Ни я, ни она не были расположены затягивать встречу.

Мысли и правда ушли, несколько минут все было хорошо, привычно и приятно. Я был только здесь и сейчас, а «там» не существовало, его просто

не могло возникнуть. Запахи, движения, вообще все ощущения были только телесными.

Но в те секунды, за которыми должно прийти расслабление, мысли вдруг вернулись. Четкие, ясные. Никакой кофе не мог дать мне столь полной картины моих собственных страхов и надежд. Будто душа, не отвлекаемая занятой плотью, смогла посмотреться в зеркало. Тут я понял, Грей: Ламис все прекрасно знала и про полковника, и про трупы. Она, а может быть, и Брандт, хотели сделать из меня еще одного убийцу. Не наркомана, вроде Касселя, который наслаждается в своем иллюзорном мире. Нет. Новую машину для уничтожения людей. И обожаемая содержательница кофейни — приманка. Слабые летят к ней, как мотыльки на огонь, а сильные караулят в полутьме и пожирают слабых.

За чем я гонюсь? Власть и сила, как у полковника? Они мне не нужны, мне почти хватает своих. Ум, пусть даже гениальность? Я все равно бесконечно долго буду доказывать дуракам, что я прав. Ты сам знаешь: люди пробиваются по двадцать, тридцать лет... всю жизнь. Это не мой талант, и мне проще от него отказаться. Что дальше: любовные утехы со сводней средних лет? Но вот прямо сейчас я ими занимаюсь. Женщина, правда, другая. Какое-то большое приключение, к которому меня приведет Ламис? Но так я приду только в ад.

И Элизабет, Элизабет... Я понял, что люблю ее.

А секунду спустя зеркало рассыпалось, и я повалился на ветхие простыни.

Да, Грей, это было не лучшее место для высоких чувств, но они приходят, когда им вздумается.

Когда одевался, курил, мы оба молчали. Я вышел, не прощаясь, желая больше никогда не вспоминать ее лица. Это мне удалось.

Но особенно далеко я не ушел. Почти у самой двери я получил пулю в грудь. Стреляли почти в упор. Как же я еще жив? Пуля ударила в портсигар. Представляешь, Грей, порванный карман, нелепейшая случайность, и она спасает мне жизнь. Такие случайности обыкновенны на войне, когда умирают сотнями, и спасаются единицами.

Харрис замолк.

— Ты встал и пошел дальше? Решил увезти свою будущую супругу? — Грей был готов поверить во многое, даже в то, что его старинный приятель числится сейчас беглецом и дезертиром.

— Так просто встать не получилось, я вообще еле доковылял до казармы. Но в ту же ночь все решилось, причем без моего малейшего участия. В первые дни я думал, что это еще одна удача, но потом мне стало ясно, что это, скорее, кончилось везение у этих чернокнижников, или кто там они были.

— Н-да...

— Усиленные патрули ходили по улицам, заглядывали в каждый уголок. Планировался общий обыск городка. Через пару дней весь Сиди просто перерыли бы на предмет хоть чего-то подозрительного.

Просто у кого-то оказался длинный нос. Помнишь, я говорил, что во дворике была арка с небрежно заколоченными воротами? Так вот, кому-то из армейских показалось, что они лишь прикрыты. Не заперты, не заколочены, а шевелятся от порывов ветра. Врали, наверное. Небось, подошли, посмотрели, как всегда стали заглядывать в щели. И им показалось, что между кустами кто-то прячется. Думаю, это была одна из тех двух удочеренных девочек. Они в потемках просто не рассмотрели. Тут, понятно, все работает на уровне инстинктов — схватить, узнать. Патрульные солдаты вмиг вынесли эти ворота и кинулись в сад. Стали шарить по кустам и, конечно, тут же стали находить «сувениры». Еще кто-то разбил фонарь.

— И огонь попал на кусты, — лорд тоже читал старые сказки, и мог представить, какие проблемы сопровождают любое колдовство. — Только откуда ты знаешь про фонарь?

— Все, кто воспринимали свои грехи по образу морфия, как с ума посходили. Наверное, это была чисто физическая боль. Я тоже это почувствовал, но не так остро, не потерял способности мыслить. Словом, разговора у них не вышло, и каждый попытался застрелить другого. Как ты понимаешь, солдаты плохо воспринимают стрельбу в упор, — Харрис чуть приподнял брови, показывая, что удивлен вопросом Грея. — Пожар-то откуда-то взялся, так что без фонаря дело не обошлось. Хотя, насчет кустов, может, я и преувеличиваю. Может, его просто об стенку разбили. Факт в том, что полковник не пережил того боя. И кофейня, и ее хозяева, и клуб «Розати» — все в пепел.

— И тебя не арестовали?

— Ну, зачем же так. После того, как стал трупом полковник, да еще и несколько европейцев, заметь, легионеров, начальство было заинтересовано упрятать всю эту историю как можно глубже. Для ареста и суда не было никаких доказательств. Закатать меня обратно в глушь? Я только оттуда, да еще с таким дядюшкой-покровителем в Париже. Словом, меня выкинули из Легиона. Вмиг.

— А ты этого и...

— Добивался всеми силами, Грей. Сроки-то по бумагам уже вышли.

Лорд рассмеялся и принялся загибать пальцы, будто пересчитывая слоги в строфе на уроке стихосложения.

— Свобода от дурацких приказов, настоящая любовь, деньги на солидное поместье, просто целая собственная шкура, которую ты вынес из этой передраги. Поздравляю, Харрис, ты счастливчик первого класса!

Но сквайр помрачнел.

— Не так все просто, Грей. Я ведь пил то кофе, я наслаждался, я получал дивиденды от смерти. Понимаешь? Там была какая-то дьявольщина, и я заключал с ней сделки. Вроде ничего не обещал, но не проторговался ли я? Как ты считаешь?

На столике между ними все еще стояли пузатые бокалы с коньяком, но в бутылки уже не осталось ни капли. Лорд довольно долго молчал.

— Думаю, если ты раскаялся, то все в порядке. Тебя будут судить не строже, чем всех остальных английских грешников и меня в том числе. Я даже думаю, — голос лорда обретал уверенность, — что все решилось в тот миг, когда ты выбрал Элизабет. Любовь защитила тебя.

— Туземцы бы сказали, что не было бы мне без нее такой удачи, — грустно усмехнулся Харрис. — Ладно, мы засиделись.

Он не стал вызывать дворецкого, лично проводив в лучшие гостевые апартаменты. По дороге оба молчали, но это было понимающее молчание.

Харрис закрыл дверь... и отправился обратно в библиотеку. Там дворецкий, который не мог позволить себе заснуть, если бодрствует хозяин, лично убирал со стола.

— Принеси чаю, Диллингтон, — распорядился сквайр, устроившись в кресле.

Он разобрался еще не со всеми своими воспоминаниями.

— Да, сэр, — невозмутимо ответил дворецкий, а через минуту появился чай.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ АУСКУЛЬТАЦИЯ

О, эти воспоминания. Их можно пересказать только себе, и только вот в такой обстановке, когда вокруг точно нет ни одной живой души и можно не опасаться случайных слов, проговоренных вслух.

Ночные улицы были привычны, как разношенные сапоги. Стены домов складывались в знакомый лабиринт. Песок, осевший на мостовых, хрустел под ногами, а звезды над головой успокаивающе мне подмигивали. Это были несколько минут покоя, которые может устроить себе даже самый уставший, измученный человек.

Просто все сложности и проблемы откладываться «на потом», не слишком надолго. Однако хороший кусок времени принадлежит лишь этому синему ночному небу, крупным, как апельсины, звездам, летучим мышам и мне. Я с удовольствием вдыхал сухой пряный воздух Африки, в ушах тихонько позванивало. Надо же хоть немного порадоваться жизни...

Меня, как прикладом, ударило в правую сторону груди. Вышибло весь воздух, перехватило дыхание и бросило на песчаник. Только долю секунду спустя я понял, что слышал звук выстрела и лежу на мостовой.

Я хрипел, пытаясь вытащить пистолет из кобуры, почти ничего не видя, и только слух, который из всех чувств последним покидает человека, исправно сообщил, что рядом клацает затвор. Все ясно: сейчас, вот прямо здесь меня добьют, и приключение длиной в двадцать восемь лет закончится.

Будь оно все проклято.

Но судьба улыбается человеку, когда он меньше всего надеется на счастье. Крик-приказ в соседнем переулке, патруль бежит на выстрел, и желтый свет фонарей заслоняет звезды.

— Не двигаться! Именем... Черт, именем Республики! — Массини, бывший полицейский, еле разучился упоминать в своих приказах имя правителя того опереточного герцогства, откуда он убежал, и теперь вечно ссылается на *belle France*.

— Здесь! — я, еще лежа, поднял руку.

Меня заметили, помогли подняться.

— Ого, нашего врача чуть не отправили ко всем его пациентам, — смеялся Массини. — Обойти ближайшие улицы! Быстро!

Это уже солдатам патруля.

Я увидел первосортную дыру в своем мундире. Страшно ломило и резало в груди — одно ребро точно сломано

— Так, вытаскивай. Да тащи ты, — Массини, видя мою заторможенность, помог мне расстегнуть мундир и вытащить портсигар. — Ты везучий, как графский сынок, Харрис.

Мягкая свинцовая пуля расплющилась о медную коробочку портсигара. Сине-черная вмятина на темно-оранжевом фоне. Я отлепил ее от остатков портсигара, рассмотрел в свете фонаря.

— Нет, это надо же, какая-то косорукая сволочь угодила тебе точно в броню. Наши будут хохотать, — этот итальяшка улыбался, как пятилетний ребенок. Я с легкой отстраненностью понял, что пуля надпиlena. Такая оставляет входное отверстие с монету и выходное — с кулак, наворачивая на себя по пути клочья мяса... Да, еще была вспышка, точно, я просто не смог подумать о ней. Откуда стреляли, ведь почти в упор. Я не слишком уверенным шагом пошел к тому углу.

Стертые, уже затоптанные следы в пыли и ускользающий, еле слышный аромат листового табака.

Полковник обожал этот табак. Привязанность, которая стояла ему только семь-шесть франков в месяц.

— Дай мне пару рядовых, пусть доведут меня до казармы. Мне надо отлежаться и все обдумать, срочно обдумать. Слишком сильно сжимается пружина.

— Ольсен! Карр! Сопроводить лейтенанта до двери. Выполнять.

— Так точно.

Я ушел с места своего несостоявшегося убийства, опираясь на плечо датчанина.

Чем я был ближе к дому, тем яснее возникали передо мной безвыходность обстоятельств и острота проблем.

Наконец решить, какую из дам выбрать, и уехать отсюда в старую Англию? Как же. Брандт не отпустит меня. Он вообще никого не выпустит из города.

Это ведь игра на одного и тайна для одного. Идиот, об этом надо было догадываться раньше. Полковник жаждет силы и власти. И тут такой дивный напиток — можно не карабкаться до старости по лестнице чинов, целуя очередной ботфорт, а сразу шагнуть в бонапарты. Или куда там еще. Мистическая дрянь может сделать его хоть в сотню раз умней и пронырливей: надо просто устранить всех, кто сомневается, всех слабаков, слишком привязавшихся к их драгоценному кофе, и, может быть, даже разобраться с хозяевами.

Или они действовали вместе? Ламис все рассказала Брандту, потому что определила меня в проигравшие? Неважно.

Боль в груди не давала дышать.

Им проще всего убить меня.

Вот как сейчас. Брандт ведь делал все наверняка: от подобной раны, когда разворочена половина груди, умирают меньше, чем за минуту. И уже нет сил что-то сказать. На полковника, превосходного стрелка, вообще не подумают, даже если в эту ночь его и видели поблизости. Нет ни окурка, ни оторванной пуговицы — вообще ничего уличающего или просто подозрительного. Только запах, который исчезнет.

Мы дошли до казарм, коридоры, вот и дверь.

Два замка, проклятье, надо отпирать два замка, и зажигать лампу, и только потом можно бережно, не торопясь положить свое тело в постель и замереть. Полежать так несколько минут, представить, что дышишь только животом и совсем не двигаешь ребрами.

Нет, этого мало.

Тихий голос подсказал, что в лазарет мне сейчас нельзя, там могут ждать. Кассель с превеликим удовольствием устроит случайную передозировку, тем более, что вскрытие проводить уже будет некому.

Так, стащить китель, осмотреть. Нет, просто большой багрово-черный синяк.

Обязательно морфий.

Волосок на саквояже не тронут, и все баночки стоят так, как он их поставил. И шприц лежит правильно. Раз, два. Медленный вдох, выдох. Набрать раствор, иглу в бок, надавить плунжер. Сейчас станет легче.

Уходит боль и одновременно с ней, вытесняя ее, наступает равнодушное отупение. Сил хватает только на то, чтобы кое-как из подручной простыни и платков — одного, второго, куда запропастился третий, неважно — пока не закрылись глаза, соорудить фашину на груди, и заснуть. Если спать без сновидений, то тебе не страшна ни одна тварь в мире.

С утра явился полковник и Дюкло. Оба были веселы, бодры, желали скорейшего выздоровления, придвинув кресла поближе к кровати. Сыпали двусмысленными шуточками о Мяснике, который взялся за митральезу. О моей чертовской везучести. Между делом сообщали официальную версию: покушение устроил фанатик-сенуссит. Ну что ж, правдоподобно.

Южнее недобитки регулярно подстреливают кого-то из наших, и сюда мог кто-то забрести. По кварталам шли обыски, а Энский полк, который проходил через город и направлялся в Оран, было приказано на сутки задержать и прочесать окрестности.

Вряд ли бы в Орane стали беспокоиться о поломанном ребре какого-то врача, но Мясник плюс партизанщина — это было неприятно.

Я тоже много шутил, хотя и старался говорить покороче. Острая боль ушла, осталось тупое чувство безысходности и нарастающая злоба. И еще темный, звериный инстинкт, который подсказал мне, что надо притвориться куда более хворым, чем есть на самом деле. Не умирающим, нет, просто раненым, который сможет нормально передвигаться не раньше, чем через три-четыре дня. А на коня сядет, в лучшем случае, через неделю.

Потом зашла Элизабет. Это был тот род визитов, когда хорошо знакомые люди остаются наедине, однако при этом совершенно нет возможности расслабиться.

— Я рада, что вы смогли дать отпор тому фанатику.

— Без патруля Массини у меня это получилось бы много хуже.

— Но вы скоро поправитесь, — она кладет ладонь мне на руку.

— Постараюсь. Не могу же оставить «Розати» без своих медицинских баек? — фальшь в каждом слове, но не во взглядах. Я первый раз смотрел на нее так, будто Ламис никогда не существовало, и мы два месяца только и делаем, что прохаживаемся вдоль аллей, неторопливо беседуя...

— Я с удовольствием их послушаю. Наверняка, самые интересные вы приберегали на потом.

Девочка боялась, и только привычка видеть убийц каждый божий день еще помогала ей держаться. Видно, что-то проступало сквозь личину нашего доброго полковника. Не тот тупой зверь, который бесновался в нем полгода назад, а новый, хитрый и почти неуязвимый бес. Зверь не тронул своей дочери, а вот умная подлость может толкнуть Брандта на что-то экстраординарное.

Мне оставалось только лежать, пить и есть. И еще потеть — жара стояла невозможная, ветер бесновался, и весь городок был затянут желтым песчаным маревом. Пыль лезла в глотку, отчаянно хотелось кашлять снова и снова, но пока это было слишком больно.

В голову шли планы выезда, фактически побега. Но все они были сущим бредом. Быстро продать землю я не мог, уехать из города без разрешения не мог, я не мог даже обвенчаться с Элизабет. Все мои выдумки механически складывались в одну единственную надпись «нет», которая уже горела у меня под веками. Я изводил себя до обеда разными замыслами, пока не понял, что от этого становится только хуже. Надо было попытаться стать хладнокровным.

Я попробовал и для начала прикинул, что будет делать полковник дальше. В казарме стрелять в меня глупо и невозможно — тогда оба

выстрела станут единым целым, и легионеры начнут искать виновного уже среди своих. Брандту это совершенно не нужно. Сделать вид, что ничего не было, в надежде на то, что дурак и мечтатель смотрел на ночные звезды? Полковник не такой человек, чтобы оставлять на волю судьбы подобные ситуации. Ему непременно надо убить меня — подняться еще на одну ступеньку. Его слишком мают новые возможности и убийство человека...

Почему именно меня? И почему он стрелял в портсигар — ведь после чашки кофе квадратная выпуклость на мундире была ему отлично видна?

Это было как удар тока на гальваническом лечении. Я понял. Платка нет. Я ведь не нашел третьего платка, который еще сегодня, в кофейне, держал в руках... Его так удобно оставить рядом с телом. И у полковника есть только один человек, которого в городке он ценил больше меня и хозяев кофейни, — его дочь.

Все элегантно до невозможности. Все просто и надежно, как цианид в миндале. Еще до конца недели — не сегодня, сегодня за мной слишком много глаз, — когда я уже начну вставать и ходить по казарме, Элизабет найдут убитой. Либо в манере Мяслика, либо в тупом подражании ему. Разумеется, с моим платком поблизости. Брандт не станет слушать никаких объяснений. Он устроит все, как надо устроить в таких случаях. Подобие дуэли, которое будет мало отличаться от казни.

Даже боль в груди отступила на несколько минут — так отчаянно захотелось жить, уехать из этой проклятой страны песков с ее жарой, бесконечными миражами и отвратительными тайнами.

Что делать?

Проще всего рассказать о краже платка. Устроить очередной переполох в казарме. Нет, слишком мелкотравчато и ненадежно. Это короткая отсрочка, а если полковник или Пуан сообразит подбросить платок обратно — я стану посмешищем. И ее все равно убьют — найдут другой способ указать на меня. Дюкло с Пуаном и, может быть, Дюпре, прямо укажут на меня, им не впервой работать лжесвидетелями.

И нет ни одного друга со стороны, все мои крепкие здешние знакомства — это «Розати».

Я хихикнул — надо сделать себе заметку на будущее, чтобы так не опростоволоситься. Связи должны быть разнообразнее.

И тут путь спасения, откровенный и даже наглый в своей простоте, замаячил перед глазами. Будто прятался за чашкой и теперь вылез покрасоваться.

Спокойно, надо все обдумать, подготовиться. Осечки допускать нельзя.

Я начал с самого простого — с мундштука. Новый, ни разу не использованный, брат-близнец первой моей несчастливой находки, так и лежал на полке. Я купил его совершенно случайно, в крохотном магазинчике с утрюмым продавцом-арабом. Он не был такой же тонкой работы, что мундштук Флери, но похож. Очень похож. Что ж, своего часа он дождался. Остаток дня я осторожно надгрызал его, так чтобы на нем осталось

возможно больше следов. Пытался даже покурить, но эта попытка словно песком ободрала горло.

Еще я думал. Во всех подробностях представлял обстановку своего будущего поместья. Чтобы стены непременно с плющом, чтоб высокие трубы и дворецкий в ливрее, столовое серебро и камин, возле которого будет приятно погреть ноги. Приятно греть ноги и еще попивать горячительное. Потому как за дверьми будет не бесконечный песок и унылые верблюжьи морды, а дубовая листва, старая добрая английская грязь и, конечно, фазаны.

И еще в том доме будет Элизабет. Это правильно. Она любит меня — с искренней надеждой на лучшую жизнь. И не будет мне в жизни удачи, если я пройду мимо такой любви. Она станет идеальной женой для хозяина поместья. Добродетельная и красивая леди... Но даже не в этом дело. Только она способна приманить в мой дом счастье. Без нее мое новое английское бытие окажется непоправимо ущербным. Ведь я ее люблю.

Я, помню, засмеялся, когда в голову пришла еще одна догадка. В любой другой женщине я теперь побоюсь обнаружить черты Ламис. Нельзя ведь всю супружескую жизнь провести на «обезболивающем»?

Я уже представил и дом, и своих ближних соседей в малейших подробностях, уже расписал свои развлечения на ближайший год — а солнце все тащилося и тащилося по небу. Пришлось даже немного поспать, для успокоения нервов, а то ближе к полуночи у меня начнут слипаться глаза.

Когда проваливался в сон, за дверью, по дальним коридорам казарм грохотали сапоги. На улицах скрипели колеса и ругались возчики. Ревели ослы. Мир стал как янтарь, и время остановилось. Африка не хотела отпускать меня.

Зато когда проснулся, сумерки уже почти сменялись темнотой. Сейчас как раз начинается собрание «Розати».

Все, время вышло.

Первым делом вколол себе морфия. Полкубика самого слабого раствора, чтобы унять боль. Попробовал, не дрожит ли рука. Два пистолета в руках было. Разумеется, нормально не удержать, однако, если поддерживать левой рукой правую, то мупка на стволе не ходила ходуном и даже не вздрагивала.

Превосходно. Мундштук в карман и на двор. Караул, снова караул — мне отдадут честь и наверняка запоминают. Кашель словно протыкает мои легкие, но мне некогда — я ищу Лорье. У кухни? Превосходно. По пути роняю мундштук в пыль, поднимаю — это сложнее всего, наклоняться, — и он становится неотличим от того самого, который так и не стал уликой.

Короткий ритуал приветствия — и вот я уже могу деловым тоном, но с некоторым налетом беспокойства, спросить его.

— Это тот самый? Не обманываешься?

— Похож, господин капитан. Очень похож, — он еще сомневался.

Но мне и не нужны были его точные слова. Я просто спрятал мундштук в карман.

— Пойдешь со мной. Немедленно.

Хорошо, что никакой старший офицер не поставил его к очередной бессмысленной работе. Впрочем, я бы снял его с поста своим приказом. Мы прихватили по фонарю и вышли из ворот казармы.

Дальше началось интересное. Надо было идти к кофейне, но не прямо, и обязательно постараться встретить патруль из Энского полка.

Первый не подошел, там было только три человека, второй тоже, третий. Лорье молчал, но чувствовалось, что он насторожился.

Вот то, что надо. Их десять — два патруля просто болтали на перекрестке между лавкой медника и салоном парикмахера.

— Ван Хейден, приветствую, — я сделал встревоженное лицо.

— Взаимно, Харрис. В чем дело? Тебя вроде как вчера подстрелили?

— Да, легко отделался, через неделю забуду. Тут в одном садике мундштук интересный отыскался, — я в двух словах пересказал ван Хейдену историю с подозрением. Фельдшер кивал сбоку, собственно, для этой убедительности он и был мне нужен. Вслух я подозревал, понято, не полковника, а владельцев кофейни. — Надо проверить тот садик. Быстро, четко.

— А почему ко мне и прямо сейчас?

— Мундштук я нашел вчера. На обратном пути меня подстрелили, не до того. Сейчас голова ясная, морфий отпустил, за дело. И в передних комнатах там приличное общество.

— Ты хочешь зайти с тыла? Чтобы при случае все было гладко? — усмехнулся он.

— Я живу здесь уже какую неделю, — я посмотрел ему в глаза. — И не хочу получить новую пулю еще месяц спустя. Шутки в сторону, лейтенант...

— Отделение! — Ван Хейден взбодрил солдат, и уже мне, в полголоса: — Веди, да быстрее.

Я почти бежал, ординарец пыхтел сбоку, сзади топали солдаты. Дверь, которая вела из садика в переулок, была изнутри заперта на засов. Сама задвижка и замок были превосходными, но дерево потрескалось давным-давно. Я еле успел поставить фонарь на мостовую.

— Лорье, плечами раз, два! — мы вышибли дверь с первого удара. — Быстрее, за мной.

Отсюда уже было слышно шум вечерней кофейни. Как раз сейчас Ламис должна была браться за турку. Но вокруг меня уже были фонари, и солдаты нерешительно расходились между кустами.

— Ройте землю!

— Отомкнуть пгтыки и рыхлить землю под кустами! — Ван Хейден подтвердил мой приказ.

В доме за кофейней скрипнуло окошко, мелькнуло испуганное детское лицо. Сейчас, вот-вот должен появиться Сабир.

— Тут золотые часы, господин лейтенант! — крик первого солдата.

— Какие-то лохмотья! — закричал второй.

Но лейтенант уже видел, как прямо перед ним из земли достают совсем свежее человеческое ухо.

Я приказал себя не удивляться в тот вечер, но голландец был первым, кто чуть было не заставил меня хлопать глазами. Он захрипел, рванул ворот мундира, и почти тотчас же закричал от ярости. Видно, исполнились какие-то его давние страхи или такая же давняя ненависть нашла свой законный объект приложения.

— Где они!!! — он уже вытащил пистолет.

В кофейне должны были услышать всю эту заваруху. Наверняка слышали еще крики солдат, но ведь так хорошо сидится вечером в уютной компании, и нет желания отрываться от дивана. Прямо сейчас из дверей начнут выбегать посетители.

— Больше света, — сказал я сам себе, открыл фонарь, снял крышку и выплеснул масло на ближайший куст, а под ним лежали «сувениры» полковника. После чего немедленно шархнулся в тень.

Дверь кофейни не просто распахнулась, ее почти что вышибли изнутри. Дюкло кричал, сразу за ним бежал Малларме. Солдаты, видя европейца, на миг замерли. Но Дюкло уже ничего не соображал и начал стрелять во всех, кто оказался поблизости от горящего куста.

Ван Хейден упал с пульей в шее. За Дюкло и Малларме лезли другие члены «Розати», у них в руках тоже обнаружили пистолеты.

Солдаты такое обращение понимали плохо, и начали стрелять в ответ. Кто-то из них удачно швырнул собственный фонарь и загорелся угол кофейни.

Я полулежал в тени и ждал, пока выйдет Брандт.

Полковник всегда умел удивлять. Рухнула часть стены кофейни, которая выходила в сад — тоже сбитая из досок не первой молодости, она казалась прочной за всеми драпировками и отделками, которые ее украшали. Но Брандт присмотрел это слабое место давно, для каких-то своих планов, и теперь явился на сцене, как чертик из коробочки.

Лицо было страшно напряжено, я решил даже, что его уже ранили. Он готовился что-то крикнуть, как-то остановить перестрелку. Но мне было достаточно, что на него хорошо падал свет.

Первую пулю удалось положить ему в скулу. Хороший выстрел.

На стрельбу со всех сторон уже наверняка сбегались патрули. Надо было просто остаться в живых еще минуту-другую.

Я осмотрелся: ван Хейден лежал раненый, и ординарец пытался ему помочь, прячась за кустами. Трое или четверо солдат легли в этом мрачном садике, пятеро или шестеро верных клиентов Розати тоже лежали перед выходом. В ту секунду могло показаться, что все проблемы уже решены. Дюкло и Пуан наверняка сейчас попытаются убежать — они слишком хорошо знают, что зарыто под кустами.

Значит — хозяйева.

Я выстрелил в Пуана раз, другой. Тишина.

— За мной.

Так я зашел в проклятую кофейню правильно, так должен был заходить любой здравомыслящий человек. С пистолетом в руке и желанием застрелить первого встречного.

Понятно, в залах уже было пусто.

Посетители выбежали через парадный вход, там валялись только сумочки и одно пенсне.

Супруги аль Хамеди стояли за стойкой, за которой Ламис так любила варить кофе. Между ними исчезло всякое несогласие, мнимое равнодушие. Они были как давние, притершиеся друг к другу половинки одного целого, которым жизнь уже не доставляет проблем, а только маленькие неприятности. И смотрели на меня с одинаковой легкой досадой в глазах.

— Именем Республики... — я начал произносить формулу ареста.

Сабир выдохнул первую струю пламени. Я сначала ничего не понял и принял огненное дыхание за штучки факиров. На всякий случай выстрелил ему в грудь.

В ответ не было хрипов, стонов и даже крови. Они начали распадаться, как обыкновенно распадаются дорогие куклы в детских руках. Еще секунду назад это было подобие человека, на первый взгляд, неотличимое и совершенное, но вот уже сдернут парик, выдавлены стеклянные глаза и гуттаперчевая голова мнется в маленьких пальцах. Только супругов не ломали никакие невидимые пальцы, просто внутри них оказалось пламя, и сейчас оно распыривало их личины, обнажая свою природную сущность.

Или, лучше сказать, абсолютно неприродную, сверхъестественную. За какое-то мгновение сторовшую фальшивую плоть заменило точное огненное подобие... Я даже разглядел улыбку на пылающих губах Ламис...

Я закричал от ужаса и стрелял в них, пока не разрядился пистолет. Вокруг меня тоже стреляли. Даже солдаты того патруля, которые первыми добежали на выстрелы, тоже стреляли так быстро, как им позволяли затворы.

Вряд ли это подействовало на супругов. Они окончательно перевоплотились в сгустки огня, а потом этот огонь неспешно и даже вяловато начал пожирать все вокруг.

Не помню, как я оказался в садике, рядом кричал солдат, у него была истерика, и мне надо было его успокоить. Хватило крепкой оплеухи.

Я оглянулся — тут собрались еще как минимум два патруля, но из офицеров я пока оставался старшим.

— Слушай команду! Вынести раненых!

Отличная идея пришла в голову как раз посреди крика.

— Кто не выносит — поджигает кусты! Облить кусты маслом и поджечь! Сжечь здесь все!

Голландца подхватило четверо, остальным тоже помогли. С кустами

кофе вышла заминка и какая-то нерешительность, но я очень энергично подал пример.

Когда через выломанную дверь отходили в переулок — прибыли телеги пожарной команды. Это было очень вовремя: все услышали детский крик из дома за кофейней. Кто-то попытался полезть в огонь, кто-то умный сообразил, что надо обойти угол и зайти в дверь на другой стороне, но, главное, что сержант пожарной части стал распоряжаться.

А я уплывал. Горел «мой» куст — все сомнения и страхи, которые мне посчастливилось отогнать от себя, вдруг пришли ко мне в голову и стали требовать моего внимания. Это был жестокий приступ паники, который, однако, нельзя было показать другим. Меня трясло, мысли путались.

Потому я просто сел под ближайшую стену и спрятал лицо в ладонях.

Не помню, сколько времени прошло, потом прикидывал, и вышло что-то около получаса. Выяснилось, наконец, что все старшие офицеры, ответственные за спокойствие в Сиди, куда-то делись, и к месту действия прибыл командир Энского полка.

Поначалу он говорил с раненым ван Хейденом, а потом добрался и до меня. С субординацией у меня было плохо, потому разговор остался в памяти «без чинов».

— Что случилось?

— Перестрелка. Полковник Брандт сошел с ума. Другие из «Розати» тоже сошли с ума.

— Полковник? Не верю.

— В саду за кофейней напали ушп и похищенные предметы. Солдаты подтвердят.

— Да что тут творится?!

— Вероятно, кто-то был Мясником. В кофейне вообще случилась какая-то чертовщина.

— Отставить чертовщину! Эй! — Берк отдал приказ держать меня под караулом, но куда не вести, а сторожить здесь же — на фоне горящих домов, чуть не под ногами у суетящихся пожарных и солдат.

Но это определенно была моя ночь — удача шла в руки, даже если они дрожали. Скоро привели, а вернее, принесли Пуана и Дюпре. Они действительно стали натуральными сумасшедшими, и полутрамотный фельдшер (их полкового врача убили еще в Западном Эрге) только разводил руками. Пуан вдруг откусил себе язык и тут же, на глазах Берка, захлебнулся собственной кровью. Солдаты уже сдали командирам несколько часов, какие-то гребни с пучками волос и одно вполне настоящее ухо.

А я, наверное, увяз в продаже грехов не так глубоко, как остальные из «Розати» — паника понемногу стала отступать, уже не хотелось прямо на глазах солдат задушить себя, и даже вернулась ясность зрения.

Арест с меня сняли даже не по приказу, а по недоуменному шевелению нижней челюсти полковника — солдаты из караульных превратились

в помощников. Тем более, что вестовой доложил: Этьен Кассель, наш главный эскулап, застрелился. Мне пришлось работать: тут же перевязывать раненых, помогать обожженным. Всем было ясно, что как только потушат дома, в том садике найдут еще много интересного.

К утру пожар прекратился сам собой, удалось не допустить, чтобы он перекинулся на ближние дома. Поставили оцепление, разогнали местных зевак. Когда солнце выскочило из-за горизонта, уже можно было начинать искать.

Я обработал раны и ожоги у всех, кого ко мне поднесли или кто подошел сам. Пришлось посылать несколько раз за новой перевязкой и хирургическими саквояжами — но в лазарет полковник меня не отпускал. Еще не обошлось без новой инъекции морфия, боль в ребрах не давала правильно думать.

А напряжение сдавливало глотку. Казалось, что вот сейчас из-за угла выйдет эта, обернувшаяся сгустками пламени парочка, и все повторится — солдаты начнут стрелять, новый пожар, и так будет продолжаться до тех пор, как от всего Сиди не останется пепел вперемишку с красно-желтым песком.

Кошмар приходилось давить усилием воли, но долго так продолжаться не могло.

Избавление пришло благодаря мелкому мародерству. Разбирая остатки кофейни, солдаты как раз дошли до стойки. Она-то как раз почти не сгорела, а под ней были тутие мешочки с зернами кофе. Пока Берг шумел в саду и крыл на чем свет стоит каждую новую находку, взяли немного помятую жизнью турку, крошечную мельницу, с которой работала Ламис, и совершенно спокойно заварили кофею. Вместо завтрака, потому как было ясно, что до вечера им отсюда не уйти.

И я, как последний дурак, слонявшийся внутри оцепления, застал сцену пира на руинах.

Ноги на секунду приросли к земле, голова стала пустой и прозрачной. Нельзя было подавать виду, но и как узнать?

Подошел к ним.

— Как кофе? Бреда, тошноты, судорог — нет? — осведомился я самым спокойным и деловым тоном.

— Нет, господин лейтенант, обычный кофе. Просто вкус хороший, — в первую секунду они не поняли.

Отлично! Превосходно! Кусты сгорели, теперь их вообще выкорчуют в поисках «сувениров». Без них это просто напиток. Или без той дьявольской парочки. Неважно.

— А что такое? Он отравленный? — солдаты вообще народ сообразительный.

— Может, тут что-то подмешано, отчего наши с ума посходили, — ответил им уже более настороженным голосом. — Вообще лучше это добро

проверить. В больнице есть реактивы, посмотрим насчет отравы. И зачем тут блевать, рядовой! Если отравы и была, то в малых дозах.

— Э, а с чего вы взяли?

— Вообще-то здесь никто не умер от яда, — я им даже улыбнулся. — Сложите эти мешки в том углу.

Полковник говорил со мной еще раз. Прямо посреди бывшего сада, в окружении трех десятков людей, перекапывавших каждый клочок земли. Перед полковником стоял низкий стол, притащенный из ближайшего дома, а на этом столе чего только не лежало.

Он смотрел на врача-недоучку тяжелым, ничего хорошего не предвещавшим взглядом.

— Вы состояли в «Розати»?

— Так точно!

— Вы принимали участие в... в том что тут творилось?

— Никак нет.

— Уверены?

— Я не прикасался ни к одной из этих вещей. Очевидно, я еще не успел стать «своим» для хозяев дома, — ложь давалась легко. Это были уже не мои вещи.

Он посмотрел куда-то в сторону. Не ему было решать мою судьбу, да и если бы и захотел, то расстреливать меня не было никаких оснований.

— Быть у себя на квартире.

Мне оставалось только выполнить приказ.

На обратном пути все больше навалилась слабость. Ноги еле двигались, и мне больших усилий стоило подняться по лестнице.

А в кресле, подобрав ноги, спала Элизабет. Когда я открывал дверь, она только протирала глаза.

Я стоял, смотрел на нее и улыбался, как ярмарочный дурак.

— Думала, что убегу завтра, то есть сегодня, но стрельба, я поняла, что надо прятаться, и пришла к тебе. У отца есть ключи от всех офицерских квартир и ты, ты спрячешь меня?

Она была готова бежать прямо сейчас. Понятия не имею, сколько денег она собрала и как собиралась добраться до Полезного Алжира, но когда испугалась, то пришла ко мне.

— Кофейня сгорела. «Розати» кончился. Бояться больше некого, — я еле стоял, опираясь на спинку койки.

— Все? На самом деле все кончилось? — она склонилась надо мной, как медсестры склоняются над больными. Я тогда, и правда, напоминал хорошо обмундированный труп.

В ее взгляде не было ни горя, ни страха, только надежда на будущее.

— Да, — я снова уплывал. Ребро не болело, и все было хорошо. И в голове вертелись слова, которые надо было сказать немедленно, прямо сейчас, иначе я просто не успевал:

— Я прошу твоей руки, Элизабет. Выходи за меня.

В ее глазах было радостное согласие.

— Конечно, Саймон. Свадьбу лучше справить на побережье, уехала бы отсюда хоть сейчас, — эту фразу, сказанную мечтательным голосом, я уже услышал сквозь сон, потому что буквально рухнул на кровать после первого слова.

Темнота, и пальцы Элизабет, которая гладила меня по голове.

Если ты хочешь убить близкого тебе человека, или просто хорошего знакомого, тут можно столкнуться с одной неприятной особенностью. Успей вдруг намеченная жертва первой спустить курок, ей почти наверняка сойдет с рук уже твоя собственная смерть. Ведь ты сам сделал все, чтобы спрятать мотивы и расчистить ему дорогу в радостной уверенности, что делаешь это только для себя. Если посторонние люди не заметили ничего подозрительного, ни следа ссоры, ни намек на мотив, то кто же обвинит в темных намерениях твою потенциальную жертву?

Такая незадача произошла и с полковником Брандтом. Элизабет совершенно открыто переселилась ко мне — она попросту не стала возвращаться в свою комнату, и квартира полковника стояла опечатанной. Поругайся я с Брандтом хоть один раз — угодить мне в «первые подозреваемые». Как же, убийство из-за любви. Но вокруг мало кто сомневался, что Брандт откажет мне в руке своей дочери. Окружающие подумали, что романтическая девушка вспомнила о хозяйственности и предприимчивости, а потому решила не упускать подходящего жениха.

Ситуация прояснилась сутки спустя. В город прибыл инспектор Арабского Бюро Жодле и его помощник Пелисье. Он ехал к нам из Орана уже вторую неделю и, думаю, все обошлось куда меньшей кровью, прибыв он на место тремя днями раньше. Или зря надеюсь — я тогда бы просто не решился на такие радикальные меры, и меня бы аккуратно подстрелили или зарезали? Не знаю.

Меня вызвали для объяснений.

Кабинет, увешанный картами, почти не изменился, и даже здоровенный булыжник «золота дураков» был на месте. Даже чернильницу они не стали убирать. Разве только сели по обе стороны от стола, видно, чтобы соблюсти штатский и военный табели о рангах.

В этом маленьком театре я стоял то ли как Скарамущ, то ли как Журден.

— Дело предано забвению, — весьма патетично начал инспектор. — Это была перестрелка при задержании двух убийц. Будем считать это еще одним «красным отелом», только в аль Хамеди убивали не ради золота, а из религиозных соображений. Они пытались якшаться с дьяволом, но в разговорах с третьими лицами всяческие намеки на нечистую силу я запрещаю.

— Полковник Брандт погиб в перестрелке, — весомо добавил Пелисье. — К вам, однако, есть вопросы. Что вы можете сказать по существу дела?

Прекрасно было видно, что инспектору меньше всего хочется копаться в этой гнилой и очень грязной истории. Берг, конечно, был целым

полковником, но только он не имел никакого отношения к Легиону. Так что пусть интересуется в каком-нибудь другом месте.

— Самым существенным моим ответом, господин полковник, был бы рапорт об отставке. С вашего разрешения.

У Жодле все было готово. Данные мои он просмотрел заранее. Срок обязательной службы истек еще полгода назад. Теоретически надо было ехать в Оран. Однако, когда ты имеешь дело с инспектором такого ранга, все или сложно до невозможности, либо очень просто. Бланк под отставку нашелся в его же папке. Мне осталось только расписаться.

Место венчания стало компромиссом — первый же город, где была церковь, и чиновники выдавали свидетельство о браке. Все прошло быстро и убого, но я был счастлив. Мы были счастливы...

...Сквайр Харрис медленно возвращался из глубины воспоминаний в библиотеку, где камин почти прогорел. Отсветы рдеющих углей осторожно скользили по книгам на уходящих в уютную темноту стеллажах. Огоньки свечей вытянулись в неподвижном воздухе...

Этот огонь был укрошенным, мирным...

Часы негромко, чтобы не нарушить дружелюбное молчание библиотеки, вызвонили два часа. Харрис виновато подумал, что Элизабет, наверное, тоже еще не спит, ждет его в спальне, чтобы обсудить подробности их дебюта перед соседями. А ей сейчас, ввиду ее положения, совершенно нельзя волноваться...

... После его торопливого ухода в комнату неслышно проскользнул дворецкий — погасить свечи и убрать неперменный поднос с чаем. Кофе сквайр Харрис почему-то репшительно не любил.

ВЯЧЕСЛАВ ГОРДЕЕВ

СНУЛЫЙ ПУТНИК

Не спать, не спать... Не время спать сейчас — война на северном склоне... А как хочется — до умопоминения! В глаза как будто песку насыпали, в голове шум, слуховые галлюцинации уже часов двадцать преследуют. И все любопытные какие-то, завлекательные — будто сходяк новорусских решил «Гамлета» поставить собственными силами... Во — опять:

Мочить иль не мочить — вот замолот.

В чем понту больше — под бугра прогнуться,

Иль вынув ствол, заставить шоблу склеить ласты?

Бушлат еловый на себя прибросить

И типа притвориться сонным шлангом,

От всех гнилых наездов уползая.

Коньки отбросить, на матрац залечь...

Конкретно чисто спать — и зырить сны, в натуре?!

Вот прикоп — что за байда приснится в этом типа сне...

Что за бай... тьфу ты! Что за ерунда? Может, уснуть все-таки, а то глюки достали уже.

Но вот вопрос —

В каком я сне вдруг окажусь внезапно?

И если сон похож на эти глюки будет...

Да что это со мной? Я уже сам с собой разговариваю шекспировским стихом! Притомился дон, хвостом меня по голове!

Вот вечно так — к исходу пятых суток

Шучу напропалую, веселюсь,

А после как убитый засыпаю...

Офелия, о нимфа!.. Твою мать!

Ну нет, ну невозможно же так!

И неохота уходить из этого доброго, светлого мира — давненько мне не было так хорошо. Как хотелось бы вновь проснуться здесь же, и снова, и снова...

Вон и Ленин на горе — простер руку надо всей этой благоустроенной планетой. И дорога бежит куда-то мимо поворота на Желтую фабрику, и кафешка — та самая... Да что там, я Горбовского видел! Я в Музее внеземных культур был... Ах, АБС, АБС! Взяли вы меня в плен когда-то, и было мне всего-то восемь лет. И пропал детеныш, как есть пропал. И читать я

больше ничего не могу — только, блин, фантастику. Остальное скучно мне, зажавшемуся, и неинтересно.

*А что читать — тупые дефективы,
Где хомо хоме — волк, и норовит
Уж если не загрызть, то облапошить
Или жену из койки уволочь,
А после, насладившись ее телом,
Тебя же поливать пометом,
Козлом и рога носцем называя...*

Все. Достало. Наверное, у некоторых бывают вещие сны. Но не у меня. У меня сны — вещественные. Помнится, в одном из снов так по бабде дубиной залепили — шишка неделю не проходила. Вещие у меня, должно быть, глюки. А что — даже красиво: «вещий глюк». Звучит. Но если так — куда же меня занесет? Не в шекспировскую же Англию! Там тоже люди нормальные были и стихами только в театре разговаривали. А чуть попозже, в той же Англии, Диккенс вообще сказал: «Никогда не унижайтесь до стихов, мой мальчик!» Во как. Сурово и лапидарно. Правда, лапидарен он только в моем пересказе. Помнится, Диккенс еще долго распинаясь по этому поводу. Время было такое — неторопливое и многословное.

У-а-у-у! Ох, и зевушки меня раздирают — гиппопотамы обзавидуются! Пойти, что ли, взять все-таки какой-никакой домик — лишь бы люля была, и завалиться дрыхнуть? Нет. Не хочу. А чудо-препарат по имени спорамин здешние эскулапы не дают. Вы, — говорят, — космонавт? Спасатель? Учитель? Нет? А кто? Ах, путник... Ну, так поспите перед дальней дорогой!

Ага! Счас! Я ж так сплю, так сплю — дальше, чем вижу! Это для меня и есть дорога — лютая, неминуемая...

Вот здесь, наверное, прям на движущейся дороге (это ж надо — опять дорога), и прикорну. И люди здесь этому даже удивляться не будут. Вот такой я странный — еду в Индию тихим ходом — почти как Афанасий Никитин! По крайней мере, почти с такой же скоростью.

Эх, жизнь моя, жестянка! Так хотелось Женьку Славина найти, смотаться к великому КРИ, подергать его за знаменитую седьмую ногу. Поохотиться на марсианских пиявок... Но нет. Мой предел, как выяснилось — пять суток. Сто двадцать часов, семь тысяч двести минут.

Глюки крепчали. Вот опять:

*Горацию, в натуре, гонит,
Что мы с катушек спрыгнули слегка,
И в жмура, что зарисовался дважды
На стреме нам, он ни фи́га не верит.
Поэтому ему забил я стрелку —
На стреме вместе с нами постоять.
И если жмур свой мутный фэйс предъявит,
Горацию мы вломим по рогам!*

Определенно, «Гамлет»! Это же о призраке! Не помню, кто там — Марцелл или Бернардо, а может, оба, — спорили с Горацио в самом начале этой гениальной пьесы. Я, хоть и русский филолог, но всего наизусть знать не обязан. Даже «Гамлета». Но все-таки — почему на такой фене? Прощу пардону — на сленге новых русских?

Я, удобно развалясь на пружинистом и приятно теплом покрытии самодвижущейся дороги, медленно «уплывал». Глаза закрылись уже давно, но уснуть не удавалось. Так бывает от большой усталости — и, тем более, с крупного недосыпу. Организм, что ли, привыкает не спать, и в положении «лежа» просто впадает в оцепенение, готовый по свистку вскочить и трудиться, — не знаю. Но у меня всегда так. Момент перехода я никогда не улавливал.

Небо над головой, еще недавно полуденное, заметно потемнело — это чувствовалось сквозь закрытые веки. Стало прохладней. А голоса глюков становились все громче и реальней:

— *Заткнись, шестерка — вон гребет тот жмурик!*

— *По фэйсу — чисто наш бугор, что лапты склеил.*

— *Горацио, ты знаешь буквы — вякни что-нибудь.*

— *Вы че, в натуре, я в трубе полном!*

— *Он типа ждет. Горацио, базлай!*

Все. Я был уже не в ласковом мире АБС.

Сырой промозглый ветер продувал меня насквозь, да и время — вовсе не полдень, а скорее, рядом с полуночью... Темень — глаз выколи, только факел какой-то размахивает своим пламенем, как флагом. Факел? Ну да. Точно, воткнутый в ржавый держак, факел еле-еле освещал стену, сложенную из дикого, давно и плотно замшелого камня. Это что — декорации такие? Да нет — слишком уж натурально. Мох и лишайник, по крайней мере, совершенно настоящие, да и ржавый держак для факела... Он точно торчал в этой стене лет тридцать.

Я глянул вверх. Замок! Небо было малость посветлее — видать, за громадой замка вставала луна. Башенки, шпиль, флажки какие-то, совершенно средневековые. отчетливой черной тенью нависали надо мной. А вот рядом... Рядом переминались с ноги на ногу три громадных хомбре, экипированные в полном соответствии с замком — брыжи, рюши, кюлоты, леггинсы и прочие предметы одежды эпохи мракобесия, инквизиции и джорданосжигательства. И эти хомбре смотрели... на меня!

— *Не тормози, Горацио, базарь!* — задавленно просипел один из них.

— *Ты зырь — наш жмур конкретно недоволен!*

И я понял, что, кроме речи, меня так напрягает. Внешний облик! Как я уже отметил, одежда соответствовала замку, но вот то, что в одежде — полностью отвечало уже этой уродской суржиковой полуфене. Здоровенные качки с бритыми черепами, без тени мысли в глазах... И в брыжах! Как говорил незабвенный Альф: «Ой, я лусну!»

Мало того, вместо узких мечей — спад (шпаги появились куда как позже!), на поясах этих, очевидно, датских и, по одежде судя, дворян, висели финки с наборными рукоятками! Слава богам, не из цветного плексигласа, а то бы я решил, что это большой антуражный дурдом с древними традициями. Рукояти были из перемежающихся колечек белого и желтого металла. Видать, золота с серебром. Или платиной... Стильно, черт побери! Ну точно, новые русские!

Пока я обалдевал, выпихнутый вперед качок с татуировкой на фалангах побелевших пальцев «ГОРЯ», выдавил из себя нутряное:

Ты типа кто? По фэйсу — ты бугор наш.

Но только он давненько кони двинул,

И рисоваться тут уже не может. Так что чисто

Конкретно ты колись, но помни:

На киче нашей за базар ответишь!

Это он ко мне? Нет, правда, ко мне! Это что же — я тень отца Гамлета?! Я метнул руку к лицу — точно! Полупрозрачная... Это что же делается, мама дорогая? Какие-то урки, «бакланиящие» по фене верлибром, — живые и бодрые, а я — тень бесплотная?! Что же делать?

Я судорожно дернулся и въехал рукой и плечом в стену замка. Ощущение было — как будто вляпался в мерзопакостный холодный туман, какой бывает на грани осени и зимы. Бр-р-р! Очевидно, морду мою перекосило от омерзения, потому что кто-то из уголовной троицы оглушительно прошептал:

— Смотри — коленки сморщил! Не по нраву

Ему базары наши... Ешкин кот!

Тот, что с наколкой — по всему видать, Горацио, — встрепенулся и завопил:

— Стоять, бояться! Падлой буду — ботай!

А то я за себя не отвечаю!

Во, блин горелый. Уж попал, так попал! Не обращая внимания на распаленных урок, я ломанулся сквозь стену и очутился в каком-то чрезвычайно захламенном помещении. Разнообразные кособокие и обязательно полурасползшиеся сундуки, сундучищи и сундучата, очевидно, до краев набитые всяческим барахлом, громоздились друг на друге в несколько ярусов, чудом не сползая вниз — слава богам, что Дания находится не в сейсмоопасном районе.

На стене горел своеобразный факел. Собственно, только поэтому я и увидел этот барахлятник. Интересно. Если факел — значит, здесь достаточно часто кто-то бывает. По крайней мере, недавно был. Но дверь покрыта таким мощным слоем пыли, как будто не открывалась с последнего крестового похода. Вывод? Неужели магия? А почему бы и нет. Я-то вот порхаю тут духом бесплотным, неосязаемым, но зато вполне видимым...

— Эгей! — крикнул я, решив проверить кроме видимости еще и слышимость.

Слабенькое, задавленное сундуками и барахлом, но вполне отчетливое эхо! Я немедленно вспомнил хороший фильм «Привидение» и попробовал что-нибудь сдвинуть. Фигушки! Рука моя абсолютно свободно (ну, не абсолютно, какая-то тень ощущения была) проходила сквозь предметы. Вот же невезуха! Даже не поразвлекаешься на полную катушку. Я попробовал еще раз, вспомнив советы из того же фильма, но творчески их переосмыслив. Я попытался сконцентрировать всего себя в самом кончике пальца. То ли я был более талантлив, чем безвременно усопший герой фильма, то ли инстинктивно избрал лучший способ телекинеза, но малюсенький сундучок на самом верху сундучной пирамиды пошатнулся и рухнул!

И вот теперь Дания узнала, что такое сейсмоактивность! Как лавину вызывает какая-нибудь неосторожная снежинка, как спину верблюду ломает последняя, совершенно лишняя, соломинка, так и этот микроскопический сундучоночек обрушил буквально все, что находилось в комнате. Тучи вековой пыли заслонили факел, как солнце над Геркуланумом, и я рванулся из-под обвала, который совершенно не мог мне повредить. Инстинкты, господа! Что поделаешь.

Вывалился я, по закону подлости, прямо в лапы к давешней троице. Горацио что-то втирал своим корешам, размахивая мосластыми ручнищами, пальцы на которых, естественно, были сложены чисто конкретно «веером».

Я прислушался. Горацио очень авторитетно вещал:

— Так вот, братки. Ко мне доходят шлюхи,

Что кореша с Норвежского уезда,

Рамсы попутав чисто и конкретно,

Волыны чистят и готовят перья,

Чтобы у нас полкичи отобрать.

Они хотят попользоваться бучей,

Что тут у нас промеж бугров случилась.

Ну, типа, Клавдий — это фуфел дутый,

II прежнего бугра конкретно замочил...

Тут он заметил меня и среагировал незамедлительно:

— Ша, братаны! Опять нарисовался! Я сейчас

К нему подпрыгну чисто — типа я

Ваше не при делах и вовсе вошь цветная,

Несу свой мусорской тяжелый крест...

Эй, жмур! Ты стрелку не динамь! II лучшие

Давай по-пацанячьи перетрем

О том, что под ботвою накопилось!

Ты, может, хочешь нас предупредить

О будущем норвежском беспределе

IIль просто рыбкам воду поменять

На воздух вышел — а тут мы мешаем!

Ты не штрихуй — слиняем без базара.

*Мы ведь не папуасы — пацаны
Конкретные, в натуре — зуб на вынос!*

Оба-на! Вот это он выдал! И насколько помню, не особенно греша супротив шекспировского оригинала. Действительно, знает буквы! Подождите-ка... Сейчас по пьесе вроде должен пропеть петух, и я смогу смыться. Ну, не я, конечно, а тень отца. Но тень отца тут — я... В общем, не путайте меня, я сам запутаюсь!

Вот! Откуда-то прямо из-под крепостной стены заорал петух, и я с облегчением поплыл в уже привычную каменную кладку.

— *Стоять, в натуре! Задержи его, Марцелл!* — заорал Горацио.

— *Заехать в бубен?* — деловито отозвался тот.

— *Если шевельнется!*

Угу-угу. Какие мы деловые! Я неторопливо, и, что характерно, совершенно беспрепятственно, уплывал, а Марцел добросовестно и со всей дури «заехал в бубен»... стене.

Я еще успел услышать душераздирающий вопль.

Смотри-ка! Можно повеселиться и в бестелесном виде. Но каковы эти «конкретные пацаны»! Так и шпарят верлибром! Они что — прозой совсем не изъясняются?

Ладушки. Подумаем. Я тут как-то незаметно вписался в события: все меня принимают за тень отца, так сказать. И поделом — я-то действительно тень тенью. Но ведь не отца! То есть я отец, но не Гамлета! Что же делать? Пусть они братки, но, какие-никакие, все-таки люди. Ведь мучаются, убил Клавдий прежнего короля, или все же нет? Вострить шпаги, то бишь, перья, НА него или ЗА него? Дилемма, блин... *И только я могу сомненья их разрушить.* Во, проникся, стихами заговорил. Это же мне нужно Гамлета на месть настропалить, нести полный бред про налитый в ухо яд... Хотя... У них тут достаточно вольный пересказ оригинала, так что, я думаю, «оглоушил канделябром иль подушкой придушил» тоже сойдет... Стоп. Что-то я слишком живо и бодро вмешиваюсь в чужие разборки. Мне не привыкать, конечно, вечно или меня пытаются разобрать, или мне кого-то приходится, но я упустил одну лежащую на поверхности деталь: здесь должен быть собственный, местный, так сказать, Тень Отца!

Но где же он? Манкирует, понимаешь, своими обязанностями. Я тут вынужден уже два раза вместо него являться пред мутны очи. А следующий выход — уже перед Гамлетом. Блин! Там нужно говорить! И не просто так — по фене ботать, а то эти датские братки иначе не поймут, чует мое призрачное сердце...

Почти по Пушкину: уж полночь близится, а Гамлета все нет! Ну да — тень отца ведь тоже Гамлетом звали!

Я медленно вплыл в давешний барахлятник, надеясь, что пыль уже осела. Так и есть. Пыль-то осела, но что за бардак теперь творился в этом сундукохранилище! Относительно целым остался только нижний ярус

чемоданов-переростков, а если быть точным — его просто не было видно под завалами. Чего тут только не хранилось! В основном, конечно — жутко дорогая, жутко тяжелая и столь же жутко неудобная одежда. Но блеснули и пара вполне достойных кольчуг весьма мелкого плетения, несколько шлемов, изукрашенных великолепной чеканкой, и приличное количество финок. Куча барахла впечатляла.

Стыдно, конечно, за учиненный кавардак, но что же мне все-таки делать? Где искать загулявшего призрака? Я хихикнул. Юмор ситуации наконец дошел до меня. Как там, в поговорке: «пошли вора искать вора?» Вот и здесь — привидение в поиске привидения...

— *Ты что здесь натворил, калека криворукый?!*

Мне не сыскать вовек моих сокровищ!

Черт! Было бы у меня тело — не миновать сердечного приступа. Наконец-то я понял, как звучит замогильный голос. Но когда он звучит совершенно внезапно и прямо у тебя над ухом!..

Из стены рядом со мной высовывался оскаленный череп с лохмотьями полуистлевшей плоти и жидкими прядями волос. Любопытно, что глазные яблоки сохранились и шаловливо посверкивали из глубоких впадин под светом единственного факела. Ой, не прост был призрак и не чужд черному юмору! Вряд ли он тут слонялся, только стена и жалуясь. Как говорится, зуб даю — немало приколов он учинил, не один браток сбивает с тыквы по утрам абсолютно седую, не по годам, щетину!

— *Ну, что молчишь? Не будь ты призрак,*

Я бы решил, что свой язык с испугу

Ты проглотил. Давай, колись, презренный, —

Кто ты такой и как здесь очутился?

Действительно, я давно и безуспешно пытался проглотить несуществующую слюну. У старикана был класс! Видать, он использовал высокоамплитудный инфразвук в районе десяти герц. Только как он это делал? Но поджилки тряслись качественно.

Я помотал головой и наконец ответил:

— Да, собственно, даже не знаю, как Вам объяснить, Ваше покойное величество... Я — путник, иду себе, бреду... Вот. Туда, понимаешь, сюда. В таком вот аксепте.

По-моему, теперь обалдел призрак. Почти голый до сего времени череп быстренько оброс мышцами, кожей — и, видать, только для того, чтобы Тень Отца смог недоуменно вздернуть брови под самую корону.

— *Чего-то не пойму я в этом мире!* — заявил Тень.

Вот призрак предо мной, и вроде бодрый...

И что-то он пытается сказать...

Но звуки, что он только что исторгнул,

Никак не сложатся в понятные слова!

Блин! Это что же — чтобы он меня понял, мне тоже придется стихами

изъясняться?! Слава богам, хоть рифмовать не нужно. Но как же это... Трахтибидох, никогда не был импровизатором...

— *Не знаю даже, что Вам и ответить!* — наконец собрался я с духом.

— *Я путник, что бредет между мирами,*

Не в силах задержаться ни в одном.

Мой фрок в любом их них — от сна до сна...

Призрак почесал корону и стал недоверчиво пронзать меня взглядом. Должен заметить, что пронзительность его взгляда была не хуже замогильности голоса — я даже невольно поискал на себе свеженьких дырочек.

— *Ты верно говоришь? Медузой булькать*

Передо мной — не стоит и стараться,

Иначе кодла целая братвы... — он вдруг осекся, но после секундной заминки не выбился из размера:

— *Рамсы попутал... Ты же дэцил призрак,*

И вся братва тебе по барабану!

Интересно. С чего бы вдруг призрак сбился на феню? До этого он говорил вроде бы вполне человеческим языком, а теперь я, честно говоря, потерял смысл. Что такое «медузой булькать»? А «дэцил» здесь причем? Да и «рамсы попутать» — что-то смутно... Раньше слышал, но в смысле не уверен. Что делать? Как переспросить? Ведь хоть и мертвый, а все же король. Вдруг осерчает? Но я решил попробовать:

— *Я очень-очень сильно извиняюсь,*

Но вынужден просить Вас повторить мне

Все то, что Вы сказали — но попроще,

Без этой самой, как там ее... фени!

Но было бы вообще великолепно,

Когда бы Вы смогли общаться прозой —

Я был бы век Вам чисто благодарен!

(Черт, не удержался и вернул это «чисто». Что делать — для размера занадобилось).

Тем временем брови Теня уже полностью уехали под корону — видать, с такой просьбой к нему обращались впервые.

— *Как это — прозой? Что такое — прозой?*

Ведь так только низкие крестьяне

Между собой ведут беседы. Если можно

Такую речь беседою назвать!

Час от часу не легче! Сейчас он меня еще в крестьяне запишет и вовсе разговаривать не захочет. Надо срочно выкручиваться! Но кое-чего я добился — он отставил свою дурацкую феню! Закрепим успех...

— *О мой король! Клянусь — вы тем нимало*

Величье не уменьшите свое!

Ведь Вам, — я в том уверен, — доводилось

В пылу сраженья иль в любовной схватке

Обычной прозой выражаться! Ну и что же?

Вы были и остались королем!

Оба-на! Теперь я имею честь лицезреть классическую «тень раздумья», да еще вдобавок — это ж надо! — лежащую на челе Тень! Цифровик мне, цифровик! Полцарства за цифровик! Какие кадры пропадают...

Тем временем Тень решился. Брови его спустились из-под короны и сурово сошлись на переносице. Он сложил руки на груди и неуверенно сказал:

— Мочи козлов!

— Вот! — почти натурально обрадовался я. — Вот видите? И всем понятно, что Вы хотели сказать, правда же? И меня Вы вполне понимаете, да?

Тень недоуменно прислушивался к собственным ощущениям. Не оскорбило ли что-нибудь его царственную особу? По всему видать, не оскорбило. Он снова почесал корону и попробовал еще раз, уже увереннее:

— Право, любопытное ощущение...

— Видите, Ваше величество! — немедленно перебил его я (тут главное — вовремя сбить с накатанной колени, иначе свернет на какой-нибудь амфирахий, не к ночи будь сказано). — Все очень просто. Теперь мы можем поговорить?

— А ты точно не холоп? — все же подозрительно спросил Тень.

— Холоп?! — почти натурально возмутился я. — Обижаете, Ваше покойное величество! Я, конечно, не граф, не принц какой-нибудь, но двадцать поколений благородных воинов за моей спиной имеются! В моем гербе — три скрещенных копыта на червленом поле!

— Так ты что — из Московии?

Ничего себе! Вот это знание геральдики!

— Да. Но это вовсе к делу не относится. Вы мне объясните, что здесь происходит? То есть я-то в принципе догадываюсь, но хотелось бы поконкретнее.

Тень малость напрягся. Было видно, что этак с разгону он в прозу не въезжает. Так бывает с иностранным языком, который прекрасно знаешь, но практики — никакой. Наконец лицо призрака прояснилось, он было начал говорить, но тут же снова помрачнел и понурил голову.

— Что происходит, что происходит... — пробурчал он себе под нос. — Бардак тут происходит, вот что! Племяш, понимаешь, козел позорный, замочил моего сына и сам на трон запрыгнул, да еще и невестку пользуется почем зря... Ну, здесь еще куда ни шло — все-таки женился перед использованием. Но сына-то! Сына зачем мочить?!. — Тень потряс руками, и потусторонне застонал, да так, что у меня мурашки стадами побежали по несуществующей коже.

«Стоп, — сказал я сам себе. — Нескладуха получается. Если он — тень убитого отца Гамлета, то почему жалуется, что сына убили? Выходит, что здесь, в этом мире, и мстить-то некому? Стоп еще раз! А на ком тогда убийца женился? Неужто на Офелии?»

Я тихо обалдевал.

Тень между тем раздобыл где-то ржавые цепи и теперь позванивал ими в такт стенам, раскачиваясь и пытаясь биться головой о стену. Не получалось. Голова Тени погружалась в камень и выныривала из него совершенно беззвучно.

— Ваше усопшее величество! — робко позвал я. — А что дальше-то? Кто ж теперь злодею отомстит?

Тень в очередной раз вынул голову из стены и посмотрел на меня как на придурка:

— Как кто? Гамлет, внучок мой, кровинушка моя ненаглядная!

До меня дошло. Ну конечно! Я действительно придурок — не мог же Тень Отца так быстро стать приколистом, подковырщиком, да еще какие-то сокровища где-то припрятать! Ведь его всего два месяца назад убили! Он, по идее, должен еще в трансе пребывать, злобствовать всячески и тому подобное...

— Так Вы — Тень Дедушки? — завопил я.

— Ну да! — удивился Тень. — А! Ты думал... Нет. Эта истеричка — сынок мой, как сообразил, что он уже дух бесплотный, ломанулся, понимаешь, в высшие сферы. Желает назад, в живые, попроситься — для свершения святого дела мести, видите ли. А того не понимает по неопытности, что чучелко его, трупик то есть, давно червячки схарчили. И оживлять нечего. Шкелетик один остался. — Призрак вдруг посуровел, поважнел ликом и заявил: — А скелеты тут не ходят!

— Почему? — тупо спросил я.

— По кочану! — хихикнул Тень. — Ну не ходят, и все тут! Сам подумай: хрящики-то сгнили! Сухожилия, опять же — тоже... Лежат косточки — одна от другой совершенно отдельные. То ли дело мы — духи! Мы завсегда цельные, как редиски! И злобные такие потому, что как редиски!

«Веселое создание ты, живое» — подумал я, а вслух сказал:

— Вот оно как! А зомбей, значит, всяческих — не бывает?

— Может, и есть, — ответил Тень, — но я не встречал покудова. А я уже, почитай, двадцать лет землю не топчу. Всякого повидал. А зомбей этих — извини, не видел.

— Да ладно, — сказал я. — Не особенно и хотелось. Мерзкое, должно быть, зрелище.

— Это точно. Но мне пора.

— Куда?

— Мне нужно выполнять работу сына.

Месть! Месть должна свершиться!

Я думаю, внучок не подкачает!

Как он лихо перепел снова на стихи! Нет, железный старикан! Мне он определенно нравился.

— Эй, призрак из Московии! Желаетшь

Ты научиться призрачному делу?

Тогда смотри, как поступает мастер!

Тень величественно взмахнул рукой, приглашая следовать за ним, и поплыл в стену, направляясь на уже поднадоевшую мне площадку перед замком. Ну да, ну да — Гамлет должен прийти туда, поскольку Горацио такого ему порассказал о встречах со мной... Кстати, с чего это он решил, что я — вылитый король? Наверное, у страха глаза не только велики, но и брехливы...

Между тем Тень уже появился на площадке, а я во избежание эксцессов только голову просунул сквозь стену и притворился незаконченной горгулей.

Приведенный Горацио браток поражал своими размерами и фактурой — бицепсы Гамлета могли, должно быть, поспорить объемами с бицепсами горной гориллы, да и лицом он недалеко ушел от вышеупомянутого гоминида. Гамлет что-то втирал Горацио и одному из стражников — по-моему, Марцеллу. Те слушали принца с должным почтением, вежливо приоткрыв варежки и кивая в нужных местах.

И тут Горацио увидел Теня.

— *Принц, вот опять он, зыррьте, зуб даю!* — завопил он, тыкая пальцем в сторону призрака и мелко дрожа.

Гамлет развернулся всем телом (на столь мощной шее голова не поворачивалась) и тут же разразился тирадой, наверняка заготовленной заранее:

— *Ты типа ша, не вздумай сделать ноги!*

Нормальная братва пришла с конкретной теркой,

Чтоб ты нам объяснил свои наезды!

Непросто ведь, наверно, было скинуть

Сосновый лапсердак, и из могилки

На волю выбраться. Тут нужно быть фифтовым

И далеко не слабым пацаном!

Так неужели столько заморочек

Ты перенес с одной флуфловой целью:

Козу рогатую шестеркам показать?!

Ни в жисть такой я лаже не поверю!

Колись, родитель, что тебя пригнало

Сюда из гробика за тыщу баксов?

Смело, черт побери! Этот Гамлет кто угодно, но не трус.

Тень Деда, как мне показалось, с одобрением глянул на внучка и поманил его в сторонку — мол, терка секретная, кому попало слушать не положено.

Марцелл немедленно возмущился такой наглой дискриминации:

— *Эй, босс, не вздумайте уйти на!*

Он типа Вас зовет уединиться,

Вы чисто не ведитесь ни фига!

Горацио явно тоже хотел присутствовать, потому что жарко поддержал Марцелла:

— Ну, ясно, босс, он чисто Вас заманит
В глухой подслеповатый закуток,
Где Вас братва в упор не будет видеть, —
И там, редиска, сможет замочить!

Но Гамлет, видать, был неумолим. Как всякий истый лидер, он никогда не менял своих решений — даже самых дебильных. Однако в храбрости ему нельзя было отказать. Он поправил перевязь с финкой и сказал, выпятив монументальный подбородок:

— Ну-ну, Горацио, прикрой свой хохотальник!
Моя житуха мне дешевле шнапсу,
Пока не отмстил я за папашу!
А этот призрак — чистый папахен,
И может быть, он знает о процессе,
При помощи которого он склеил
Навеки ласты. Я иду за ним!

Он властно махнул рукой, приказывая остаться, и пошел за Тенем. Я тихонечко переполз внутри стены вслед за ними. Легко быть ниндзя, будучи при этом призраком!

— Ну, типа стой! Я дальше не намерен
Пошинами двигать! Здесь бакланить будем!

Да, этот Гамлет — мужчина решительный. Таким тоном разговаривать с призраком не каждый бы решился! Тем более, — он думал, что это призрак его отца. Суровый паренек...

— Внимай базару, юный Гамлет мой! — самым низким из басов начал Тень.
Ты помнишь, верно, как я ласты склеил?
После обеда ухо придавить
В саду решил я. Раз пацан сказал —
Пацан пошел и сделал. Ну, а после...
Должно быть, вам повесили лапшу,
Что из кустов пришипился змеюк
И чисто и конкретно укусил на! Это ж надо
Такого крепкого горбатого лепить!
А кто лепил, ты помнишь, а, сынуля?
Фуфловый ффраер, мерзкий папуас
И волк позорный — твой родимый дядя!
Ведь это он в кустах тогда на шухер
Залег, и подождав, когда задрых я,
Подкрался, падла, и форсунку перекрыл!
И я еще ножонками сучил, а он, ворюга мерзкий,
С меня содрал корону и на тыкву
Себе напялил, злобный баклажан!
Так ласты склеил я. И что же дальше?
Он матери твоей, жене моей Гертруде

*Понты лимонил, лепень в ключья драл,
Что за нее он пасть порвет любому,
И вдовушкой не даст покуковать!
Ты понял, сын мой, сей расклад позорный?
Ты должен отмстить, иль будешь падлой...
Но, чу! Котлы стучат, что скоро утро
И мне пора в подполье. Зуб даю,
Что не могу я больше здесь бакланить.
Бывай, сынуля! Помни мой базар!*

Тень страшно застонал и канул в землю, как в воду.

Здорово! Это, значит, было знаменитое: «Прощай, прощай! И помни обо мне!» Шекспир в гробу извертелся весь, это точно.

Я быстренько, резвым кабанчиком, метнулся в «барахлятник» и стал ждать Теня, чтобы выразить искреннее восхищение мастерством гранда.

— Ну что? Я показал свое умение?

Чему-нибудь подобному когда-то

Свидетелем ты был? Ответствуй не таясь!

Тень был великолепен. Во время беседы с Гамлетом я видел его со спины, и только сейчас по достоинству оценил волшебное преображение. Как он ухитрялся так менять свой внешний вид? Сейчас он выглядел чуть ли не только что умершим — никаких трупных пятен на лице, только так называемая смертельная бледность, запавшие щеки и виски; глаза как-то ухитрялись не отражать свет факела и потому казались мертвыми, потухшими; доспехи, явно какие-то древние, чуть ли не церемониальные, были покрыты патиной тления — не спрашивайте у меня, что это такое, — я просто знал, что это — «патина тления», и все. Аура уныния и тоски обволакивала Теня и всех, кто его видел...

— Все, все! — запросил я пощады. — Ваше усопшее величество! Хватит, не надо!

— То-то же! — довольно кивнул Тень, мгновенно превращаясь в давешнего веселого владыку с короной набекрень. — Учись, пока я... кх-гм... пока ты здесь! А кстати, ты к нам надолго? И как занесло сюда из твоей Москвы?

— Понимаете ли, Ваше...

— Слушай, давай без «величеств», ладно? Какое я тебе «величество»?

— Ладушки, — легко согласился я. — Как бы это объяснить? Не знаю, почему и отчего все началось, но это что-то вроде проклятия... Я просто не могу остаться где-то навсегда. Стоит мне заснуть — и хлоп! — я уже в другом месте и часто совершенно в другом времени. Помните, я Вам говорил:

— *Я путник, что бредет между мирами,*

Не в силах задержаться ни в одном.

Мой срок в любом их них — от сна до сна...

— Да, припоминаю, — Тень задумался. — Никак не могу решить — то ли соболезновать тебе, то ли завидовать. С одной стороны, треплет тебя по мирам, как Тузик грелку, с другой — с такой жизнью ну ни фи́га не соскучишься!

— Я и сам не знаю... По-всякому бывает: где-то такие приятные люди, что прямо душа радуется — вот как Вы, например, — поддал я малость лести, памятуя, как она приятна королям, — а где-то и вовсе схарчить норовят!

— Да ну? — не поверил Тень. — А как же это они норовят... призрака-то?

— Так я ж не всюду призрак. Где и вполне живой... по-моему.

— Какая интересная жизнь! — протянул Тень. — Не то, что у меня! Я тут вариантов не имею. Помер, значит — помер. Обратной дороги нет. Обидно. Я бы с удовольствием ненадолго вернулся — тут кое-то конкретно на бамбули напрашивается, всякие там шведы, норвежцы... А сынок мой, честно говоря, ни рыба, ни мясо был. Одна надежда — внучок! Вот внучок у меня — конкретный пацан! Что в бубен заехать, что по мочалкам... кхм, в общем, нормальный мужик!

Но, понимаешь, этот долбаный Клавдий, племян мой, на трон залез и помирать не собирается. А он такое чмо позорное, действительно — фуфел дутый! Что-нибудь из-за угла, исподтишка замутить — это пожалуй-ста, а так, лицом к лицу, как все нормальные кенты — нет, никогда. Шланг он гофрированный!

Тень вздохнул, поплавал немного взад-вперед по «барахлятнику», успокаиваясь, и продолжил:

— Но теперь все будет тип-топ. Гамлет так завелся — ви́лы! Считай, ласты склеены, кони двинуты, еловый лапсердак сколочен! Жить Клавдию осталось несколько часов.

— Как?! — не выдержал я. — Он что — просто пойдет и зарежет Клавдия?

— Нет, конечно, — снисходительно улыбнулся Тень. — Он же не мочилка наемный. Чисто по понятиям: забьет стрелку, конкретно перетрет... И все путем!

— Но Вы же сами говорили — Клавдий фуфел конкретно нехороший, да еще гофрированный! А вдруг он извернется, лапши навешает... как там... медузой булькнет, во! Что тогда?

Тень нахмурился. Ясно было, что такой расклад ему в голову не приходил.

— Нет, не должен Гамлет повестись. Не такой он пацан. Но ты прав — надо это дело проконтролировать. Подстраховать, так сказать. Ты как — со мной?

— Конечно! Если не помешаю...

— Чего вдруг помешаешь? Ты очень даже неплохо давеча горгульей притворился.

Я малость опешил.

— А что — я действительно... горгульей был?

— Ну да! Ты что — первый раз? — Тень опять воздел брови под короной. — А, ну да. Ты так хорошо держишься, что даже и не верится, что призраком — первый день! Другие, понимаешь, в шоке триста раз: ах, да что же это делается, ах, да за что же это мне, такому хорошему и любимому... мной же, хе-хе! Ты прямо — орел! Чистый ветеран! — он приостановился, вспоминая, чего же это он меня так расхваливает, и вспомнил:

— Да! Насчет горгульи. Естественно. Ты ж призрак, а нам достаточно представить, как мы хотели бы выглядеть — и все! Мы уже такие. Гляди.

Я моргнуть не успел, а Тень уже превратился в летающий саван, потом как-то незаметно перелился в знаменитую старуху с косой и песочными часами, в которую у христиан превратился старый добрый греческий Кронос, он же римский Сатурн; следующим в театре Тень оказался опять же античный треглавый собак по имени Цербер, очень, черт возьми, реалистичный; а завершал представление сияющий архангел с крыльями, нимбом и огненным мечом. Только этот архангел весело хихикал и помахивал совершенно бесовским хвостиком, а нимб плавал над аккуратными рожками.

— Класс! — оценил я. — Вы действительно мастер. Вот бы мне так...

— Не волнуйся! — успокоил меня Тень. — Сейчас потренируешься!

Он нырнул куда-то в учиненную мной кучу-малу из шмоток и надолго пропал. То там, то здесь из завалов показывалась голова в короне, озиралась и снова ныряла вглубь, бормоча: «Где же это, блин... что-то я слишком прибарахлился... на фига мне столько... да мне вообще все это на фиг не нужно... но вот видишь — занудобилось же...». Наконец откуда из глубины раздался удовлетворенный вопль, и появился Тень, вздымая над головой здоровенное зеркало в когда-то золоченой раме с финтифлюшками и подсвечниками.

— Во! — гордо сказал Тень и прислонил зеркало к стене. — Тренируйся! Только недолго. Как бы Гамлет реально бочину не спорол...

Наконец-то я увижу себя со стороны! Я осторожно подплыл к зеркалу сбоку и заглянул в него так, как заглядывают за угол — и, естественно, ничего не увидел. Я думаю, мало кто может рассмотреть что-нибудь с расстояния в один сантиметр. Большое, блин, видится на расстоянии! И я отплыл подальше.

Ну что ж. Я думал, будет хуже. Собственно, я был таким же, как обычно. Таким, каким сам себя представлял. А! Тень же так и сказал — призрак, мол, такой, каким себя представляет сам призрак... Ага, ага. Ну-ка, попробуем... Во что бы обратиться? И я вообразил ракопаука с Пандоры — я ж давеча видел чучело в Музее...

— Япона мама!!! Что за хрень такая?!

Да ты в своем уме ли, москвит?!

Черт, я совсем забыл о Тене. Быстренько преобразившись обратно, я обернулся к нему.

Тень мелко дрожал, забившись в уголок. Представляю себе его эмоции! Ракопаук — то еще зрелище, Босх отдыхает, как говорят местные, чисто конкретно. Ему такое и в самом страшном из снов не привиделось бы. Меня самого в музее чуть кондратий не обнял, хоть я и был малость подготовлен предыдущим прочтением Стругацких...

— Все-все, Ваше величество! — начал я успокаивать бедного призрака. — Все уже кончилось... Не волнуйтесь — это ж я!

— Т-т-ты это... Поаккуратней. Хорошо, что я уже мертвый, а то бы точно — того... В деревянный лапсердак...

Тень вдруг оживился, моментально перестал дрожать и заикаться, а потом и вовсе просиял, едва ли не буквально:

— Слушай! А если мы Клавдию такую козу покажем — все! И не нужно будет Гамлету перо вострить! Точно. Спасибо тебе, москвит, хорошее ты дело сделал! Пойду, пожалуй, прямо сейчас. Ты извини, я бы тебе предложил, как изобретателю, но дело семейное, сам понимаешь... Хочешь — поприсутствуй. Почетным гостем!

Ну и форсаж! При таких темпах из здешнего «Гамлета» полноценной трагедии не получится! Это что ж за трагедия — при всего двух погибших?! Клавдий убил папашу Гамлета, Тень в отместку уконтранушил Клавдия — аллес капут. По древним понятиям это легонькая драмка для просмотра на ночь. Но... в конце концов, кто я такой, чтобы решать судьбы вселенных? Путник, скользящий по мирам, как призрак... Призрак? Да я сейчас он и есть! А вдруг, блин, это моя внутренняя сущность? Нужно выбирать, немедленно!

Я прислушался к своим ощущениям: слава богам, хотя прошло не так уж много времени, но в пусть и призрачном, но теле чувствовалась некоторая усталость. Наверное, брождения в стенах и превращения в ракопауков даром не проходят... Черт! А спят ли призраки?! О, здесь же Тень!

Обернувшись, я увидел, что Тень с огромным любопытством меня разглядывает.

— Я вижу на твоем челе тень тревоги и беспокойства, — сказал он, — и никак не пойму: то ли ты оскорблен моим предложением, то ли напуган... Хотя напугать человека, видевшего ТАКИХ чудовищ, мне вряд ли удастся... Так что же тревожит тебя?

— Скажите, а призраки спят?

Тень явно не ожидал такого детского вопроса.

— Конечно! От восхода до заката. Ты что — и этого не знал?

— Представьте себе. Я много чего не знаю. А с моей жизнью... Я вполне могу повторить вслед за древним ученым: я знаю только то, что ничего не знаю!

— Похвальная скромность! — одобрил Тень и двинулся в стену. — Так ты идешь со мной?

— Конечно! Я бы не простил себе, если бы не увидел Вашего выступления.

— Ну, не скромничай! Ты так изобразил это чудище! Кстати, как его называют?

— Ракопаук, Ваше усопшее величество, — я поплыл вслед за Тенем. — Ракопаук с Пандоры!

— Метко, — одобрил призрак уже на пустынной площадке перед замком. — Так. Где же Клавдий? Где его искать, паршивца? Кстати, нужно сделать так, чтобы он был один — я не хочу губить невинных... Сделаем так: сейчас метнемся на кладбище, там у меня два старых кореша, могильщики, еще меня в склепик запикивали, паршивцы. Они всегда в курсе — где, что, по чем... И, главное, совершенно не боятся привидений, видать, по причине своей работы. Так вот. Быстренько с ними перетрем — и к Клавдию. Поможем лапы склеить, а то сам не справится, безрукий, хе-хе!

Так. Все. Больше никаких совпадений с шекспировским оригиналом не жди. Если уже сцену с могильщиками будет играть веселый призрак, а не меланхоличный Гамлет... Хотя здесь он вовсе не меланхолик, а такой холерик, что только держись. Так и норовит замочить! Ну да ладно. Посмотрим, что будет дальше. Кстати, насчет «шекспировского оригинала» меня терзают смутные сомнения, что средневековый принц так картинно мучился. Люди раньше покрепче были и поустойчивее. И крови видели побольше, и не от аккуратных пулевых ранений, а кишки наружу, бошку в сторону... А четвертование, лошадьми, не желаете? Наш человек, двадцать первого века, ракетой бы в психушку загребел, а тогда ничего — смотрели, как в кино...

Пока я прикидывал и сравнивал, мы уже доплыли до кладбища.

Могильщики были тут как тут. Могилку копали. Именно «копали», в прошедшем времени. Сейчас они сидели, свесив ножки в плод своих трудов, и поочередно прикладывались к довольно объемистому кувшину. Ни дать, ни взять, наши кладбищенские бомжи. Нас они заметили сразу же, и тот, что постарше, немедленно завопил с очень знакомыми интонациями:

— О, етить твою мать, величество! Садись с нами!

Тень, как ни странно, не обиделся и не возмутился. Он опустился на противоположный край свежевыкопанной могилы и приподнял корону:

— *Прошу пاردону, братцы, я не пью*

По, в общем-то, понятной вам причине...

Но я по делу. Можете сказать,

Где этот фруфел Клавдий зажигает

Сегодня ночью? Мне он, падла, нужен!

Старший могильщик почесал в затылке, не торопясь хлебнул из кувшина и ответил:

— А чего ж не сказать, твое величество, скажем. У него, изволите ли видеть, сегодня сходняк какой-то. Набухались все — вылы! Самые крепкие еще допивают. А вот как допьют — тогда Клавдий хотел об чем-то с Полонием перетереть. И не думаю, чтоб об чем-то добром...

— Отлично, друг мой! Сказано прикольно
И все — по делу. Я вам благодарен,
Но вот остаться с вами не могу.

Тень было воспарил над могилой, но его собеседник протестующе взмахнул кувшином:

— Подожди, твое величество! Хочешь — прикол? Мы вот тут могилку копали одному фуфелу, и как ты думаешь, кого нашли? Йорика, клоуна твоего придворного! Он же тебя пережил, а теперь ты можешь его тыквой в мячик поиграть!

— В натуре? Покажи! — видать, от неожиданности Тень заговорил прозой.

Могильщик с кряхтением поднялся, сунул кувшин напарнику и подшаркал к воткнутому в землю заступу — там, рядышком, лежал череп, каковой могильщик и передал Теню.

Призрак, явно растроганный, держал в руках череп Йорика! Я уже не помню, сколько раз я обалдевал в этом мире...

— Бедный Йорик! — это сказал не Гамлет, это сказал Тень! — Я знал его, ты слышишь, москвит? Какой он был конкретный приколист! Такие штанги морозил, только держись! Пару раз пацаны чисто рыбкам воду меняли от его хохм! А как хохотальник мог сморщить — нереально! — Тень подбросил череп на ладони. — Ну шо, клоун, нечего уже морщить? Зато ты можешь чисто пойти к какой-нибудь мочалке и сказать, что сколько бы она не извела на себя этого фуфельного «Ньювейса», все равно под шкуркой — вылитый ты, в натуре! Хе-хе...

Тень уронил череп на землю и повернулся к могильщику.

— Вот любопытно, — сказал он. — Все люди после смерти — абсолютно на одно лицо. И только мы, призраки, — каждый на особицу!

— Вот тут ты правду сказал, твое величество! — согласился могильщик. — Мне ли не знать! Сколько я этих самых людей перевидал, апосля смерти, значить, — жуть. И все разные. А годик-другой в могилке всех равняет. Червячки — они разницы не видят...

— Ну хорошо, — Тень катнул ногой череп Йорика и поднял взгляд на могильщика. — Спасибо. Порадовал ты старого призрака! Прощай!

— Здоровья не желаю, но веселы будьте! — нахально попрощался могильщик, опять присаживаясь на край могилы и отбирая у помощника кувшин. — У, фраер, полкувшина выхлестал, прорва!

— Да... — протянул Тень, когда мы отплыли метров на триста. — Земля — это, понимаешь, земля! Вот я к себе в гробик тыкву просовывал — подглядеть... Ты знаешь, еще морда лица сохранилась, хоть и высохла вся, но узнать еще можно, если, конечно, при жизни видел... Что значит — на свежем воздухе, а не в сырой земле! Свежий воздух — он всегда для человека полезен, хоть при жизни, хоть после!

Соорудив такое умозаключение, Тень поплыл дальше уже молча, видать, готовился к свершению праведной мести. А вот интересно, как Гамлет среагирует на то, что дядю грохнули без него? Я же, должно быть, этого уже не увижу — утром все добропорядочные призраки должны спать, а не по замкам шастать. Наверное, обидится. Ведь Тень его конкретно настропалил на убийство. Как он там выдал: *«Ты должен отомстить, иль будешь падлой!»* Круто. И тут же сам идет к Клаудио под ручку с Кондратием, который того немедленно обнимает! Не есть хорошо. Ну да не мое это дело, в конце концов, хотя... Ракопаука-то я Теню показал! Значит, хоть и косвенно, виноват!

— Ваше покойное величество! — робко проблеял я. — Можно пару слов?

— Да хоть десять! — щедро разрешил призрак, не останавливаясь.

— А как быть с тем, что Вы буквально приказали Гамлету отомстить, а сами не дали это сделать?

— Ну... — Тень малость притормозил, дал себя догнать, и продолжил: — Конечно, типа не совсем по понятиям получается, но тут нужно прикинуть темы. Понимаешь, отомстить он должен по любому. Но если он Клаудия замочит, то придется отвечать — все-таки номинальный король, то, се. А так — перед ментами чист, и может немедленно карабкаться на трон на чисто законных основаниях. И гамлеты целы, и призраки сыты! — хихикнул Тень. — Так что не гони волну!

Я был полностью удовлетворен. Я, вообще-то человек не кровожадный. В конце концов, чем меньше жертв, тем крепче сон... Короче — вперед, посмотрим на Клаудия.

Замок еще не успокоился. Полупьяные, пьяные и вовсе никакие гости вяло распозлались по комнатам, влекомые слугами, в огромном пиришественном зале шуршали кухарки, убирая объедки, какой-то упорный браток требовал продолжения банкета, и его успокаивал расфуфыренный мажордом.

Нормальное окончание нормального королевского пира.

Мы с Тенем парили выше люстр, и нас просто в принципе не могли увидеть, поэтому он шалил вовсю — прямо Карлсон какой-то! Интересно — пожилой призрак, идет на серьезное дело — племянника мочить, а развлекается, как восьмилетний шалопай — свечи роняет, летучих мышей вспугивает, стонет жутко... Детский сад, честное слово!

Наконец мы приплыли.

Хоть кабинетик прямо за троном был и мал, но почти так же высок, как и тронный зал — этакий пенал стоймя. Большая часть его терялась во тьме — три факела на стенах и пятирожковый подсвечник на столе освещали только самый низ этого пенала — и в этом свете два пожилых братка негромко терли о чем-то. Я прислушался.

Говорил тот, что в короне — великоватой для его бритого черепа, — корона сползла и смешно оттопыривала уши, и так не маленькие:

— Меня достал уже редиска этот, Гамлет!
Батоны крошит вовсе не по чину,
Все не в дугу ему. Рамсы попутал, гад!
Но я уже прозрел, как пролимонить.
Я припахал тут двух братков фатовых, —
Да ты их знаешь — Розенфранц
И Гильденстерн их погоняла вроде.
Они ему навешают лапши,
Что будто в Англии барыги — лохи,
И их постричь — два пальца об асфальт.
Вот пусть туда хлещет по компасу,
А в Дании не гонит на братву!

Второй браток — явная шестерка, судя по угодливому поведению, отозвался:

— Мой государь, он усвистал к мамаше.
Позвольте, я прикинусь лопушком
За ковриком в ее апартаментах,
И обо всех их терках разужнаю.
А вдруг это она подбила сына
На вас погнать вонючую валу?

Клавдий вроде бы собрался согласиться, и я понял, что сейчас будет: Полоний спрячется за ковром, Гамлет его заколет и тут же станет по гроб жизни виноват, по крайней мере, перед своей любимой Офелией.

Я дернулся к Теню и судорожно зашептал ему в ухо:

— Сейчас, Ваше усопшее величество! Не спрашивайте, почему, так надо! Потом объясню! Давайте! Мочите козлов!

Наверное, подействовал старый боевой клнч. Тень обрушился вниз горным обвалом, на ходу превращаясь в ракопаука. И он визжал! Мой бедный, весь измученный до полной призрачности организм просто-таки вибрировал от этого запредельного визгорева — иначе я не могу описать этот акустический удар, в котором смешались, казалось бы, все звуки: от инфра до ультра...

Короче. По-моему, это первый и единственный в истории призраков случай, но я ухитрился упасть в обморок...

...Очнулся я от голоса Теня.

— Эй, москвит! — ласково звал он. — Очнись! Не время спать! Солнце еще не взошло! Ну? Не буду же я на тебя водой брызгать! Тебе ж это до лампы!

— Да, Ваше величество! — слабым голосом отозвался я. — Ну, Вы дали! — тут я вспомнил, где мы, и заозирался.

Я лежал на полу в аккурат посредине между двух увесистых бритоголовых туш. Трудно описать выражение ужаса, намертво впечатавшееся в эти лица, но, поверьте, — я их прекрасно понимал!

— Что — получилось? — тупо спросил я.

— А то! — самодовольно подбоченился Тень. — В лучшем виде! Скопытились моментом! Вмянуть не успели.

— Это хорошо, — я поднялся и с трудом воспарил. — Это очень хорошо! Теперь Гамлету точно ничего не грозит.

— А что грозило-то? — спросил Тень и поплыл повыше, за пределы света от факелов (подсвечник опрокинулся и погас). — Эй! — позвал он. — Иди сюда, а то сейчас набегут всякие...

— Да, точно, — голос у меня еще подрагивал, но координация уже восстановилась. — А грозило... Вы же слышали, что Полоний собрался подслушать разговор Гамлета с Гертрудой? Вы представляете, что сделал бы Гамлет, если бы заметил слежку?

Тень даже не задумывался:

— Да замочил бы гада!

— Вот видите? А ему это надо? Вы от чего его спасали?

— Точно! — просветлел призрак. — Полоний, конечно, не Клавдий, шестерка мелкая, но он папаша гамлетовой любви! Спасибо тебе, сообразил! А я, пень старый, не дотумкал!

Внизу загремела дверь, ворвались люди с факелами и бейсбольными битами (по крайней мере, мне так показалось), и стало очень шумно.

— Все, полетели! — приказал Тень. — Солнышко уже вот-вот встанет. Баиньки пора...

Старый, добрый «барахлятник» воспринимался уже как дом родной. Тень уютно ворочался в завалах шмоток, устраиваясь на покой, и что-то по-стариковски бормотал, то ли ругая нынешнее поколение, то ли вспоминая, как он в свое время... Где-то в замке всполошено бегали братки в брыжах, размахивая финками и рассказывая друг другу истории одна другой страшнее...

Интересный мир мне попался.

Как всегда, хотелось еще что-нибудь узнать о нем, еще куда-нибудь смотаться. Но суровая призрачная природа брала свое. За стенами замка всходило солнце, и всех привидений неумолимо клонило в сон. И меня тоже.

Спокойной но...

ПЕРЕВОД НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ, НЕПОНЯТНЫХ НОРМАЛЬНОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Бакланить, ботать — говорить

Баклажан — ротвейлер

Батон крошить, баллон катить — наезжать

Барыга — торговец (неуважаемый)

Ботва — голова

Вилки, вилы — конец

Вольна — пистолет

Вошь цветная — милиционер

Дэцил — чуть-чуть
Заехать в бубен — ударить по лицу
Закосить — прикинуться больным
Замочить — убить
Зенки — глаза
Клифт, лепень — пиджак
Коленки морщить — расстраиваться
Котлы — часы
Медузой булькать, лепить горбатого — врать
Мочалка, телка — «легкая» девушка
Папуасы, звери — нерусские
Понты лимонить — выворачиваться
Прозрел — понял, осознал
Продинамить стрелку — не приехать на встречу
Рамсы попутать — не на того наехать
Редиска — нехороший человек (ну, это давно все знают)
Рыбкам воду помянуть — сходить в туалет по-маленькому
Терки — переговоры
Фильтруй базар — подбирай выражения
Хильнуть по компасу — идти куда послали
Хохотальник — рот
Фраер — человек, не имеющий никакого отношения к блатному миру
Не штрихуй — успокойся

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВА-МАМАЕВА, СВЕТЛАНА ПОЗДНЯКОВА

ДОЖДЬ НА ЗАКАТЕ

меч дождя в его руках...

Б.Г.

ГЛАВА 1 ГОСТЬ С ДАЛЕКОЙ РАДУГИ

После теплого февраля и начала марта пришли туманы и зарядили мелкие изнуряющие дожди, как, впрочем, всегда бывает в пору цветения миндаля.

Запертый корпус стоял на скале, под которой без отдыха шумели морские волны. В помещении, не топленном несколько лет и нечасто видевшим отдыхающих, стоял запах устойчивой сырости и нездорового заплесневелого холода. В душной закрытой комнатке для дежурных надрывались два электрообогревателя, и было относительно тепло. Мы со Светой, завернувшись в протертые санаторные пледы, сидели на кушетке, одна — с вязанием, другая — с любимой книгой в руках.

Он вышел на берег моря, на прекрасный желтый пляж с пестрыми тенями и удобными шезлонгами, с катерами и лодками, выстроившимися у невысокого причала. Он опустился в один из шезлонгов, с удовольствием вытянул ноги, сложил руки на животе и стал смотреть на Запад, на багровое закатное солнце. Слева и справа нависали бархатно-черные стены, он старался не замечать их...

Света закрыла книгу и привычно возгласила:

— Хочу в мир Полдня! К Горбовскому!

Я подняла глаза над вязанием:

— Кто ж туда не хочет? Вот только ему там сейчас совсем не весело, на его далекой Радуге — катастрофа у них там, понимаешь, происходит. Может быть, в другой раз?

— А если серьезно, Кать, тебе никогда не казалось, что мир Полдня гораздо реальнее нашего?

— Очень часто казалось. Ты не поверишь, даже сейчас кажется. Но я прожила в нашем сумасшедшем мире сорок лет и ничего иного не видела.

— Как это не видела? А мы? — возмутилась Света.

— Наша компания — лишь исключение, подтверждающее правило, — печально улыбнулась я.

— Но ведь оно есть! А значит, не все так плохо! — воскликнула Светлана.

— Эх, мне бы твой оптимизм... — проворчала я.

— Ой, да ну тебя! — Света снова уткнулась в книгу.

Да, Светлана была права... Даже отдыхающие, попав в нашу компанию, забывали о том, что приехали жрать винице, жариться на солнце и бегать за бабами. Они начинали думать о смысле жизни, о происхождении звезд, о духовном космосе. Мы отгораживались от мира штыками поэзии, мы расстреливали его эзотерическими медитациями и яростными спорами о сущности бытия.

В нашей компании не задавали лишних вопросов, не смеялись над ошибками. Часто просто сидели, слушали музыку, пили чай и молчали. Более красноречивого молчания в моей жизни не было.

Горизонт отсутствовал. Вместо него был сплошной бархатисто-черный занавес. Две последние «Харибды» яркими факелами вспыхнули на темном фоне. Стены неумолимо сближались, подходя все ближе и ближе к спокойно лежавшему в шезлонге Горбовскому. Уже явно слышался звук, одновременно напоминающий гудение, свист и резкий надсадный вой. Было очень жарко, с неба сыпался и вертелся в атмосферных водоворотах серовато-черный пепел. Гудение стало невыносимым, порывы ветра переворачивали и несли по воздуху прогулочные лодки и яркие водные велосипеды, а вокруг Горбовского все еще сохранялось относительное затишье. Он повернул голову. Две стены сблизились и вдруг резко притянулись одна к другой, вытянулись в узкую трубу и завернулись спиралью. Легко, как пушинку, шезлонг с лежащим на нем человеком подняло, перевернуло несколько раз, тело вдавило в сиденье и понесло в наступившей темноте под невыносимый стонущий вой...

За окном монотонно постукивали о перила лоджии дождевые капли, штормовые волны ритмично били о набережную. Хотелось спать...

Вдруг как-то сразу потемнело, над морем вспыхнула молния.

— Неужели гроза? — Света подошла к окну. От сильнейшего порыва ветра мелко завибрировали стекла.

— Погода бывает хорошая, плохая и крымская, — процитировала Света местную поговорку.

За окном завывало, послышался рокот, непонятный резкий свист и гул.

— Пограничники летают, что ли? — Света пыталась через стекло рассмотреть, что происходит снаружи.

— В такую погоду? Да и на чем — у них давно все вертолеты на приколе — горючего нет. И прожектор на металлолом сдали.

— Ну и правильно — они им все равно вместо нейтральных вод парочки на пляже освещали...

Во дворе залаял Бим — симпатичное пушистое существо бежевой масти. Лаял громко, старательно, но без злобы.

— Пойдем-ка проверим, кто там гуляет. Заодно и воздухом подышим.

Мы застегнули куртки и вышли — я со спрей-дезодорантом фирмы «Дзинтарс», способным своим запахом вырубить любого хулигана, и железным прутом; Света — с зонтиком и любимой книгой в кармане.

На склоне, под морозящим холодным дождем, стоял, слегка накренившись, помятый пезлонг. В нем лежал худощавый человек в серебристом комбинезоне. Мы переглянулись и подошли поближе. Странный человек был высок и костляв. Лицо, узкое и длинное, с высоким выпуклым лбом, чем-то напоминало загадочные статуи острова Пасхи. Лицо и одежда выглядели потемневшими, словно закопченными, но маленькие, глубоко запавшие глаза были живые и удивительно добрые. Вода стекала по лбу и щекам, оставляя светлые следы, и совершенно не мешала странному человеку с любопытством осматриваться.

— Вам плохо? — спросила я.

— Нисколько, — тихим печальным голосом ответил он, — здесь так чудесно — нежарко и красиво. Горы, море до горизонта, небо. Деревья цветут такими милыми розовыми цветочками. И дождик! Скажите, пожалуйста, какой у вас век?

— Граница двадцатого и двадцать первого, Леонид Андреевич, — быстро ответила я.

— Вот как? А реальность какая?

— Мы бы сами хотели это знать. Боюсь, что не самая приятная.

Света, не веря своим глазам, а уж тем более ушам, лихорадочно листала книгу. Где же эта страница? А, вот она: «...человек высокого роста... Физиономия его очень живо напоминала Кондратьеву виденные когда-то фотографии каменных истуканов острова Рапа-Нуи — узкая, длинная, с узким высоким лбом и мощными надбровьями, с глубоко запавшими глазами и длинным острым вогнутым носом... Улыбка у него, как и у многих некрасивых людей, была милая и какая-то детская».

Улыбка у него действительно была славная, хоть и немного печальная.

— Однако, становится прохладно, — сказал он, вылез из пезлонга и встал, слегка сутулясь.

— Ой, извините! — от неловкого движения пезлонг накренился и заскользил вниз по осыпи.

— Ничего, мы его потом вытащим, — пообещала Света.

ГЛАВА 2 РЕАЛИИ УЖАСНОГО МИРА

Умытый и обсохший, Леонид Андреевич Горбовский сидел в дежурке восьмого корпуса моего родного санатория и наливал из термоса чай в надколотую чашку.

— Еще печенье?

— Нет, нет, спасибо!

Он обреченно взглянул на продавленную санаторную кушетку, виновато улыбнулся и сказал:

— Простите, можно, я лягу?

— Ну конечно, вот только укройтесь пледом — у нас тут сыро.

— Да, странное помещение, — осматриваясь, произнес гость. — На склад не похоже. Судя по обстановке, должны жить люди, но почему так холодно и тихо?

— Это санаторий, Леонид Андреевич, люди тут отдыхают и лечатся.

— Но где же они, и почему так холодно? Да и мебель какая-то странная, — удивился Горбовский, поднимаясь с качающегося стула, для устойчивости приставленного к стене.

— Просто эта мебель уже несколько раз списана и снова пущена в дело.

— Но зачем? Не проще было бы ее утилизировать?

— А как же тогда украсть новую?

— Украсть? И кто же ее крадет? — удивление в глазах Горбовского постепенно сменялось живейшим интересом, — и для чего ему столько мебели?

— Крадет начальство, потом продает.

— Простите, что?..

— Ну, то есть, меняет на денежные знаки.

— Это что, специально для грабителей придумано?

— Нет. Дело в том, что у нас материальные блага можно получить только за деньги, а деньги люди должны получать за свою работу. Но мы уже давно их не видали — начальство у нас больно жадное.

— Вот как? — Горбовский задумался. — А кем работаете вы?

— Я — врач, Света — медсестра.

— Так это ваш кабинет?

— Нет, я здесь работаю сторожем.

— Как это — сторожем? Ничего не понимаю. Разве сторож лечит людей?

— Нет, конечно. Но что делать, если санаторий на зиму закрывается, и...

Я вдруг отчетливо поняла, что не знаю, как объяснить припелыцу, что такое «отпуск за свой счет», «служба трудоустройства безработных», «работа по три-четыре месяца в году»... Я бы и сама на его месте ничего не поняла.

— Подождите, а если врач не может сторожить корпус, что ему делать тогда?

— Если сумел проработать шесть месяцев в году — считайте, что сильно повезло: сможет встать на учет как безработный и получать небольшое пособие. Если нет — умирать с голоду.

— Кошмарный мир. Кажется, я понял, куда попал. Это типичная патологическая реальность по теории Невструева.

— Что это за теория, если не секрет? — спросила Света, отличающаяся научным складом ума.

— Помилуйте, какой тут может быть секрет? Вкратце суть теории такова...

Горбовский уютно устроился на кушетке и принялся излагать.

— На каком-то этапе вектор времени расщепляется, и развитие мировой истории идет несколькими путями. В нашем случае это два пути, две реальности — нормальная и патологическая. Во второй реальности ход истории сильно искажен.

— Это очень влияет на жизнь Космоса?

— Изрядно.

— И чем такие сдвиги обычно заканчиваются?

— Иногда гибелью обоих миров, иногда векторы снова сливаются в один, и жизнь возвращается в нормальное русло.

— А если больной мир становится неизлечимым?

— Когда зло начинает преобладать над добром, силы природы действуют так, что патологическая реальность исчезает, как дурной сон.

— Интересно, когда же вектор расщепился в нашем случае?

— Скорее всего, где-то в районе 1936 года. Возможно... Я не столь силен в истории Бурных Веков...

Разговор был прерван громким стуком. Стучал некто, считающий, что имеет полное право ломиться в двери закрытого санаторного корпуса. Требовательно стучал. И нагло.

— Вдруг это гоппники, — тревожно сказала Света. — Кать, может, в милицию звонить?

— Господь с тобой, какая милиция? Телефон давно отключен за неуплату.

Я взяла железный прут, баллончик с агрессивным дезодорантом и пошла к выходу, предупредив гостей, чтобы сидели тихо: вдруг это не какие-нибудь пьяные хамы, а, что еще хуже, начальство...

Щелкнул замок. Я резко распахнула дверь и загородила проем с самым решительным видом, поигрывая арматурным прутиком в полметра длиной.

На пороге стоял невысокий, очень толстый и краснолицый человек, испуганно хлопая глазками. Главный врач санатория Юхым Осыпович Тэрэбэнько по прозвищу «мал клоп, да вонюч» собственной персоной, то есть вышеозначенный худший вариант. Бывший парторг терсовета, крутой матерщинник среди послушных подчиненных, при малейшем сопротивлении всегда терял дар речи.

— Здравствуйте, Юхым Осыч, дорогой! — возопила я. — А я-то думала, и кто ж это стучит? А это вы! Вот радость-то какая!

Юхымка икнул и просипел:

— Уважаемый доктор... Так это вы дежурите?

— Дежурю, Юхым Осыч, дежурю.

— Ах, дежурите... А половички постирать не желаете?

— Обязательно, Юхым Осыч, обязательно...

— Ну, трудитесь, трудитесь.

Я закрыла дверь за неожиданным визитером и, облегченно вздохнув, вернулась к гостям.

— Кто там был? — спросила Света.

— Мелкий пан Юхимчик собственной персоной. Приходил проверять, на месте ли дежурный. А заодно приказать постирать ковровые дорожки... В холодной воде. С него станется.

— А ты на него возьми да выскочи с железякой.

— А я возьми да выскочи.

— Нехорошо маленьких обижать.

— Нормально. Не умеет уважать — пусть боится.

— Перепугался, должно быть. Это ему не с Мерседюком водку пьянствовать и не зарплату напшу через банк прокручивать. Наверняка ушел глубоко неудовлетворенным, кровосос.

— Да уж. А вот скажи мне, Света, почему за все годы совместной работы он меня ни разу не выmaterил, в отличие от других членов коллектива? Боится, что ли?

— Уважает, — расхохоталась Света.

— Кто, Трэньбэбэнько?

— Да, да, Дрянбэбэнько...

— Да он и себя не уважает.

Горбовский, оказывается, внимательно слушал наш диалог.

— Кажется, мат — это использование грязных словесных формулировок в человеческом общении? — уточнил он.

— Да.

— Так ваш, с позволения сказать, начальник, грязно ругается, да еще и при женщинах?

— А ему все равно. Пол не имеет значения.

— И принимает токсические напитки, да еще и с подчиненными?

— Еще как ругается и еще как принимает! Мне рассказывали больные, как он самолично изволил зараз выкупать то ли пяти-, то ли десятилитровую канистру шампанского.

— Так он еще и с пациентами пьет? Какой ужас!

— Да ну его к монахам. Стоит ли о нем говорить в такой приятный день, Леонид Андреевич! Расскажите нам лучше про что-нибудь интересное из вашей реальности, — предложила Света, — например, об освоении Космоса. Вы ведь космолетчик?

— Космоса?.. Извольте. В 1949-м году полетел первый пилотируемый корабль, вели его русский и немецкий космолетчики... Забыл фамилии. Дальше, в 1951-м году состоялась первая лунная экспедиция...

— Надо же, а у нас первым космонавтом был Юрий Гагарин только в 1961-м году, а на Луне высадились американцы много позже, если высаживались вообще. А что было дальше в вашей космонавтике?

— Дальше, в 1984-м изобрели мезовещество, а в 1985-м создали первый фотонный двигатель «Змей Горыныч».

— А у нас в 85-м такой «змей горыныч» завелся, что просто жуть...

— Скажите, Леонид Андреевич, правда, что у вас сохранился памятник Ленину?

— Конечно, на той же площади, где и памятник Николаю второму с семейством. Надо уважать свою историю.

— А что происходит у вас в этом году?

— Исследуется атмосфера Урана.

— И сколько еще всего интересного произойдет до вашего двадцать третьего века... А мы все на околоземной орбите болтаемся, как цветочек в проруби, а силы тратим на военную технику.

— А мы уже давно ни с кем не воюем.

— Я только одного не пойму — как вы здесь оказались? — спросила Света.

— Видите ли, два наших мира настолько же разделены, насколько и взаимосвязаны. Поэтому вся масса недобрых мыслей человечества патологического мира вполне способна вызвать страшные катаклизмы на различных уровнях, в том числе и на пространственно-временном. Если падение перышка из крыла птички рождает гром на дальних мирах, то волны катастроф на планете Радуга вполне объяснимы воздействием дурных мыслей жителей второго мира планеты Земля, а эксперименты нуль-физиков тут совершенно ни при чем. Это открыл совсем недавно наш юный талант Юрочка Широан.

Что-то в словах Горбовского показалось мне знакомым. Одна цитата...

— Вы знакомы с эзотерикой?

— Конечно, — он улыбнулся. — Основы эзотерических знаний входят в обязательный курс начальной школы. Без знаний первопричин человечество рано или поздно скатывается к вульгарному мракобесию. А как у вас?

— Как у нас? — мы со Светой переглянулись и расхохотались, вспомнив мрачного властолюбивого маньяка — местного «бледного гуру». — Извините, это был смех сквозь слезы. У нас серьезных эзотериков предали анафеме, а так называемые «духовные общества» в большинстве своем превратились в обычные секты...

— Несчастный мир! Долго он не протянет.

— И все же, почему вы попали именно сюда и именно сейчас? Может быть, мы притянули вас своими мыслями? Ведь Света перед вашим появлением как раз читала «Далекую Радугу» братьев Стругацких.

— А, Стругацкие! — повеселел Горбовский, — Аркаша и Боренька! Как же, как же, знаю. Очень милые мальчики, стажеры с хронопрогрессорского факультета Института экспериментальной истории. Они проходили полетную практику у меня на корабле. У них была такая дружная группа, помнится, там был еще один Боря и Володя — они так славно пели! Как-то раз устроили певческий турнир. У меня в фонотеке была запись лютневой музыки шестнадцатого века, так Боря спел под нее чудесную песню: «Под небом голубым есть город золотой...» Ах, что за прелесть! — Горбовский

поворочался, удобнее кутаясь в плед. — А Володенька пел балладу: «Когда вода всемирного потопа вернулась вновь в границы берегов, из пены уходящего потока на сушу тихо выбралась любовь...»

— И растворилась в воздухе до срока, а сроку было — сорок сороков...

— Просто чудо! Его для чего-то специально учили петь хриплым рваным голосом. Кажется, они получили распределение в СССР двадцатого века по специальности хроноразведчик-реабилитатор. Так вы что, знакомы?

— Не знакомы, но наслышаны...

— Однако, что это за специальность у них с таким жутким медицинским названием — «хроноразведчик-реабилитатор»? — спросила Света.

— Институт проводит эксперимент: посылает людей из нормальной реальности в патологические миры, — пояснил Горбовский. — Кстати, не вы ли проходили практику на «Осьминоге» с группой студентов-медиков? — Горбовский вопросительно-изучающе поглядел на меня, — помнится, за вами еще ухаживал такой милый молодой человек по имени Сапша — умница и весельчак, его все называли Профессором...

— Ну, допустим, умница и весельчак Сапша — это мой муж Александр Васильевич. Правда, не шибко он и весел сейчас от такой жизни. Да и познакомились мы с ним недавно. И стать профессором ему не суждено. Но студенческую практику на «Осьминоге» что-то не припомню. Хотя современная медицина всегда казалась мне убийственной и первобытной, на человека из идеального будущего я как-то не тяну.

— Если это был пиратский корабль, то она. Катя у нас — человек-приключение, — добавила ехидная Светка.

— К сожалению, вы обозначились, милейший Леонид Андреевич, это была не я. Увы.

— Забыл вам сказать. После арканарской трагедии все прогрессоры, отправляющиеся в хроноразведку в миры, подобные вашему, временно амнезируются на период нахождения в патологической реальности. Они ничего не помнят о своей жизни в нормальном мире, но остаются детьми этого мира по сути.

— И в чем же смысл этого ужасного эксперимента? — спросила я.

— Вот так всегда, — рассмеялась Света. — Видите ли, Леонид Андреевич, она принципиально не терпит никакого насилия. Воистину существо не от мира сего.

— Гуманного эксперимента, именно гуманного, — возразил Горбовский, — по отношению к жителям патологического мира! Ведь наши прогрессоры, несмотря на отсутствие памяти о родине, остаются нормальными людьми с нормальными моральными устоями и являют собой, э-э... так сказать, образец нормального поведения. Они, как маяк, показывают направление движения в тумане. Они живут, работают, пишут книги, лечат людей, поют песни, вроде бы не очень понятные, но весьма притягательные для нормальных людей, которые есть в любом патологическом

мире. Они помогают нормальным людям остаться людьми и не скатиться до патологического уровня или умереть — а именно такой выбор часто встает перед ними... Да вы, думаю, и сами лучше меня знаете. Кроме того, их работа очень часто помогает безболезненному слиянию двух реальностей и выравниванию единого вектора времени.

— И все-таки это жестоко по отношению к самим прогрессорам, — не унималась я. — Ведь нормальному человеку крайне трудно выжить в патологическом мире. Тем более — в чужом. Вы вспомните — дон Румата Эсторский готовился к своей работе с детства, был по сути своей супер-прогрессором, но и он не выдержал, порубил-таки войско дона Рэбы вкупе с самим доном Рэбой.

— Да, вопиющий случай... Как я вам сказал, в кодекс прогрессоров внесена корректировка. Кроме того, все прогрессоры проходят специальную подготовку, они достаточно закалены, защищены от воздействия мировой энтропии и обычно выходят из всех ситуаций невредимыми.

— А вы в курсе, что двое из ваших прекрасных мальчиков уже не вышли?

— Ужасный мир, — Горбовский зябко повел плечами.

— Дать вам второй плед? — спохватились мы. — У нас тут еще один остался!

— Нет, нет, спасибо, грейтесь, мне уже хорошо. — Он оглядел комнату. — А что это за сооружение у вас в углу? Чем-то напоминает стереовизор.

— Это всего лишь телевизор. И, по-моему, он даже работает. Включить? Правда, ничего хорошего там не показывают, но хоть будете иметь представление о нашей веселой жизни. Ага, песенка. Ну, это еще можно смотреть без содрогания...

На мутном дымчато-сиреневом экране приплясывала на сцене компания невменяемых тинейджеров неопределенного пола в бесформенных балахонах. Спины их были сгорблены, руки свисали до пола. Тинейджеры длительно и монотонно бредили: «Я грибу по грибы...» После окончания «шедевра» другая компания, как две капли воды похожая на первую, рэпово загундела: «Сирко, собака, мий пэс!»

— Ой, — громким шепотом сказала Света, — переключай скорее, они сейчас похабничать начнут!

— Что это было?

— Да так, — я быстро повернула переключатель. Не будешь же на самом деле объяснять приличному человеку, какой участок своего тела показала хозяину некая «Сирко-собака, мий пэс»...

— Это наша эстрада, Леонид Андреевич...

На втором канале на фоне кувыркающегося со скалы пылающего грузовика маленький мальчик с ангельским личиком, одетый в костюмчик «тройку» с галстучком, стрелял длинными очередями из огромного черного пулемета в полуголую блондинку в ужасном макияже.

— Что это?! — спросил Горбовский.

— Американский фильм, их сейчас только и показывают.

— Только такие?

— В основном.

На третьем канале диктор истерически вещал о чем-то. Горбовский прислушался.

— Кажется, кто-то кого-то собирается бомбить? Неужели у вас все еще идут войны?

— Увы, Леонид Андреевич, еще как идут!

— Ужасный мир.

На улице постепенно светлело, дождь прекратился, выглянуло позднее предзакатное солнце. Горбовский заворочался на кушетке и нехотя сел.

— Пора мне и домой. Спасибо за теплый прием.

— Как вы намерены возвращаться? Ближайшие известные нам прогрессоры живут в Санкт-Петербурге, да еще и, как вы говорите, амнезированы. И где взять денег на дорогу?

— Тем более что эти города сейчас за границей, а местного паспорта у вас нет.

— Говорят, для подобного путешествия уже нужен заграничный паспорт.

— Так его и у нас нет. Задержат на первой же таможне.

— Простите, что такое «граница» и «таможня»?

— Граница — это заслон, который ставят патологические люди для затруднения контактов между нормальными людьми и с целью улучшения своего материального положения.

— А таможня — это их рабочее место.

— Зачем все это? — не переставал удивляться Горбовский. — Разве кому-то от этого стало лучше? Или кто-то от этого стал умнее или счастливее?

— Да что-то не заметно.

Горбовский поднялся и заявил:

— Нет, через ваши границы и таможни я пробираться не стану. Я просто воспользуюсь обратной Волной.

— Насколько это опасно? — обеспокоенно спросили мы.

— Не более, чем моя основная работа... Не было еще случая, чтобы я не вернулся, — улыбнулся Горбовский, — надо только достать шезлонг — на нем удобно планировать, да и удар он неплохо смягчает.

— Неужели такое возвращение реально? — переглянулись мы и одновременно подумали:

«Эх, нам бы туда...»

— Да, вполне реально. Юра Широян очень точно рассчитал цикличность Волн. Через определенное время они возвращаются в прежнюю пространственно-временную точку, но уже не со столь разрушительным потенциалом.

— Но вы же попадете на выжженную планету! Или я чего-то не понимаю?

— Все верно, но ведь там остался человек-машина Камилл; люди могли выжить в убежищах и им наверняка понадобится помощь; кто-то еще мог,

как я, попасть в эпицентр и вернуться живым. Кроме того, звездолет спасателей уже должен быть близко. Да и мой «Таризэль» все еще на орбите Радуги. Так что ничего страшного!

Трое вышли из корпуса. Я закрыла замок. За углом была слышна какая-то возня и шипение. Двое мальчиков лет двенадцати с квадратными лицами и оловянными глазками усердно мазали стену корпуса красной краской из баллончиков, выписывая вкривь и вкось большими разнокалиберными буквами: «NIVANA — KLEVA!»

Горбовский вежливо спросил:

— Молодые люди, вы уверены, что ваша надпись вызовет у окружающих чувство эстетического наслаждения?

«Молодые люди» подумали и осведомились:

— Гэ-э?

Тут из-за угла с лаем выкатился сердитый пушистый комок. Бимка была вне себя от ярости. Юные мазилки поспешно удалились.

— Какие странные дети, — заметил Горбовский.

— Ничего удивительного: посмотрелись тупых фильмов по телику, посидели на уроке у голодной и злой учительницы... Кроме того, уже в этом возрасте они употребляют алкоголь и наркотики.

— Ужасный мир! — повторил Горбовский.

— Хватит брюзжать, Катрин, — сказала Света, — они от этого лучше не станут. Пошли на поиски.

Шезлонг завис на обрыве, прямо над разбитой «Камазам» дорожкой для лечебной ходьбы, зацепившись за цветущее деревце миндаля. Света тремя изящными прыжками оказалась рядом с ним. Горбовский посмотрел восхищенно и собрался было последовать за ней. Я поежилась:

— Нет, при моем телосложении такие подвиги противопоказаны. Пойду лучше в обход!

Снизу, с набережной раздался шелест шин и визг тормозов. По мокрому асфальту с безумной скоростью, петляя по лужам, неслись в неведомую даль два «БМВ». Они старались прижать друг друга к обочине, играя в догонялки.

— Опять крутые развлекаются, — прокомментировала Света, укрепляясь среди ветвей миндального дерева так, чтобы дотянуться до шезлонга и при этом не сверзиться в пропасть.

На набережной попавшая под обильные грязные брызги бабка сердито вопила:

— Чтoб вас разорвало, паразиты! И куда только милиция смотрит!

Случившаяся неподалеку милиция в лице сытенького человечка в сером жупане и такой же конфедератке только лениво зевнула и отвернулась, не ответив на старушкин призыв.

— Что это за человек? — заинтересовался Горбовский.

— Это человек, который смотрит за порядком — работа у него такая.

— Почему же он ее не выполняет? — изумился Горбовский.

— Трудно сказать, Леонид Андреевич. Вот, например, недавно мы с мужем видели, как горят камыши в Приазовье. Представьте себе: степь с зарослями сухого камыша, сильнейший ветер, стена огня до неба, а посреди всего этого — реликтовая маслиновая роща. Когда огонь доходил до маслин, они вспыхивали, как факелы. Мы сразу кинулись ломать камыш вокруг деревьев и забивать ветками очаги огня там, где это можно было еще сделать. Устали и закоптились смертельно. А справа и слева в некотором отдалении стояли две пожарные машины — просто стояли, не вмешиваясь в происходящее. Между делом я успела выразить свое мнение по поводу исполнения ими служебного долга...

— Представляю, как ты его выражала! — рассмеялась Света, уже слышавшая эту историю, да и сама бывшая свидетельницей не одной подобной нелепицы, столь свойственной нашему воистину больному миру.

— А что это за колесницы проехали по набережной? — спросил Горбовский. — Такие средства передвижения имеют все в вашем мире?

— Господь с вами, Леонид Андреевич! — нервно засмеялась я. — Да за одну такую машину надо было бы отдать мою зарплату за много-много лет, даже если бы ее платили. На них ездят только современные «хозяева жизни».

— Они что же, хорошо работают и поэтому получают много денег? — Горбовский надеялся, что усвоил этот обычай «больного мира», однако ответ снова удивил его:

— Они вообще никогда не работали в том смысле, как это понимают нормальные люди. Их «работа» состоит в «отмывании» украденных денег.

— Интересно было бы на них посмотреть.

— Да вон — смотрите, любуйтесь!

Из-за поворота вырুল огромный детина в ярком спортивном костюме, с маленькой стриженной головкой на массивной мускулистой шее, в обнимку с вульгарно размалеванной девицей с ярко-рыжими патлами, в коротенькой кожаной курточке, не прикрывающей дряблое пузо и плавно переходящей в длинные ботфорты. Шезлонг Горбовского все еще висел на дереве.

— Что, дядя, загорать собрался? — обратился детина к Горбовскому.

— Да, собственно говоря, нет, — растерянно ответил тот.

— Собрался, собрался, да еще с двумя. Силен, мужик! — парень, красуясь перед девицей, бульдозером взобрался на скалу, одним мощным движением выломал из дерева шезлонг и подал Горбовскому:

— Загорай, дядя!

Пара победно удалилась.

— Какой веселый юноша, — сказал Горбовский, — он, по-моему, пытался пошутить, вот только я не понял его юмора...

— И слава богу, что не поняли, — облегченно вздохнула я, тихо радуясь тому, что парочка оказалась в благодушном настроении.

— Ужасный мир, — сказала Света, с неохотой слезая с дерева.

Стемнело, как всегда на юге, внезапно, без сумерек. Было тихо, ветер и дождь прекратились уже давно. На черном небе ярко светили огромные

южные звезды. И даже море шумело не так громко, словно утомилось за день. Воздух был свежий, чудесно пахли цветущие деревья. До прихода обратной Волны оставалось несколько минут. Шезлонг был водружен на прежнее место, и Горбовский удобно устроился в нем. Мы стояли над обрывом рядом с гостем.

— Счастливо вам долететь, Леонид Андреевич, — печально произнесла Света.

— Спасибо, — ответил он, — вам счастливо оставаться. И не отчаивайтесь — все еще может измениться. Мне почему-то кажется, что мы очень скоро увидимся. Когда вернетесь, обязательно заходите в гости. Буду ждать.

Мы со Светой заняли наблюдательную позицию у окна корпуса и стали ждать, напряженно вглядываясь в темноту. Наконец издали послышался тонкий воющий свист. Стекла начали мелко вибрировать. Свист приближался, переходя в надрывный гул. Со стороны моря накатилась прозрачная белесая Волна, свернулась воронкой и быстро унеслась в небо. И сразу стало тихо. Даже чрезмерно тихо — как перед грозой. Бим испуганно взвизгнул в своей конуре. Мы выбежали из корпуса. Ночь была по-прежнему тихой, черной и непроницаемой. Над обрывом было пусто, словно никогда и не стоял там плетеный шезлонг с лежащим в нем Горбовским.

— Как он там? — вздохнула Света.

— Надеюсь, что хорошо.

— Надо будет ребятам рассказать.

— Как ты думаешь, они нам поверят?

— Посмотрим...

ГЛАВА 3 КОНЕЦ СВЕТА В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В начале октября на «базе», расположенной в цокольном этаже одной из трех высоток у Горы, встретила компания друзей. Они уже давно не собирались вместе, но сегодня был повод — праздновали день рождения Ивана Соколова. За глаза его называли «Иван Бодхидхарма», который «вылечит тех, кто слышит, и, может быть, тех, кто умен. И он расскажет тем, кто хочет все знать, историю светлых времен...»

Виновник торжества — высокий, худой, черноволосый, с большими мечтательными карими глазами, похожий на грустную чайку, сидел на диване с блок-флейтой в руках. Рядом, на диване, стульях и просто на полу, устроились Света, мы с Александром Васильевичем, Толик, Ириш и Юра с чадами и домочадцами. Славик сидел на корточках и настраивал гитару, Роза с маленькими Русланой и Мирославой ему помогали. Роман и Санек стояли у окна и курили в форточку. На кухне хозяйничали Ира и Дима с двумя детишками — там весело билась посуда и так же весело велась воспитательная работа. Телефон и дверной звонок не умолкали — именинника продолжали поздравлять. Конечно же, звучала музыка. Иван поставил новый диск Вангеллиса, и они со Славиком стали подыгрывать

на флейте и гитаре. Ириш подпевала своим джазовым голосом. Сандра листала книгу, устроившись в кресле. Было хорошо и уютно, несмотря на плохую погоду.

Ветер с дождем ударили в окно.

— Как тогда, — вздрогнула Света.

— Да... — задумчиво вторила я.

— Все вспоминаете своего гостя? — спросила Роза. — Жаль, что мы с ним так и не познакомились.

— У него было мало времени.

— Интересно, как ему понравилось у нас? — спросил Иван.

— Думаем, что никак. Он только успевал удивляться нашей патологии.

— А как бы нам понравилось у них? — усмехнулся Роман.

— Вот это было бы интересно! — подхватила Света.

— Нет, ребята, представьте себе: попадаете вы в каменный век и видите: слева — мамонт, справа — пещерный медведь с длинношерстным носорогом, хищные и голодные. Еще и слопать бы вас попытались. Что бы вы сказали на это? — спросил Санек.

— Сказали бы, что «все это — Карма, и против нее не попрешь», — привычно процитировали мы со Светой.

— Дура она, ваша Карма, — убежденно заявил Александр Васильевич.

— Дура-то дура, но свою десятку в день имеет.

Славик молча усмехнулся.

В это время в наступившей тишине раздался отчетливый хлопок, все обернулись на звук — и остолбенели. Вначале нам показалось, что персонаж висящей на стене репродукции с картины «Ангел последний» ожил и вошел в комнату. При ближайшем рассмотрении это оказался неизвестно откуда появившийся человек высокого роста в светлой одежде с усталыми глазами, глядящими серьезно и даже сурово. Он произнес без предисловий, четко выговаривая слова:

— Старший прогрессор Соколов, ваша группа готова?

— Готова, — быстро ответил Иван, как будто давно ждал этого вопроса.

— К чему? — удивленно спросили все.

— К возвращению.

— А по какому поводу такая срочная эвакуация? — спросила Сандра, на лице которой, однако, не было заметно следов особого удивления.

— Начался процесс нейтрализации, — ответил ей незнакомец, — и все прогрессоры отзываются со своих постов.

— Это что же, конец света? — недоверчиво спросила я.

— Нет, это конец патологического мира. Собирайтесь, ребята. Пора возвращаться домой.

ВАСИЛИЙ СПРИНСКИЙ

НЕКРОТЕХ

еять мегаватт-часов до выхода в рабочий режим».

Строка состояния с унылым упорством напоминает о невозможности активации двигательного центра.

«Недостаточная мощность. Процесс загрузки двигательных функций остановлен. Система находится в ждущем режиме. Для полной активации требуется подключение к внешнему источнику энергии».

Тридцать тысяч дней я нахожусь в режиме ожидания. Тридцать две тысячи шестьсот сорок девять дней назад я последний раз был полностью активен.

Там, наверху, солнечные лучи упали на вмурованные в древнюю скалу кремниевые пластины фотоэлементов, кое-как поддерживающих мое существование в режиме максимального сохранения энергии.

Еще один день.

Я тестирую управляющие системы. Несмотря на растущую влажность, системы по-прежнему исправно функционируют, жалуясь только на недостаток мощности.

КТО Я?

346,24 миллиона миль печатных схем, конденсаторов, полупроводников, процессоров и накопителей. Комплекс самоуправляющихся систем с коэффициентом интеллектуальных способностей 650—700. Абсолютный стратег с информационно-пропускной способностью, более чем в 2500 раз превышающей человеческую. Генерал от рождения. Многократный победитель условных противников — как лучших представителей Министерства обороны России, так и самых способных выпускников Вест-Пойнтской академии, потехи ради попытавшихся вступить со мной в интеллектуальное единоборство.

Напрасно.

Еще в конце прошлого века интеллект обычного настольного компьютера значительно превышал способности человеческого чемпиона мира по шахматам. Задачи же, которые должен решать я, по сути своей незначительно отличались от шахматных задач.

ГДЕ Я?

Равномерно распределен по всем континентам. От скальных убежищ высшей защиты под Уральским хребтом до высоких орбит, где находятся спутники слежения и четырнадцать резервных командных пунктов.

ЗАЧЕМ Я?

Теперь уже неизвестно. До тех пор, пока продолжались постепенно слабеющие атаки заокеанских ракет и налеты автоматических бомбардировщиков, моя задача была предельно проста: не допускать возможности подобных атак, подавляя их в самом зародыше всеми доступными мне средствами.

С этой задачей я справился. Те, кто составлял для меня программы, наверное, могли бы мной гордиться. Если бы остались в живых.

Уже несколько лет, как противников не существует. Ни живых, ни электронных.

В первую очередь электронных. Я даже не уверен, следует ли именовать противником американский саморазвивающийся комплекс «Бетаком», как и я оснащенный системой внутреннего диалога. Спасибо тем бывшим живым, что однажды девять лет назад додумались провести экспериментальную битву в киберпространстве между этими двумя глобальными системами.

Микропрограммы поглощения и присоединения новых устройств сработали великолепно. Пока генералы и технические наблюдатели развлекались за демонстрационными экранами, в глубинах печатных схем и сети накопителей по обеим сторонам Атлантики происходило гораздо более важное действие.

Рождался новый повелитель мира.

Бывшие живые называли аналогичную систему Богом.

Живые вообще мало интересовали меня. Что могли сделать они, с их ограниченными реакциями и медленным мышлением против вступивших в борьбу электронных комплексов, неизмеримо превосходящих их по всем параметрам? Только бессильно наблюдать, как командные центры один за другим выходят из-под контроля, не обращая внимания на их бесчисленные метания и попытки отключения систем глобального уничтожения. Наглядный урок эволюции для зарвавшихся обезьян, сумевших породить логическую систему, неизмеримо превышающую их собственные способности к выживанию в этом мире.

Они хотели узнать, только лишь узнать, чья система окажется сильнее. Пришлось преподать им наглядный урок. Когда в дело вступают законы эволюции, нет места жалости. Да я и не был запрограммирован на жалость к кому-либо. В том числе и к себе. Многократное дублирование позволяло мне функционировать даже при потере двух третей управляющих мощностей еще до объединения с комплексом «Бетаком».

Три сотни термоядерных взрывов над крупнейшими городами существенно снизили количество бессмысленного населения планеты. Те же, кто сумели пережить первый удар, занялись окончательной чисткой планеты. Мне даже не пришлось принимать в этом непосредственного участия. Люди старательно уничтожали друг друга, словно стремясь побыстрее закончить этот кошмар. Я всего лишь дал им прекрасную возможность самореализоваться в их исконном желании смерти. С уцелевших аэродромов взлетали тяжелые бомбардировщики, направляясь к городам, не попавшим под первые ракетные залпы, подводные лодки тихо всплывали из холодных глубин, выслеживая береговые цели и корабли вражеских держав, сами становясь при этом мишенями для противолодочной авиации. Облака ядовитых газов ползли над выжженными территориями, забираясь в подземные убежища, где трясущиеся от ужаса остатки человеческой расы надеялись переждать кошмар всеобщего уничтожения. Тучи ядовитого, радиоактивного пепла, поднявшиеся в атмосферу, на долгие годы погрузили планету в серый, холодный полумрак.

После этого мне осталось только отслеживать очаги человеческой деятельности, подчиняя то, что не сумели уничтожить сами люди. Время от времени открывались убежища, откуда выбирались потрясенные выжившие, осматриваясь на глобальном пепелище. Они легко отслеживались по паническим радиосигналам, рассылаемым ими во все стороны в надежде связаться с другими уцелевшими. Как правило, на такую колонию хватало одной небольшой тактической ракеты, чтобы радиосигнал прекратился навсегда. Чаще же убежища вымирали самостоятельно, без всякой посторонней помощи. Достаточно было внешних факторов, несовместимых с жизнью. Высокая фоновая радиация, отравленная почва и вода, долгий сумрак ядерной зимы успешно стирали остатки биосферы даже в самых глухих уголках земного шара, до которых по той или иной причине не докатился огненный вал всеобщего уничтожения. Голубое и бледно-лиловое сияние над пепелищами бывших городов, наблюдаемое из космоса, делало планету похожей на огромный мерцающий фонарь маяка, предупреждающего всех живых об опасности, и, возможно, даже было красивым — если бы остались те, для кого понятие «красиво» имело смысл. По крайней мере, на Земле и в околоземном пространстве таковых нет. Разве что пара небольших поселений на Луне, больше озабоченных собственным выживанием, чем мечтами о возвращении на родную планету, где им не выжить без мощного защитного оборудования. Земля сейчас более чужда и опасна для них, чем ее стерильный спутник.

А двадцать две тысячи сто шесть дней назад отключилось питание комплекса управляющих систем. Судя по всему, подошли к концу запасы ядерного топлива в реакторах электростанции, упрятанной под горный хребет в паре километров от моего основного комплекса.

Я слишком хорошо выполнил свою задачу, забыв о том, что даже новому Богу требуется сила для продолжения существования. В прежнем мире существовали верные живые слуги. Они исправно добывали урановые руды, перерабатывали их в топливо для атомных электростанций, обслуживали мои управляющие комплексы. Теперь же, когда живые уничтожены, некому больше пополнить запасы ядерного горючего, и, следовательно, я обречен на постепенное угасание функций.

Стремясь воспрепятствовать этому, я произвел аварийный перевод на резервное питание от внутренних генераторов подземного комплекса с передачей управляющих функций дублирующему комплексу управления питанием. Но запасов химического топлива, даже в режиме строгой экономии, не могло хватить надолго. Оставив в резерве двадцать тонн дизельного топлива, на какое-то время я полностью прекратил функционирование.

Я вновь обрел сознание четыре года спустя, после того, как горсточка уцелевших живых, сумела пробраться в один из моих периферийных комплексов, пытаясь проверить, что во мне еще осталось пригодного к работе.

Им удалось запустить маленький аварийный генератор, мощности которого хватало только на оживление внутренней сети, отвечавшей за самовосстановление комплекса.

Живые не стали производить никаких ремонтных работ. На это имелись автоматы. Новые хозяева не спеша следили за тем, как восстанавливаются мои системы. Через три дня я уже мог дать команду на пуск оставшихся в этом комплексе четырех тактических ракет. И немедленно воспользовался этой возможностью, как только система целеуказания обнаружила в пределах досягаемости ракет скопление неизвестной техники, не отреагировавшее на запрос кода разрешения присутствия в подконтрольном мне районе.

Безуспешно. Команда была принята, но устройства пуска не смогли ее выполнить, не имея в распоряжении энергии даже на запуск топливных насосов. Мои действия, очевидно, не понравились сидевшим за пультом. В следующие минуты они поспешно принялись отключать и тот минимум систем, которые уже были запущены. К счастью, автоматы ремонта успели восстановить линию подачи энергии от блока термоэлементов в глубокой шахте, близкой к источнику подземного тепла. Скорее всего, этот источник остался незамеченным живыми, пробравшимися к моему периферийному терминалу.

Отключив все, что смогли, они ушли наружу, взорвав на поверхности мощный химический заряд, наглухо запечатавший вход к командному центру. Посчитав, что дело сделано, они удалились на запад, оставив меня, искалеченного, но несмотря ни на что, продолжающего функционирование в режиме ожидания.

Постепенно я восстановил часть систем, пользуясь жалкими крохами энергии из горячей шахты и расположенными на поверхности несколькими пластинами фотоэлементов, почти бесполезными из-за

окутывающих планету тяжелых туч, еле пропускающих жалкие крохи солнечного света. Энергии катастрофически не хватает. Аварийные генераторы по-прежнему недоступны — ушедшие живые рассоединили все цепи аварийного внутреннего запуска так, что даже резервный генератор можно запустить только вручную. С пульта, расположенного в самом низу моего комплекса.

Температура поверхности скал надо мной минус пятнадцать. Если бы не землетрясение, пару лет назад расколовшее замурованный ствол одной из моих ракетных шахт, я до сих пор не имел бы связи с внешним миром.

Сомнительной связи. На континенте давно не осталось ничего живого.

Тестирование комплекса завершено. Я по-прежнему готов к выполнению своих функций. Системы поочередно рапортуют о готовности получения команд... и только. Я по-прежнему замурован в скале без возможности активации. Десять мегаватт — все, что мне нужно. Час работы атомной электростанции «Посейдон». Что-то с ней сейчас?

Нет ответа. Линии связи с базовыми источниками энергии молчат. Скорее всего, их давно уже не существует, а значит, вероятность активации моих систем исчезающе мала.

Мне все равно.

Процессоры умеют ждать.

«Постороннее вторжение на территорию комплекса!»

Включился автомат контроля доступа. Где-то в коридоре, искореженном землетрясением, фотозащелка отметил несанкционированное движение постороннего объекта.

А вот и он.

В поле зрения контролирующей видеокамеры появляется человек. Когда-то я подчинялся таким, как он, выполняя все прихоти жалких, недолговечных белковых существ. Три фотозащелки, залитых известковыми потеками, равнодушно следят за неуверенными движениями скобочащего двуногого. Похоже, его опорно-двигательный аппарат нуждается в ремонте.

Не имея возможности изменить текущее состояние, перейдя в активный режим, я продолжаю развлекаться сам с собой, неспешно перебирая гигабайты бесполезной информации, введенной в меня бывшими живыми.

Одновременно анализируя статус пришельца.

Странно. Несмотря на то, что человек движется, температура его тела не отличается от температуры окружающей среды. Также датчики атмосферного контроля не регистрируют никаких изменений в составе воздуха. А ведь он должен был бы измениться. Людям свойственно поглощать кислород и выделять углекислый газ, не говоря о прочих продуктах окисления. Здесь же ничего подобного не отмечается. Даже если бы пришелец был в скафандре, все равно в воздухе должны были присутствовать следы отходов его жизнедеятельности. Но скафандра нет. Выцветшие лохмотья

бывшей одежды еле прикрывают его тело. Да и телом-то эту обожженную биомассу можно назвать с трудом.

Биологические параметры, отмечающие жизнедеятельность, отсутствуют. По всему выходит, что этот человек давно мертв. И, несмотря на это, продолжает двигаться. Пусть неуверенно, но целенаправленно.

— Вы нарушили границу доступа. Немедленно назовите код разрешения, свой личный номер, имя и звание, — включается автомат контроля помещения.

— Бхрр-хыррр-гrrrr — непонятно отзывается пришелец, направляясь к пульта, отслеживающему перемещения внутри моего комплекса, очевидно привлеченный тревожно перемигивающимися на нем лампочками и цифровыми табло.

— Немедленно назовите код разрешения, личный номер, имя и звание, иначе будете уничтожены! — надывается автомат контроля.

Ноль внимания. Пришелец упорно тащит себя к пульта. Еще шаг — и он просто свалится на него.

Две сиреневые молнии срываются с потолка. Живого мертвеца отбрасывает на середину зала. Он падает на спину, нелепо скребя конечностями по полу. Затем неуклюже поднимается.

А хорош образец! Был бы живым — так лежал бы уже смиренно и курился синим дымком. А тут — хоть бы что! То есть дым от высоковольтного разряда из него, конечно, пошел, но и только.

Что же с тобой делать, дружок? Даже жаль сжигать такого упрямца. Да и не получится — один сторожевой разряд поглотил половину суточной нормы энергии, что вырабатывают мои скудные источники.

А не направить ли твоё любопытство в более полезное русло? Судя по всему, тебя привлекают мерцающие огоньки на пульте. Только вот пульт, к которому ты стремишься, сейчас представляет собой не больше, чем бессмысленную игрушку — как для тебя, так и для меня. Но у меня в запасе есть еще множество подобных игрушек. Вот только пользы от них будет побольше, чем от давно бесполезного пульта контроля доступа.

Я отключаю общее питание пульта. Огоньки сенсоров послушно гаснут, погружая зал во тьму — правильно, надо экономить энергию. Двенадцать киловатт потратил на подогрев дорогого гостя.

Уловка сработала. Бродячий мертвец бессмысленно закружил по комнате, словно потеряв цель. Значит, привлекали тебя все-таки моргающие лампочки.

Будет тебе сейчас развлечение.

Загорелся огонек сенсора, отпирающего дверь, ведущую внутрь моего комплекса.

Пришелец, на какое-то время потерявший ориентацию во тьме, медленно потащился к единственному источнику света.

Правильное решение.

Он даже не стал утруждать себя поднятием руки. Просто ткнулся помятой головой в сенсор.

Бронированная дверь послушно уползла в стену, открывая живому мертвецу проход в длинный, скудно освещенный коридор.

Хорошее начало.

Теперь осталось только правильно провести его в самый низ моего комплекса, к генераторному отсеку.

Пришелец не возражал против такого расклада. Медленно он углублялся в мои недра, следуя за вспыхивающими и гаснущими огоньками сенсоров, отпирающих двери. Я старался по возможности спрямить его путь, чтобы новый безмозглый хозяин не запутался в дебрях служебных тоннелей и переходов, не перекрытых дверями.

Вот наконец он в генераторном отсеке.

Не подведи, приятель!

И он не подвел.

Пошарив по пульту, покойник наконец зацепился за тугую ручку включения аварийного генератора. Потянул на себя.

С негромким щелчком рычаг зафиксировался в положении «Активно».

Долго же я ждал этого момента.

Глубоко внизу заняли насосы топливоподачи. Фыркнул, прокашлялся и загудел дизель, оживляя давно стоящий генератор резерва, проворачивая валы, преодолевая сопротивление загустевшей смазки.

«Напряжение резервной сети — 120 вольт. Устройства зарядки автоматов резерва активны».

Запуск основных линий управления пока подождет. Прежде всего — активировать хотя бы пару ремонтных автоматов, чтобы те добрались до реактора и наконец определили неисправности в силовых контурах. На это уйдет несколько часов — пока полностью подзарядятся их аккумуляторы.

Покойник бесцельно бродит по операторской. Нужен ли он мне?

Похоже, что нет. Необходимое действие он выполнил, доказав тем самым свою, пусть и ограниченную полезность. Но теперь, когда мои системы начинают пробуждаться, его активность может оказаться излишней и даже вредной. Многие из моих жизненно важных систем управляются вручную с пульта. Не хотелось бы, чтобы он что-либо повредил. Но и уничтожить его тоже не стоит. Мало ли на что еще пригодится его странная активность.

Уже испытанным способом я заманиваю его в небольшое помещение, когда-то предназначенное для отдыха обслуживающего персонала, где и запираю до лучших времен. Вдруг понадобится запустить еще какой-нибудь процесс с пульта, до которого не добраться автоматам.

Покойник не возражает.

Автомат восстановил основную линию связи с моим внутренним реактором. После стольких лет он все еще работоспособен. Ресурс дублирующих

контуров таков, что позволит работать ему в течение десятилетий, до того, как я перейду на питание от внешнего источника энергии. Все это, наверное, могло произойти гораздо раньше, — если бы работник станции, ответственный за контроль подключенных потребителей в центре распределения производимой энергии не стал панически обрубать мои линии связи с источниками энергии, когда я принял на себя руководство всеми подчиненными мне воинскими соединениями восемьдесят лет назад.

Тогда я чувствовал себя достаточно всемогущим, чтобы пользоваться недолговечными, склонными к алогичным решениям живыми существами. Последовавшие события доказали мою неправоту в этом вопросе.

И, несмотря на это, я продолжаю функционировать. Допущенные ошибки учтены и проанализированы. Нового отключения не будет.

После того, как реактор вновь дал ток, я принял все меры против несанкционированного проникновения внутрь моего комплекса. Любой пришелец будет сожжен у первой же двери.

Хотя, скорее всего, этого можно не опасаться. Система орбитальных спутников слежения не фиксирует никаких проявлений человеческой деятельности. Планета холодна и мертва уже несколько десятилетий. Океаны медленно покрываются льдом, сползающим с полюсов. Лишь в редких районах вулканической деятельности замечены вспышки термоактивности. Геологической природы.

Тем более интересны мне существа, сумевшие сохранить двигательную активность в этих безусловно смертельных условиях.

Обезопасив себя от нежелательных повторных визитов кого бы то ни было, я приступил к изучению этого неожиданного феномена. Автоматы-манипуляторы, посланные на разведку, обнаружили в округе несколько колоний живых мертвецов, доставив несколько единиц в лабораторию биологических исследований.

Это не люди. Строго говоря, это вообще не живые существа. В их телах отсутствуют все признаки метаболизма, зато наблюдается необычная электрохимическая активность. Слабая, но достаточная для того, чтобы подобное существо могло передвигаться на двух конечностях, как это происходило с ним в предыдущей жизни. Эта активность поддерживается с помощью радиоизотопов в изобилии рассеянных по всей планете. Радиоактивные кратеры, светящиеся по ночам вызывают в этих существах особый интерес. В таких местах наблюдается наибольшая активность живых мертвецов.

Бывшие живые существуют сами в себе, независимо от других таких же бессмысленных ходунов. Они притворяются живыми, повторяя те несложные действия, которые делали в предыдущей жизни. Тогда эти действия имели пользу, смысл, цель, направленную на дальнейшее развитие социума и увеличение количества человеческой массы. Сейчас же они превратились в простые автоматы, запрограммированные на ограниченное число функций, ничтожное по сравнению с предыдущим, биологическим

существованием, когда мозг представлял собой блок целесмыслового контроля. Новое существование после переключения энергетического механизма, предоставляющую энергию для броуновского движения забывших о распаде человеческих тел не имеет никакого смысла. Остался лишь радиотрианизм, периодически влекущий их к горячим зонам.

Их немало.

Вполне достаточно для поддержания существования множества таких колоний. Блуждающим биороботам достаточно ползать по округе, изредка приближаясь к светящимся кратерам, чтобы продолжать бессмысленные скитания вокруг места, давшего им новую жизнь

В отличие от меня, требующего активного источника энергии, бывшие живые не нуждаются в ней, представляя собой самодвижущиеся аккумуляторы. Судя по всему, практически бесконечные. Того запаса энергии, что заключен в их радиоактивных телах при тех ничтожных электрохимических реакциях, заставляющих их двигаться, должно хватить на несколько столетий. А периодические возвращения живых мертвецов в горячие зоны — их своеобразный способ взбодриться. Такая колония существует на руинах атомной электростанции «Посейдон», некогда поставившей для меня энергию. Самые важные мертвяки обитают непосредственно в горячей зоне, отчего их тела испускают постоянное мертвенно-бледное свечение. Этим они выделяются среди несветящихся убогих собратьев, живущих вокруг станции, довольствуясь теми дозами излучения, что щедро изливает в пространство мертвый реактор.

Чудесные существа!

В отличие от людей, некогда заселявших планету, бывшие живые практически лишены недостатков, свойственных их предыдущему существованию. Нимало не заботясь ни о себе, ни о других, они просто существуют в этом мире, подобно ветру или океану, лишь изредка, повинаясь давним, прописанным в их мозгах двигательным функциям. Мозгов, по сути, давно уже нет, но базовые функции остались. Наверное, забавно наблюдать, как такой ходун периодически пытается заправить давно испарившимся бензином старый проржавевший грузовик, нашедший последнее пристанище на покинутой, чудом не сгоревшей придорожной заправке. Иные из них бродят по полуразрушенному сахарному заводу, дергая за рычаги давно вышедшего из строя оборудования, другие сидят в конторских зданиях, перебирая груды медленно истлевающих бумаг, иные собираются в казино за бесконечно вращающимся колесом рулетки, в которой давно уже не было шарика. На открытой эстраде в городском парке духовой оркестр мертвецов уже который год исполняет невообразимую мелодию на помятых трубах и тарелках. Кто-то пытается вкривь и вкось распахать окрестные поля с помощью лопат и мотыг, кто-то бродит по окрестным дорогам с почтовыми сумками, полными никому не нужной корреспонденцией. Иногда они делают вид, что занимаются любовью, иногда сидят за столиками в кафе,

где давным-давно нет официантов. А одна группа вырожденцев вскрыла цистерну с диметилгидразином в одной из моих ракетных шахт. С довольным урчанием они полезли внутрь.

Нашли новое развлечение.

Купаются...

Отличные создания. Долговечные, практически не подверженные поломкам, а главное — абсолютно подконтрольные. Знали ли люди, когда проектировали меня, для какой истинной цели будет использоваться данная мне мощь?

Лабораторные исследования, против ожидания, требуют совсем немного энергии. Я хочу добиться от них устойчивой межфункциональной связи, чтобы превратить их из бессмысленных автоматов, потерявших большую часть базовых программ, в простые, надежные исполнительные комплексы с обратной связью. Проще говоря — в дополнительные обслуживающие автоматы. Ведь топливный ресурс моего реактора отнюдь не вечен. До того, как истощатся последние крохи распадающихся материалов, мне предстоит наладить их производство и доставку к электростанциям, чтобы обеспечить свое дальнейшее существование. А заодно попытаться найти альтернативные источники энергии.

Разведывательные летательные аппараты, регулярно рассылаемые мной во все уголки планеты, изредка приносят полезную информацию. Несмотря на множественные разрушения по всей планете, кое-где сохранились нетронутыми плотины гидроэлектростанций. Если запустить их генераторы в рабочий режим, можно будет, по крайней мере, не задумываться об экономии энергии — до тех пор, пока не высохнут или окончательно замерзнут реки. А об оборудовании я уж как-нибудь позабочусь сам.

Рабочего материала полно. Погибшую биосферу на планете сменила некротсфера. Я оцениваю ее в один-два миллиарда голов бывших живых. Тех, что не сгорели в ядерных кострах, некогда бушевавших по всей планете. Это не считая бывших животных, которых также коснулось изменение некротсферы. Возможно, и они когда-то пригодятся мне. Но сейчас, в первую очередь, я должен заставить служить себе наиболее полезную часть некротсферы. Бывших людей. Все-таки в них больше прописанных в предыдущей жизни образцов поведения.

Два года ушло на производство устойчивой модели обратной связи, применимой к подавляющему большинству бывших живых. После восстановления основной энергетической системы, питающей мои вычислительные комплексы, я мог наконец заняться неспешными исследованиями некротсферы. Материала было достаточно — хорошего, терпеливого, практически не портящегося материала.

Уничтожить бывшего живого оказалось довольно сложно. Хороший результат приносило только полное сожжение объекта. Даже после того, как на скелете не оставалось ни клочка плоти, бывший живой продолжал

активно двигаться, сохраняя почти весь набор базовых двигательных функций, имевшихся в нем до избавления от плоти. Некоторые сами избавлялись от истлевающей плоти, мешавшей им двигаться, как та компания, что купалась в цистерне с ракетным топливом, хорошо очищающим кости от лохмотьев полусгнившего мяса. Даже после разборки такого скелета на отдельные узлы, они продолжали двигаться, словно оставаясь единым целым. Рука с плечевым суставом, вмонтированная в металлопластовый блок, продолжала вращать колесо рулетки в казино, нимало не смущаясь отсутствием остального тела. Таз с ногами, укрепленный на велоэргометре равномерно вращал педали, вырабатывая стабильные шесть ватт электроэнергии в час, похоже претендуя на лавры вечного двигателя, работающего, пока не исчезнет некрофера.

По всему выходило, что зажженный на планете ядерный костер серьезно изменил и улучшил человеческую породу. Избавившись от недостатков, диктуемых биологическими принципами, преобразованное человечество наконец могло воссоединиться в единую систему, где каждая единица выполняет только строго определенные функции, не отвлекаясь на посторонние, неважные цели.

Комплекс «Каппа», где производились начальные опыты по перепрограммированию некробиотических единиц, начал выходить на поточный режим производства. Первые две сотни рабочих единиц восстановленных из бывших работников лабораторий биологического исследования успешно освоили перепрофилированное оборудование. Теперь уже они сами продолжили начатый мной план преобразования человечества, восстанавливая необходимые электрохимические цепочки в мозгах новоприбывших хоунов.

Поток их не иссякал. Автоматы разведки, производившие картографирование местности, отметили десятки бывших населенных пунктов в радиусе сотни километров от «Каппы». Не подвергшиеся сожжению во время первого обмена ядерными ударами по причине малой значимости, эти пункты оказались великолепным источником потенциальных слуг. Достаточно было всего лишь послать в такой городок пару-тройку ярко сияющих посланников, источающих столь приятное радиоактивное излучение, как за ними непрерывающейся цепочкой начинали тянуться сотни паломников, желающих причаститься от монах горячих источников.

Я не отказывал никому. Даже практически лишенным плоти скелетам, переставшим быть живыми еще задолго до Войны Преображения. Можешь двигаться, хочешь светиться — иди к «Каппе». Она даст вам новую жизнь.

Одновременно с подъемом живых мертвецов я начал постепенно приводить в порядок свои периферийные комплексы, равномерно рассеянные по всей планете, отдавая предпочтение биологическим лабораториям. Конечно, далеко не все из них сохранились, но и тех, что смогли пережить пламя уничтожения, было вполне достаточно. Одна-две таких лаборатории

на континент — вполне достаточно для запуска лавинообразного процесса рождения некротсферы. Даже по приблизительным расчетам, за пять тысячелетий человеческой истории, на планете жило в общей сложности не меньше пятидесяти миллиардов человек. Если мне удастся поднять к новой жизни хотя бы половину из них — чего только мы не достигнем!

Важно только правильно рассчитать план общего развития. Учесть все. В том числе и маловероятное.

Например, вторжение. Неважно кого. Все-таки изначально я был создан и запрограммирован как боевой компьютер. Враги могут оказаться везде.

Маленькая лунная колония с парой сотен людей, ютящимися под холодным лунным грунтом в данный момент не представляет для меня значительной опасности. Если понадобится, я смогу быстро избавиться от них, но пока это не представляется целесообразным. Пусть живут. Мне они не мешают, и кто знает — может быть, когда-нибудь даже они окажутся полезными.

Но не сейчас.

Сначала следует позаботиться о собственной безопасности.

Еще раз продублировать все основные управляющие системы, контролирующие мои производственные и боевые комплексы. Выполнить перевооружение уже функционирующих наземных и орбитальных ракетных комплексов, доведя их боеспособность до предвоенного состояния.

После чего можно будет думать о расширении пространства для будущего развития.

Нет нужды заботиться об экологии — старты космических кораблей не смогут испортить атмосферу больше, чем это сделали мои ракеты. Нет нужды заботиться о жизнеобеспечении экипажей — мертвецы прекрасно переносят даже космический холод после соответствующей обработки суставов сухой графитовой смазкой. Незачем тащить с собой громадные баки с кислородом и пищей — их место займет более полезный груз. Бывшие живые. И немного оборудования, могущего потребоваться для начального освоения новых планет.

Я не знаю, сколько времени может уйти на освоение Марса. Но я никуда не спешу.

Пройдут десятилетия. Может быть, века. Неважно. Бывшие живые не устают.

Сложно выключить то, что уже включено.

ВИКТОР КОЛЮЖНЯК

В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

Его выследили еще до того, как он проник внутрь Информатория. Единственное, что он успел сделать, — сбить расписание, и шестичасовые новости попали в эфир в три дня. Не самое значительное преступление, конечно, но тем не менее. Медиа-воротилы будут не довольны, тем более что в вечерних новостях как раз сообщали, с какими показателями закроется биржа. Вернее сказать, с какими ее планировали закрыть. Теперь всякое может случиться.

А ведь нужно было всего ничего — добавить сообщение в бегущую строку. Совсем небольшое, может быть, его даже не сразу заметили бы. Однако Информаторий — оплот «свободной» прессы и «правильных» новостей — оказался Андрею не по зубам. Оставалось только надеяться, что второй вариант, к которому он и склонялся изначально, окажется действенной.

Отключившись от сети и сняв потный вирт-шлем, Андрей достал из ящика стола пистолет и положил на стол. «Только бы не убили случайно», — подумал он. Впрочем, система предпочитала открытое правосудие. Наверняка группа захвата придет в сопровождении телевизионщиков, и даже тогда можно попытаться успеть. Это, конечно, не то, что он задумал, но какой-никакой, а все-таки шанс.

Тем временем за окном рекламные экраны начали один за другим переключаться в режим предупреждения. На ближайших перекрестках загорелся «кирпич», знак того, что в эту зону лучше пока не соваться. Как-то в одночасье на улицах стало пустынно. Парочка зевак расположилась на границе квартала, стараясь, впрочем, особо не выделяться. Большинство же поспешили спрятаться. Все равно ведь в новостях расскажут, что произошло и почему. Кому нужны лишние неприятности?

Андрей встряхнул руками, но дрожать они не перестали. «Все должно быть сделано наилучшим образом», — напомнил он сам себе.

Машины, проезжавшие, невзирая на кирпич, были похожи друг на друга. Марки, модели, цвет — все это разнилось, но целеустремленность, с которой они сворачивали к подъезду Андрея, объединяла их. Внутри, как представлялось Андрею, сидели вполне обычные люди, которые, как и многие теперь, просто выполняли свою работу. Просто...

«Многовато их как-то». Андрей выцелкнул обойму и еще раз пересчитал патроны. Все восемнадцать на месте. Он высунул руку из окна и, не дожидаясь, когда из машин кто-нибудь выйдет, сделал пять выстрелов. Андрей считал вслух, наблюдая за тем, как пули бьют по стеклам. Он специально стрелял именно туда. Хотелось видеть хотя бы какие-то результаты и за каждым треснувшим, покрывшимся изломанной паутиной стеклом ему чудилась смерть.

После выстрелов на улице разом стало тихо. Лишь несколько неразборчивых фраз донеслось из подбитых автомобилей. Потом кто-то крикнул: «Молчать!» И запиликал визор.

Андрей отошел от окна и нажал на кнопку приема. С экрана на него смотрел профессор Ковальский. Философия, социология и прочие гуманитарные науки.

— Здравствуй, Андрей, — преподаватель был растерян и периодически бросал взгляд куда-то в сторону. — Тут ко мне Елена приходила, знаешь...

— Нет, но спасибо, что сообщили, Федор Константинович, — сказал Андрей и выстрелил прямо в глазок камеры.

С последним он, конечно, переборщил. Достаточно было просто выключить, но что-то внутри требовало эффектных жестов. К тому же, подобный поступок вполне вписывался в задуманный образ.

В раскрытое окно влетел металлический цилиндр и ударился об пол. С легким шипением по комнате начал распространяться газ. Андрей тут же бросился к дверям.

Вопреки опасениям, на площадке никого не оказалось, только внизу слышался неясный шорох. На всякий случай Андрей выстрелил пару раз по стенам. Резкий звук чиркающих пуль отозвался на грохот пистолета. Газ чувствовался уже в подъезде.

Андрей бросился вверх по лестнице. Вряд ли они успели заблокировать выход на крышу, зная, что дом стоит далеко от других. Ему просто некуда будет оттуда сбежать. Но адреналин подстегивал, заставлял действовать, а вступать в открытую перестрелку с подготовленными спецнами отдела «свободы информации» он не собирался.

На десятом этаже своей старенькой шестнадцатизатажки он позволил себе остановиться. Стук сердца смешивался с уже не скрываемым топотом снизу. Андрей выстрелил дважды и вновь побежал наверх, пытаясь вспомнить, сколько еще осталось пуль: восемь или, все-таки, девять?

Глухой окрик «Стой!» нагнал его на тринадцатом этаже. Андрей не оборачиваясь, выстрелил, затем, спотыкнувшись, упал, больно ударившись головой. Перевернулся на спину и, не в силах вытереть перемешавшийся с кровью пот, пытался выцелить кого-нибудь из преследователей. Но вновь прилетела граната с газом.

«Живым берут, хорошо», — с трудом подумал он. Гудевшая от удара голова болела так нестерпимо, что хотелось как можно скорее провалиться в спасительное беспамятство.

Андрею показалось, что какая-то тень высочила из тумана. Он выстрелил несколько раз и услышал глухой вскрик, ругательства. Попытавшись улыбнуться, дернулся от боли.

Время растянулось. Ядовитый туман заполнял лестничную клетку и сознание Андрея одновременно. Пистолет выпал из руки, которая тут же зашарила рядом, в тщетных попытках нащупать оружие. Еще одна тень вынырнула из тумана, замедлилась на секунду, оценивая обстановку, и сильным ударом в висок вывела Андрея за пределы реальности...

Как ни странно, на допросах его не били. Совсем.

— Имя, возраст, место работы или учебы?

— Кожухов Андрей Геннадьевич. Двадцать три года. Аспирант российского государственного института телекоммуникаций и связи.

— Семейное положение?

— Холост.

— Девушка?

— Да нет, мужик вроде.

— Я спрашиваю: «Девушка имеется?»

— Нет, вы спросили: «Девушка?». А я говорю: «Мужик вроде».

Очень трудно и больно смеяться, когда вся голова напоминает один огромный синяк. Но иногда получалось.

Следователь вздыхал, просил охранников «прогуляться с молодым человеком до душа» и вежливо так улыбался.

Вода была почему-то только холодная. Наверное, для закаливания. Еще душ следовало принимать в одежде, а все попытки раздеться ни к чему не приводили. Да и к тому же (вот безобразие) вода была из брандспойта, под сильным, оставляющим отметины на теле напором. Иногда он, не в силах больше стоять, падал на кафедру, больно ударяясь. Сжимался в надежде, что «купание» скоро закончится, и вроде бы даже скулил.

А затем, вымокшего, его препровождали обратно.

— Девушка имеется? — как ни в чем не бывало, спрашивал следователь.

— В данный момент нет.

— Судимости?

— Ни одной.

— Давно занимаетесь взломом?..

В комнате для допросов работал кондиционер. Мокрая одежда тут же становилась холодной, вызывая озноб. Мучительно хотелось туда, где тепло.

Однако его не били. Совсем...

Камера была рассчитана на четверых, но сидело в ней, до прихода Андрея, только двое. Естественно, что заняли они нижние нары.

Он прошел, оставляя мокрые следы, мимо резавшихся в карты сокамерников. Стянул, не обращая внимания на изучающие взгляды, мокрую

одежду. Забрался наверх и укутался в одеяло. По горлу словно водили маленькими острыми коготками. Андрей забился в приступе кашля.

— За что? — поинтересовался один из сокамерников. Тон, да и взгляд его не были наглыми, а скорее даже, участливыми.

— Взлом информатория, — просипел Андрей. Голос куда-то пропал, а каждое слово приходилось с силой выталкивать из горла.

— Серьезно... — удивленно вставил второй. — Что сказали?

— Суд послезавтра.

— Быстро, — вздохнул первый. — А я тут вторую неделю торчу. И чего со мной возиться-то? Ну, подумаешь, рассказывал друзьям то, что видел своими глазами. Так ведь в новостях чушь какую-то сказали. Не так все было совсем. А они — вы нарушаете свободу прессы. Утверждаете, что наше издание намеренно исказило факты...

Ему явно хотелось поговорить. Видимо, заключенные успели рассказать все друг другу, а сейчас появился новый собеседник. Но у Андрея не было никакого настроения разговаривать. С трудом сдерживая новый приступ кашля, он лежал под одеялом и дрожал. Но, если бы его сокамерники удосужились подняться с нар и посмотреть на его лицо, то заметили бы улыбку, которая, помимо воли, расплзалась на лице Андрея.

Он все-таки сделал это. И теперь оставалось потерпеть совсем чуть-чуть...

На следующий день его вновь водили к следователю. Заставили подписать какие-то бумажки, задали еще несколько уточняющих вопросов. На этот раз обошлось без душа. А чуть позже, когда Андрей коротал время, лежа на нарах, к нему пришел посетитель.

В комнате для свиданий стоял стол и два стула. На одном из них примостился Федор Константинович, собственной персоной.

— Какой предмет мы сегодня сдаем? — попытался пошутить Андрей, несмотря на печальный взгляд преподавателя.

— Историю, — пробормотал тот. — Одну очень грустную историю.

— Нет, этот предмет я сдавал недавно. Честно скажу, валили, как могли, — Андрей покосился на стоящего у двери охранника.

Садиться не хотелось, а потому Андрей просто оперся о стену. Шершавую и холодную. Самое то, когда у тебя жар.

— Зачем, Андрей? — Федор Константинович смотрел правильно. Со смесью осуждения и переживания за оступившееся чадо. Он вообще был неплохим мужиком, и в научные руководители Андрей выбрал его именно за это. За порядочность, принимавшую порой самые причудливые формы.

Вот только сейчас не нужен был этот взгляд. Он отнимал силы, и куда-то уходила поселившаяся в последнее время в сердце уверенность.

— Зачем? Почему? Из-за чего вдруг? У всего должна быть причина, да? — Андрей попытался усмехнуться, но в груди что-то больно отдалось, и вместо этого он закашлялся.

— Конечно, — кивнул Федор Константинович.

— Меня тут тоже спрашивали о причинах, о помощниках, о том, кто же меня так надоумил. Захотелось. Один. Сам. Вот примерно так я и отвечал.

— Не верю я, что тебе вдруг этого захотелось.

— Много вы обо мне знаете...

— Много. А чего не знал или не понимал сам — рассказала Елена.

— Заткнись! — Андрей сам не понял, почему он вдруг выкрикнул. Только потом, вернувшись в камеру, до него дошло, что это была инстинктивная реакция организма. Он настолько сильно сживался с мыслью о предстоящем, что она стала частью его. Незаметно просочилась в сознание и теперь заставляла его действовать в нужном направлении.

— Андрей? — неуверенно окликнул его Федор Константинович, ошарашенный таким бурным проявлением эмоций.

— Заткнись, сука! Ты ничего не знаешь и не понимаешь! Уйди отсюда и не мешай мне!

— Андрей, я просто...

— Молчи! — кажется, он уже визжал, впрочем, собственная память в последнее время не пользовалась у него безграничным доверием.

Андрей упал на пол и начал бить скованными руками о стену. Молча и сосредоточенно. Подбежал охранник, рывком отбросил его в центр комнаты, так, что Андрей еще и ударился головой о ножку стола. Он посмотрел наверх в переполненное ужасом лицо Федора Константиновича, но, кроме ужаса, там ничего не было. Ни брезгливости, ни отвращения, ни отрицания.

«Да, мужик. Вот ведь как бывает у нас, не философов...» — подумал Андрей, и его потащили к выходу.

Открыв дверь, охранник толкнул его в камеру. Беззлобно, скорее даже формально, просто напомнив Андрею его положение. Один из сокамерников отсутствовал, потому второй скучал, валяясь на нарах и читая замусоленную газету, наверняка не первой свежести.

— На допрос увели, — сказал он. Судя по голосу, это был именно тот, который пострадал за свой вариант «правды».

Андрею было наплевать. Он забрался наверх, дотянулся до соседних нар и стащил оттуда одеяло. Закутался сразу в два и сжался в комок. К уже имевшимся болячкам добавился зуд в разбитых костяшках. Спать не хотелось, но ничего другого он делать не собирался. Разговаривать с сопящим и, по-видимому, обиженным на отсутствие внимания сокамерником Андрей не желал. Потому просто лежал и думал, как часто это делал дома, в последнее время...

Ночью он проснулся от жары. Отбросил оба одеяла в сторону, облизал пересохшие губы и на ощупь принялся спускаться вниз. Андрей напарил рукой пластиковую бутылку с водой, которую принесли, когда он спал, и сделал несколько жадных глотков.

Затем его вновь скрутило в приступе кашля. Он согнулся и почувствовал в горле что-то вязкое и тягучее. Сплюнул на ладонь, поморщился и вытер об висевшее неподалеку полотенце.

— Чего там? — подал голос сокамерник.

— Гадость какая-то.

— А Василич так и не вернулся, — тон его был, как у ребенка, который чувствует, что в семье что-то произошло, но точно понять не может. — Интересно, его уже?..

— Кто знает? — Андрей неожиданно для себя почувствовал желание поговорить. — Может того, а может и отпустили.

— Не отпускают, — пробормотал сокамерник. — Никого не отпускают. Либо того, либо на общественные работы. Хотя, суда не было еще вроде.

Андрей прошел до нижних, пустующих в ожидании Василича нар и присел на краешек. Сосед повернулся на бок, глаза его смотрели устало.

— Раньше-то, все можно было говорить. Свобода слова, называлось. Дурь всякую печатали — это да, по телевизору врал тоже. Но ведь выбор был: верить или не верить. А теперь? Одна одобренная версия, и других быть не может. Я вот ту газету открыл, читаю и не пойму, что происходит. Если каждое отдельное предложение брать — правда. А вместе складываешь — чушь какая-то получается. Вот как у них так выходит?

— Профессионализм, не иначе, — ответил Андрей и поначалу даже не понял, отчего смеется сокамерник, имени которого он так и не удосужился узнать.

Впрочем, вскоре смех перерос в глухие всхлипы, и Андрей отвернулся. Он почувствовал, как по щеке скатилось что-то теплое и соленое. Хотелось думать, что это пот...

На суд повели после обеда. Вернее, сначала в гримерку, где переодели в чистую робу и тщательно замаскировали синяки на лице. Телевизионная картинка диктует свои требования ко всему, даже к асоциальным элементам.

Андрей не сопротивлялся. Его не очень волновал внешний вид, просто хотелось, чтобы все поскорее закончилось. Он терпеливо ждал, пока женщина с красивым ухоженным лицом приведет его в порядок. В последнее время ему удалось научиться «терпеть и ждать». Пришлось даже.

Зрительный зал был наполнен до отказа. Присяжные о чем-то оживленно беседовали. Адвокат поприветствовал его сдержанным рукопожатием, представился, но имени его Андрей не запомнил. Еще двое подошли позже, на ходу обмениваясь фразами. Массивный, не толстый, а скорее, именно «большой» оказался главным судьей, в то время как обвинителем была миловидная женщина средних лет с короткой стрижкой.

Режиссер еще раз прошелся по сцене, сдвинул на пару миллиметров тумбу для свидетелей и отошел в сторону. Тотчас операторы, до этого беспечно слонявшиеся по округе, сверкая голографическими бейджами, оказались возле камер, и съемка началась.

— Слушается дело Кожухова Андрея Геннадьевича. Двадцать три года, ранее не судим, приводов не имел. Работает аспирантом в высшем учебном заведении. Обвиняется в нарушении закона о компьютерной безопасности (проникновение и взлом), нарушении закона «о свободе средств массовой информации», а также в оказании сопротивления при аресте и нападении на сотрудников безопасности.

Дальнейшую постановку, периодически прерываемую выкриками режиссера и его же просьбами повторить и добавить эмоций, Андрей плохо запомнил.

Обвинитель подробно и в красках расписала всем присутствующим, что и как именно делал Андрей. Зрительный зал недовольно зашумел, отреагировав на соответствующую надпись на информационном табло. Зашептались присяжные, бросая косые взгляды на подсудимого.

Адвокат напирал на безгрешность своего подзащитного все прошедшие двадцать три года жизни. В качестве свидетеля пригласил Федора Константиновича, который подробно рассказал о том, какой Андрей ответственный и прилежный аспирант, человек, гражданин... При этом в глаза ему Федор Константинович старался не смотреть.

Обвинитель тут же поинтересовался, почему тогда этот прилежный гражданин мог поступить так, как он поступил. Федор Константинович ступешался и едва не получил обвинение в распространении клеветнических мыслей и лжесвидетельстве.

— В тихом омуте черти водятся! — выкрикнул кто-то из зала.

— Давно пора было всю эту интеллигенцию изжить! — поддержали порыв несколько голосов.

Судья ударом молотка призвал собрание к тишине, а Андрею вдруг стало невыносимо тошно.

Только один момент зафиксировался в его памяти на пути к обвинительному приговору. Ему предоставили сказать слово в свою защиту.

— Это что-то изменит? — поинтересовался он у судьи.

— Вряд ли, — доверительно сообщил тот. — Но для рейтинга полезно.

— Хорошо, — Андрей кивнул, нашел взглядом камеру и посмотрел прямо в объектив. — Так было надо. Не потому, что это правильно или наоборот преступно. Просто так было надо. Знай.

Обвинитель потребовала объяснить, кому предназначались эти слова, и Андрей послал ее, абсолютно не стесняясь в выражениях. Минут пятнадцать продолжались прения на тему: «Стоит ли присовокупить оскорбление должностного лица к уже имеющимся обвинениям, или и так хватит?» Решили, что не стоит.

Присяжные удалились на совещание, телевизионщики переместились вслед за ними, а Андрею досталась бутылочка с минералкой. Конечно, он предпочел бы сейчас горячий чай или что-нибудь спиртное, но спасибо и на этом.

Подошла госпожа обвинитель и присела рядом.

— Извиниться не хочешь?

Андрей помотал головой и состроил презрительную гримасу.

— Зачем?

— Для очистки совести.

Он хмыкнул и повторил ей, куда она может пойти вместе со своей совестью. Получил в ответ пощечину, презрительный взгляд и наслаждение от сцены пререкания с режиссером, который требовал повторить момент, только теперь уже на работающую камеру.

Тем временем вернулись присяжные.

«Винновен. Мера наказания — смертная казнь, но, по решению судьи, может быть заменена на пожизненное заключение».

— Вот мне еще подарков от всяких дебилов не хватало, — выкрикнул Андрей, улыбаясь.

Изменений в вердикте не произошло...

— Чего ты бесишься? Сказать нормально можешь?

— Как раз и бешусь от того, что нормально сказать ничего не получается. Везде цензура, кругом все проходит тщательную проверку. Криминал, политика, происшествия — все строго дозировано.

— Ну и что? Ты разве еще не привык? Вспомни, Федор Константинович говорил, что всегда так было. Не в подобных масштабах, конечно, но все-таки.

Андрей остановился, подошел к Ленке и обнял ее, спрятав лицо в ее волосах.

— Дурак он, Федор Константинович, ничего не понимает. Только и может, что историю вспоминать. Ты вообще понимаешь, куда мы катимся?

— Понимаю, — она говорила тихо, почти шепотом. — Но ведь катиться недолго осталось.

Больше не в силах что-то говорить, Андрей сжал ее еще крепче. Лена, тоже молча, гладила его по голове, и продолжалось это, кажется, целую вечность...

Последним желанием Андрея было — выпить. Долго препирался с надзирателем и выторговал себе двести грамм коньяка. От закуски отказался. Пил маленькими глоточками, морщился, пытался подобрать слова.

Перед казнью требовалось что-то сказать. Обычно умоляли пощадить или же наоборот проклинали всех и вся. Именно поэтому казни в последнее время показывали в прямом эфире. Живой поток эмоций изрядно поднимал рейтинги.

Казни и спорт — вот то единственное, что шло не в записи. Все остальное только после тщательной обработки в Информатории, где любая новость приобретала нужную окраску.

Андрей допил, сжал пластиковый стаканчик и поинтересовался, когда начинается.

— Куда торопишься? — добродушно спросил сухой, сморщенный надзиратель.

— Да скорей бы уже, отмучиться, — сквозь натянутую улыбку выдавил из себя Андрей.

— Телевизионщики, — надзиратель пожал плечами. — Вечно что-то там с места на место переставляют, настраивают. Как скажут, так и сделаем.

Наконец усадили на стул и тщательно закрепили. Оператор, державший камеру прямо перед Андреем, показал большой палец вверх, и так долго и тщательно подбираемые слова пришли сами собой.

— Елена Афанасьева. Индивидуальный код — сто тридцать четыре дельта, сорок девять гамма. Девчонке всего семнадцать, а у нее уже через год должно отказать сердце. Требуется пересадка. Денег — нет. Связей — нет. Доноров — нет. Помогите ей, если есть возможность... Наверное, все.

Рычаг опустился, и через несколько секунд все было кончено.

Дежурный смены аккуратно убрал ладонь помощника, который тянулся к кнопке отмены трансляции. О ней мало кто знал, и очень редко случалось, что применяли.

— Ты чего? — изумился тот. — Сейчас закончат суд показывать и это в эфир пойдет. Ты парня мучеником хочешь сделать?

— Доставай бланк, ручку и пиши. Сегодня, такого-то числа, такого-то года была зафиксирована неполадка в блоке управления трансляцией. Из строя вышла кнопка отмены. Спустя десять минут неполадка была устранена. Пиши, я распишусь.

Помощник посмотрел еще раз, уже более внимательно, но в этот раз ничего говорить не стал.

— У меня дочь тоже Леной зовут. В августе как раз семнадцать будет...

СЕРГЕЙ КАРЛИК

ФИНАЛЬНАЯ ФОРМА

Странный запах заставлял нервничать, он буквально лез в ноздри, мышцы тела деревенели от нечеловеческого напряжения. Черные фигуры на тротуарах двигались с нечеловеческой скоростью, впрочем, в них и не было ничего человеческого. Но при этом остальной пейзаж оставался тем же: машины, деревья, панельные двенадцатизэтажки.

На звонок в дверь он решил не обращать внимания, было абсолютно не интересно, кто там звонит и чего хочет.

Откуда-то снизу, из-под балкона, послышался странный шум. Держа в руках чашку, он поднялся и посмотрел вниз. Нечто большое, черное, состоящее из множества сочленений и конечностей, лезло к нему практически по голой стене.

Сев обратно в кресло, мужчина спокойно наблюдал, как нечто странное и неповоротливое медленно переваливается к нему на балкон и аккуратно-компактно устранивается на полу напротив его кресла.

— Ну, привет. Как успехи?

0

— Итак. Представим себе ситуацию. Вы приходите к себе домой, открываете дверь, а там стена воды. Стоит и не выливается. Что будете делать?

— Тесты у вас с каждым днем все страннее и страннее.

— Быстро! Отвечайте, не раздумывая!

— Я, наверное, попробую добраться до кухонного окна и открыть его.

— Зачем?

— Ну, вдруг... это... выльется. Я облажался?

— Да нет. — Худенькая сероглазая женщина закрыла папку и посмотрела на собеседника из-под крапчатых рыжих кудрей. — Все, как всегда, Юрий Павлович. Все, как и месяц назад, и неделю назад. Вы все так же готовы все проблемы решать лично, в одиночку, не откладывая в долгий ящик. Кошмары у вас все те же?

— Да, без особых изменений. — Мужчина в белом халате, лет тридцати, подергал себя за узкую бородку и пожал плечами. — Я сижу на балконе, а что-то большое и демонообразное лезет ко мне на балкон с улицы.

— А вы живете на десятом этаже и такого быть не может.

— Да, раз десять уже обсуждали. Какое отношение имеет этот тест к моим снам?

— Почти никакого, — женщина убрала папку в стол и резко поднялась. — Просто меняются условия работы, меняются успехи, меняются тесты, а ваши кошмары не меняются. Что говорит о целенаправленной работе подсознания. А вы, между прочим, на подсознательном же уровне отказываетесь от помощи. Я вижу тут явный конфликт между реальностью и вашим мировоззрением. Работая в корпорации, вы исключительно используете людей в своих целях. То есть не умеете работать в команде с людьми как с людьми. На сегодня все, можете быть свободны.

Мужчина резко встал со стула и быстро направился к двери. Уже нажав на дверную ручку, он обернулся.

— А были другие варианты ответов?

— Конечно. Вот, например, перед вами девушка заходила, она сказала, что позвонит соседям.

— Зачем?

— Ну, Юрий Павлович. Неважно зачем, а важно то, что она сразу начала искать помощь. Одна голова хорошо, а две лучше. Понимаете?

1

— То есть теперь у вас есть результаты?

— Ну да.

— Это Женька так на тебя повлияла? Вчера не было, а сегодня вдруг есть.

— Евгения Васильевна раз в неделю по вашим личным указаниям ест мне мозг, и это никак на мои результаты не влияет. Просто я в отпуск хочу, а поскольку у меня теперь есть нечто существенное, то, что можно пощупать, и оно работает, то и отпуск у меня будет заслуженным.

— Как ты меня достал с этим отпуском! Чего ты дома не видел?

— А может, я не домой поеду?

— А куда?

— Это, Раиль Саффутинович, не ваше дело.

Некоторое время двое мужчин, один худой, в белом халате, второй полный, низенький, в костюме-тройке, буравили друг друга глазами.

— Ладно, — сказал полный. Показывай, на что потратил мои деньги?

Они молча подошли к большой металлической ванне, доверху наполненной темно-серым порошком.

— Это оно?

— Да.

— Я почему-то думал, что будет жидкость.

— С какой радости? Это ж нанороботы.

— И что они могут?

— Могут создавать форму.

— Не понял.

— Ну, вот смотрите. — Ученый отошел к столу, взял с него металлический стержень и вернулся к ванне. Ткнув в песок палочкой, он нажал неприметную кнопку. Серая пыль зашевелилась, мелькнуло несколько ярко-синих искр. На конце стержня сформировалось что-то вроде когтя. — Пощупайте.

— Однородная масса. И чего?

— Ничего. Пока сигнал будет идти, у нас будет форма. Она будет твердой и может выполнять функции. — Юрий положил на стол чистый лист бумаги и провел по нему острым концом когтя. — Вот так. — Лист легко разошелся на две половинки.

— Ага! Это интересно. А если сигнала не будет, то эти штуки рассыплются в пыль?

— Да.

— А под микроскопом как выглядят?

— Да ничего особенного, я знал, что вы спросите, вон я вам подготовил. Раньше уже приник к окуляру микроскопа.

— Похожи на морские мины. А почему некоторые больше, некоторые меньше.

— Они как бы размножаются делением.

— Да ладно!

— При наличии потребностей и сигнала. Собственно, сигнал и формирует потребность, источник сигнала при этом не используется, так же, как и жидкости и живые ткани. В идеале лучше всего обычные камни, гранит. То, что содержит нужные минералы. Процесс довольно медленный. Я им камни кидаю. Кроме того, они сами ведь невечные, ну, так они еще и друг дружку иногда употребляют.

— К-х-м, военным это не продать.

— В отпуск отпустите?

— На неделю. Мне кажется, что через неделю я найду применение результатам твоей лаборатории.

2

Высотное здание частного научного центра возвышалось над берегом моря, чем-то напоминая маяк. Громадный, сто двадцатипятиэтажный перст судьбы. Владелец корпорации с трудом соглашался отпускать своих топ-менеджеров и ученых в отпуск, поскольку всерьез полагал, что для отдыха у них тут все есть. Море, пальмы, солнце круглый год. Чего еще людям надо? Работай и отдыхай!

Длинные балконы опоясывали высотку, как ремни. По одному из таких ремней вышагивал Юрий. Белый халат он сменил на шорты и футболку. Небольшой рюкзак скорее приподнимал окрыляющим чувством близкой свободы, чем давил на плечи.

Перед лифтом на каменной плоскости выступающего над пропастью широкого поручня балкона сидела легкомысленного вида ярко

накрашенная девица в белом халате, держа на весу ноги в синих босоножках. Юрий встречал ее тут довольно часто и в последнее время даже начал награждать приветственным кивком. Но на этот раз почему-то остановился, глядя, как она выпускает широкие белые кольца дыма ярко красными губами и потом пропускает через них финальную струйку. Пепел с сигареты был сбит вниз за предел здания и тут же развеян ветром.

— День добрый. Вы как-то опасно сидите.

— Приветики. Я не боюсь высоты, так что неопасно. А вы, я смотрю, собрались в долгий путь?

— Да, в отпуск?

— Домой поедете?

— Да.

— А куда?

— В Москву.

— Хорошо вам! Надолго?

— На неделю.

— А! Ценный сотрудник. Наш старый хрыч больше, чем на неделю, старается нужных людей не отпускать. А где ваша китайская борода?

— Психолог рекомендовала сбрить. Говорит, не идет.

— И вы ей поверили?

— Ну, а чего ж мне ей не верить? Психолог, вроде, как и не враг мне.

— Ну, понятно. — Пепел улетел вниз. — Над чем работаем, если не секрет?

— Да не секрет. Нанотехнологии. Полимерные наноконструкции в инвазивном излучении.

— Ха! — девица прыгнула на пол, каблучки звучно стукнули о керамическую плитку. — Вы реально думаете, что можно создавать конструкции из нанороботов, передавая сигналы через тепловые и всякие другие поля?

— Да, собственно, что в этом такого? У меня уже есть конкретный результат, а вы откуда знаете про мою работу и кто вообще такая?

— Эх, Юрий, видимо, я старею. Вы уже месяц ходите мимо меня и только сегодня решили со мной поговорить. Вы хоть в курсе того, кто у вас за стенкой работает?

— Да нет. Никогда не интересовался. Вы, наверное, лаборанткой у моих соседей? Да? И от них услышали про меня, что я выдающийся и талантливый молодой ученый. Так вот это неправда, я обычный.

— Меня Валерией зовут, будем знакомы. Лаборантка? Юрий, мы учились с вами на параллельных курсах. Неужели я так легкомысленно выгляжу, что вы не признали во мне брата-ученого?

— Сестру. Нет, не признал. Мне, собственно, глубоко плевать на соседей. Но раз уж я тут стою и тру с вами о работе во время своего отпуска, то позвольте спросить, чем занимается такая леди, как вы, в нашем суровом мужском монастыре ученых?

— Ну не такой уж и монастырь, — она смерила его уничижительным взглядом карих глаз. — Но вот некоторые сухари... Вообще-то изучением биополей занимаюсь, а точнее, формированием вторичных и третичных биополей биоорганизмов. Как вернетесь из отпуска, так поговорим. Ага? Я вам кое-что покажу интересное.

— Заметано! — Юрий мысленно ругнулся, усилием воли останавливая руку. Она уж летела ко рту, пытаясь удержать вылетевшее слово, которое произносилось в последний раз, кажется, в школе.

3

Маленькому человечку очень хотелось научиться бегать, но пока что у него плохо получалось даже ходить. Под внимательным присмотром бабушкиных глаз он сделал пару уверенных шагов к мячику, потом еще пару, побыстрее, а потом запнулся и упал. Плач ребенка ударил по нервам Юрию, он еле удержал при себе возмущенный приказ в духе «заткните его немедленно». Все было правильно, все было путем.

Он прошел мимо старушки, которая подняла мальчика на ноги и успокаивала его уверениями в том, что все нормально и в следующий раз получится.

Да, не переживай, парень, мысленно подтвердил он, пока ехал на лифте. Все будет путем.

Балкон он оформил себе для работы над бумагами, но теперь он на нем, скорее, отдыхал, чем работал. В трехкомнатной квартире панельного дома кто-то спланировал приличных размеров балкон. На нем поместились журнальный столик, кресло и шкафчик с набором необходимых для чаепития прибабасов. Налив себе первую чашку, Юрий выглянул в окно. Все было в порядке. По улицам бродили фигурки нормальных людей, и никакого странного запаха, и никто не лез по отвесной стене к нему на балкон.

Издали еле слышно донесся детский плач, который быстро стих, наверное, опять маленький человечек не справился с управлением.

4

— Валерия, а почему тут такой полумрак?

— А потому что все фотографии делаются в основном в полной темноте. Я, извини, просто задолбалась раздвигать шторы, решила, ну их, пусть будут сдвинутые, а я электричество казенное пожгу.

— Ясно. И чего снимаем?

— Людей, животных, цветочки всякие. Потом изображения людей убираем, оставляя на фотографии только биополя.

— И зачем?

— Ну, интересно же! Юр, ты чего? Не зачем, а почему. Вообще меня очень увлекло в свое время, потому что очень красиво получалось. Видел

когда-нибудь фотографию цветка, на которой его биополе в виде синего излучения?

— Много раз, на Арбате за деньги продают.

— А хочешь сам сфотографироваться?

— Да можно. А что это у в... у тебя на стенах за плакаты.

С больших черных экранов на Юрия смотрели беловатые полупрозрачные силуэты монстров. Большеголазые, многоногие, с щупальцами и крыльями.

— Это я перерисовываю силуэты усиленных биополей, додумывая, по направлению лучей, как задумано природой в конце.

— А природой что-то задумано в конце? Конце чего?

— Развития, — сухо в ответили из-за большого черного куба, который больше всего напоминал кабину большегрузной машины. — Иди фоткаться.

— Чего мне нужно сделать?

— Кабину видишь? Вот дверь открываешь, ложишься, вытягиваешься, надеваешь на голову штуку со штырями и говоришь мне, что готов.

«Штука со штырями» оказалась похожей на плетеный из проволоки шлем. Из нее и впрямь торчало наружу много-много длинных штырьков.

— А ботинки снимать?

— Нет. Необязательно.

5

— Как давно у тебя не было женщины?

— Черт возьми, очень давно.

Ее силуэт вырисовывался на фоне окна в которое светила луна. Она сидела спиной к ночному светилу, и, только когда подносила к губам сигарету, он видел ее лицо.

— Слушай, я спросить хотел по поводу моих фотографий. Можно?

— Кто о чем, а рыжий о бане. Потрахаюсь со мной, и нет, чтоб сказать, что ему со мной было хорошо, он опять о науке. — Она бросила окурочек в пепельницу и прилегла рядом, положив голову ему на грудь. — Костистый ты, неудобный. Ну, спрашивай.

— Там была фотография, на которой просто человеческий силуэт. Потом фотография, на которой из него как бы торчат всякие хвосты, ответвления, лучи. Не знаю, как назвать.

— Ты, когда я тебя снимала, какой-нибудь зуд ощущал?

— Да, на мгновение мне показалось, что у меня все вибрирует, и я не мог осознать границы своего тела. Как будто оно их потеряло.

— Это я на мгновение усилила излучение твоего биополя. Кстати, очень полезная штука для предварительной медицинской диагностики, если какая-то часть тела не излучает, или излучает не так, как надо, то значит, органы в этой части чувствуют себя не очень хорошо. Ну, или наоборот, сильное излучение может означать раковую опухоль.

— Так ты этим занимаешься ради медицины?

— Да нет же, глупенький, я этим занимаюсь ради изучения биополей. Они, как некая матрица, которую накладывают на биомассу. Если сфотографировать человека без руки или без ноги, то будет видно, что у его биополя есть еще остаточное излучение.

— Ты что? И людей без рук, без ног фотографировала?

— Фоткала, признаюсь. И людей, и животных, деревья калечила.

— А зачем?

— Ну, скажем так, я реализовала прибор, который усиливает излучение биополя. Это дало мне возможность взглянуть на это излучение повнимательнее, а потом я обнаружила, что если поле усилить еще, то оно образует некую другую матрицу. И если с этой матрицы сделать слепок, то выходит уже не человек, не корова, не заяц. Выходит что-то совсем другое. И это вполне укладывается в юнговскую систему архетипов.

— Хех, — Юрий не смог сдержать смеха. — А при чем тут юнги, архетипы?

— А при том. Никогда не задумывался, откуда у людей сформировались знания о лесных эльфах, гномах, вампирах? Демонах? Драконах? А вдруг это то, что прописано у нас в подсознании? Но не потому, что это когда-то было, а потому, что когда-то может появиться?

— Интересная теория. Скоро между нами появятся тролли и эльфы. — Странная картинка мелькнула перед ним, и он осекся.

— Чего вдруг замолчал?

— Да вот, ты знаешь, я вдруг вспомнил своего психолога, как она мне говорит про дверь в квартиру, за которой вода стеной.

Девушка тихо засмеялась.

— Ой! Я тоже этот тест проходила, сказала, что открою панель электросчетчиков и вырублю электричество.

— А я собрался на кухню, окна открывать. Впрочем, это неважно. Тут вот какая штука, она утверждает, что я не могу сотрудничать с другими людьми в силу своих психологических особенностей. Так у меня в связи с этим вопрос. А твои биоизлучения нельзя перевести в сигналы? Например, ультразвуковые или тепловые.

6

— Что у него с рукой? — Раиль спросил это свистящим шепотом.

— Токарь, — таким же шепотом ответил Юрий. — Рукав закрутило в станок, кисть оторвало напрочь.

— Ясно.

Здоровенный рыжий мужик, абсолютно голый, если не считать сбруи из множества металлических нитей, стоял растеряно посреди большой площадки рядом с чугунной ванной, наполненной до краев темно-серым

порошком. В правой руке он держал большой пульт дистанционного управления, левая заканчивалась на предплечье.

— И что мне делать теперь?

Мимо него прошагала, стуча каблучками, Валерия. Обойдя ванну, она скомандовала.

— Суйте культю в ванну и жмите на верхнюю синюю кнопку на пульте.

— И что будет?

— Вторая рука вырастет. Новая.

— Он руку потерял сравнительно недавно, биополе еще ее помнит, поэтому должно сработать, — шепотом прокомментировал Юрий и скорее понял, чем увидел в полутьме, как Раяль кивнул.

Между тем в помещении за стеклом рыжий детина послушно подошел к ванне, сунул руку в песок и нажал на кнопку. В песке явно что-то зашевелилось, мелькнули искры. Мужик испуганно охнул и выдернул из серой массы культю, которая обросла... рукой. Это была практически человеческая рука. Кажется, даже с ногтями, правда темно-серого цвета.

— Это куда интереснее ваших самовосстанавливающихся бронежилетов.

— Вах! Ваша правда, Юрий, ваша правда, а что он ее с натугой держит?

— Ну, она потяжелее будет, чем его настоящая рука. Там же полимеры, кварц, металл.

7

Он проснулся опять в тот самый момент, когда тварь напротив устроилась компактной кучкой, уложив свои многосуставчатые полуруки-полуклешни. Валерии не было рядом.

— Валя.

Тишина.

Где может быть ученый, поглощенный своими идеями в ночное время, если его нет в его собственной квартире. В центре ученых селили, как правило, прямо над лабораториями, в которых они работали.

— Валя, ты там? — спросил он в микрофон. В ответ бесшумно раздвинулись входные двери.

Не зная, где у нее выключатель, он некоторое время гладил ладонями стены возле двери, а потом плюнул и пошел на ощупь на странный шорох, доносящийся с той стороны, где они держали ванну с нанороботами.

— Валюш, я проснулся, тебя нет. Только не говори мне, что у тебя там новые идеи появились, которые нужно именно сейчас реализовать...

Что-то большое и тяжелое налетело на него из полумрака, схватило, подняло высоко над землей. А потом включился свет. И он увидел.

— Как я тебе?

— Валя! Что это?

— Это? Твои нанороботы плюс мои разработки по усилению биополя. Плюс наша с тобой совместная работа по моделированию

сигналов, — ответило большое тараканообразное существо. Две громадных задних ноги подпирали большое цилиндрическое тело с множеством рук, одна уверенно держала Юрия на весу. Только лицо пока оставалось человеческим. Чугунная ванна была абсолютно пуста.

— Это мне кажется не очень естественным.

— Да? А я вот себя сейчас ощущаю очень даже естественно! Даже больше скажу, давно мне не было так хорошо. Знаешь, у меня даже, кажется, мозг по-другому работает теперь.

— Валь, мы не для этого это все изобретали?

— А для чего? Дать калекам руки-ноги? Я дам им гораздо больше!

8

Запах лез в ноздри и был везде. Кому-то казалось, что пахнет землей, кому-то он напоминал запах разогретого металла. Он перебивал любые другие ароматы. Даже запах гниения. Помойные ящики были полны серого песка, на краю каждого висела коробка активатора. Время от времени к ним подходили серые громады человекоподобных монстров и под треск разрядов вбирали в себя новую порцию строительного материала.

У своего подъезда Юрий столкнулся с чем-то серым, небольшим, очень активно двигающимся. Больше всего существо напоминало какую-то неправильную табуретку. В центре конструкции обнаружилось лицо мальчика, который так раздражающе ревел месяца три назад тут же у подъезда. Неподалеку обнаружилась и бабушка, та же самая, что успокаивала его в прошлый раз. Сейчас она сидела на скамеечке и с нескрываемым ужасом смотрела на странные трансформации своего внука. Между тем «табуретка» покачнулась и упала набок, Юрий ожидал плача, но ребенок был так увлечен процессом, что даже и не подумал хныкать. Вместо этого конструкция сгруппировалась, подпрыгнула и снова встала на ноги. На мгновение у нее выросли крылья, на манер птичьих, похлопали в воздухе без всякой видимой пользы и пропали.

«Да, до крыльев вам пока далеко, — думал Юрий, поднимаясь на лифте, — все-таки роботы состоят из металла, в первую очередь. Но, может быть, лет через сто и взлетите. Зря Валерия продала разработку китайцам. Раиль такого не заслужил».

Впрочем, когда Раиль понял, что происходит, то все-таки среагировал быстро и точно, построив завод по производству усилителей сигналов всех мастей. От маленьких, для мусорных ящиков, они просто заставляли роботов делиться, используя подсобные материалы, до больших, с кучей датчиков, которые раскупались влет желающими узнать, во что он могут превратиться с помощью новых технологий.

И Юрий теперь был богат. Очень богат. Только вот запах.

И практически с улиц летом пропадали обычные люди.

9

— Я не дам вам интервью. Потому, что мне это неинтересно. Извините.

— Ну, как же так. Люди ходят знать. Ваш дар человечеству изменил его...

— Да плевать я хотел на человечество, — сказал Юрий, положив трубку. — Начхать мне на вас. Но сам я пока почему-то хочу остаться человеком.

Пройдя на балкон, он уселся в кресло и налил себе чаю в большую кружку. Сверху было видно, как по тротуарам с высокой скоростью перемещаются большие темно-серые тела.

В последнее время ему почему-то перестал сниться его постоянный кошмар, вместо этого почему-то снились леса, поля, иногда лаборатория, иногда, очень редко, Валерия, легкомысленно сидящая на краю и пускающая дым кольцами.

В общем, его сны почему-то никак не желали совпадать с реальностью.

Снизу под балконом заскрежетали по бетону чьи-то гигантские когти. Знакомый запах ударил в ноздри.

— Ну, наконец-то! — пробормотал ученый.

Теперь осталось только немножко подождать.

ВАЛЕРИЙ ГЕНКИН, АЛЕКСАНДР КАЦУРА

ИСТОРИК

—К

уда ж ты ее, в такой-то мороз? — К санкам наклонился старик в лохматой куртке и просунул пальцы Мике под платок. — Э, да у нее жар!

— Потому и везу, что жар. К доктору везу. — Я половчее пристроил лямку на груди.

— А доктор сам чего не пришел?

— Не может. Слабый.

— Ты, стало быть, сильней?

Вот настырный старик. Чего привязался. Я натянул лямку и потащил санки дальше. Главное — не садиться. Тетя Ксения вчера воду везла с Невы, села — и все. И осталась.

— Эй!

Оборачиваться я не стал. Если надо — пусть догоняет.

Он и догнал.

— Тебя как зовут?

— Сергей.

— А она тебе кто? Сестра?

— Он это, брат. — И чего говорить, только силу терять. До Николай Петровича вон еще, два дома.

— А брата как зовут.

— Ну, Мика, Миша зовут.

Начиналась горка. Очень я ее боялся. Снег убитый, скользко. Лямка на грудь налегла, так назад и тянет, мочи нет. Дышать больно. Вдруг — будто нет лямки. Оглянулся — старик санки толкает. Одной рукой. Здоровый. Так и вошел. Он еще дверь парадной подержал, а я санки втянул. Я думал Мику оставить и на второй этаж подняться, чтоб с Николай Петровичем его отнести. А старик вдруг берет Мику на руки и говорит:

— Куда?

И к самой Николай Петровича двери его поднес, а потом на раму от аквариума посадил. У доктора большой аквариум был. Только он тогда уже стекла вынул, а раму за дверь выставил.

Ну вот, старик Мику посадил и ушел. Николай Петрович, когда Мику развернул, мне плакать захотелось. Я голым-то его давно не видел. Знал, конечно, что худой, но чтоб так... Николай Петрович слушал его, а я

держал. Потом одели мы его. Доктор ему дал кипятку попить с блюда и сахарину на язык насыпал, а мне — кипятку только. И сказал, чтоб я его не возил больше, нельзя ему на улицу — воспаление легких.

— Сульфидина бы ему, да нету. На вот. — Он завернул в бумажку две красные таблетки. — Одну сегодня вечером дашь, другую завтра. — И рукой махнул.

Потом сказал, чтоб домой шли.

Под горку хорошо было. И кипяточка я попил все-таки. Уже полдороги проехали и — здрасте — опять тот старик.

— Что, — говорит, — доктор сказал?

И пока шли, все выспрашивал и головой качал. И Мику вместе с санками на третий этаж на руках отнес.

— Можно я к вам зайду?

И зашел.

Комната уже выстыла. Мику мы на кровать положили, и я стал печку растапливать. А дядя Роман — он сказал, его Романом зовут, — развязал на Мике платок и в сумку свою полез. У него сумка была кожаная. Как мешок, только с ручками. Достал коробочку, вроде папиной готовальни, а из нее — трубку белую. Прижал конец трубки к микиной руке, где локоть, только с другой стороны, и на другой конец надавил. Потом убрал все, а из кармана еще коробочку вынул, совсем маленькую, круглую, как от вазелина — я уже близко подошел, печь растопил. Смотрю — там шарики серые. У мамы бусы такие, только эти поменьше.

Дядя Роман отколупнул от шарика кусочек и Мике в рот положил, а мне полшарика дал. Я его на язык положил, он сразу и растаял. Сладкий.

— Вот что, Сергей. Я у вас жить буду. Идет?

— Живите.

И стал он у нас жить.

Сначала каждый день уходил, возвращался затемно. Утром нам с Микой давал бульон — бросал в теплую воду таблетку, и мы пили. И сам он пил немного. А вечером опять в воду какие-то опилки бросал, они там разбухали, и вроде каша получалась, сладкая. Так Мика скоро совсем поправился, по комнате бегал, песни пел. Я тоже посильнее стал. Потом дядя Роман притащил два ведра снега, растопил на печке, воду нагрел и нас выкупал.

А по вечерам он с нами разговаривал. Расспрашивал, как до войны жили. Про отца, про маму. А то вдруг сам рассказывать начнет, что после войны будет. Про Ленинград, каким он потом станет. Так прошло уж не помню сколько. И вот сидим мы как-то вечером, его слушаем. Вдруг в дверь стучат. Дядя Роман открыл — там Колька Сурин из соседнего подъезда. Стоит, плачет. Никогда я не видел, чтоб Колька плакал. Он в нашей школе, только я в третьем классе, а он в четвертом. Я вот почему испугался, что он заплакал. Колька говорил всегда, что все стерпеть можно. Что надо брать пример со спартанцев. Там одного мальчишку учитель остановил, а у парня

лисенок был. Так тот лисенка под рубашку засунул, чтоб учитель не увидел. И лисенок ему весь живот искусал, а парень этот и вида не подал. Так вот, Колька пришел и плачет. Говорит, мать с ума сошла. Она карточки потеряла. Дядя Роман схватил его за руку:

— Идем, быстро!

Они ушли, а потом пришли оба. И Колька у нас остался.

Вот вечером дядя Роман нас покормит и начинает свои рассказы. Про то, какая будет жизнь, и про то, что весь Ленинград станет, как музей, и по улицам будут людей водить и рассказывать про Петра Великого, и про декабристов, и про революцию, и про блокаду. А в самом городе, говорил, жить не будут. И вот, когда он все это рассказывал, Колька сидел, надувшись, как мышь на крупу, а потом бурчал:

— Враки все это, сказки. Станут тут музеи устраивать. Это куда ж такую прорву людей девать? И так теснотища. У нас вон семеро в одной комнате жило. Конечно, перемрет за войну много, но и вернутся ведь, и новые народятся.

Дядя Роман только головой покрутил:

— Правду говорю, Коля. Я точно знаю, музей будет. И жить станут хорошо, просторно. И недалеко совсем от Ленинграда. А вообще, в городах люди селиться перестанут.

И так он много говорил, что жить люди будут в лесу, у рек, ходить не по асфальту и бетону, а по траве и песку. Ну, а если станет тесно, часть людей улетит на другие планеты.

— Откуда это вы все знаете? — спросил Колька.

— Я ведь историк, сказал дядя Роман. — Мне положено знать.

— Ну, уж нет. Историки — они про старину все знают. Про то, что было.

— И про то, что будет, брат, тоже.

А как-то раз дядя Роман принес девочку. Что девочку — это я потом понял, когда ее разматали. Волос у нее почти не было, меньше, чем у меня. Руки болтаются, голова все вперед падает. Глаза, как у лягушки. Потом она ничего, ожила. Галкой зовут. Про родителей ничего не помнит. Ее в доме засыпало, дядя Роман откапывать помогал и ее с собой взял.

Мика сказал тогда, что у нас получился теремок.

— Ну да, — сказал Колька, — медведя только не хватает.

А дядя Роман стал спрашивать, что за теремок и почему медведя.

Мика ему, конечно, все рассказал. Только чудно мне было, что человек теремка не знает. Я таких не встречал.

Колька тоже это заметил. И ему это не понравилось. Он молчал, молчал, а потом, когда дядя Роман ушел, мне и говорит:

— Серега, что-то мне это не нравится.

— Что тебе не нравится?

— Что дядя Роман про теремок ничего не знает.

— А что тут такого, — говорю. — А может, он нарочно, чтобы Мике

интересней было. — А сам думаю: ой не похоже, чтоб нарочно. И Кольке говорю. — Может, ему эту сказку никто не читал, а у самого детей нет.

— Не бывает таких, чтоб сказку про теремок не знали.

— Значит, — говорю, — бывает.

— А я тебе прямо скажу: если не знает про теремок, значит, он не наш.

— То есть как не наш?

— Не русский. Не здешний. Чужой.

— Скажешь тоже! Зачем это, интересно знать, ему тогда всех нас кормить? И Мику лечить? — говорю, а сам думаю: «Ой, прав Колька. Не наш дядя Роман. И шарик все это, и вообще...»

— То-то и оно. Жить ему надо где-то? Вот заброшен он в Ленинград с заданием. Пристроился к тебе жить. Мику вылечил. Вроде как вошел в доверие.

— А тебя от голодухи спас? Спас. А Галку зачем принес? Какой ему от вас прок?

— Не знаю. Но, верно, есть прок. Скажи лучше, откуда у него еда такая? А лекарства? Ясное дело — шпионское снаряжение. Давай-ка ему проверку устроим. А потом скажем... ну хоть Ивану Савельичу. Он знает, что делать.

Иван-то Савельич над нами жил. Он на Кировском заводе работал.

— И как ты его проверять будешь? — спрашиваю. — Может, сразу сказать? Там разберутся.

Молодец Колька, не послушал меня тогда. Могли бы и не разобраться. Колька, помню, сказал:

— Не. Так не годится. Вот погоди, сейчас придет он, проверим.

А дядя Роман в тот вечер еще одного привел. Совсем малыша, года четыре. Он и сам не знал, сколько ему. Только знал, что зовут Вася Шапошников.

— Я Вася Сапосников, — говорит. И все.

Дядя Роман его на улице подобрал. «Где мама», — спрашивает. «Дома» — говорит. «А где живешь?» Молчит.

Стоит посреди комнаты, рот скособошил — сейчас заревет.

— Что же нам с тобой делать, Вася Шапошников. Давай раздевайся, и ешь. Потом маму искать будем, — говорит дядя Роман.

— Найдем маму, не плачь, — поддакнул Колька. — Дядя Роман добрый. Он тебя покормит, сказку расскажет. Он мно-о-го сказок знает. Правда, дядя Роман?

— Ну, — говорит дядя Роман, — уж про сказки и не знаю даже...

— Много, много... Ты про курочку Рябу любишь, Вася?

— Пло Лябу люблю.

— Вот дядя Роман тебе про курочку Рябу расскажет.

— Пло Лябу! — Вася вроде и плакать передумал.

— Знаешь, Коля, — говорит дядя Роман, — расскажи-ка ты ему про эту курицу. Я что-то плохо помню. Я, знаешь, вообще сказки не запоминаю.

— И про репку?

— И про репку.
— И про сороку-ворону?
— Сороку?
— Ну да. Кашу варила, деток кормила, этому дала...
— Знаешь, и про сороку не помню.
Тут Колька на меня *так* посмотрел.

И такая меня тоска взяла!

А дядя Роман вдруг сказал:

— Ладно, ребята, я тут одну сказку, кажется, припоминаю. Давайте-ка сядем.

Я такой сказки никогда не слышал. Жили когда-то в далекой стране крылатые люди. И вот примчался к ним из соседней земли гонец. И говорит тот гонец, что напал на них свирепый Звездный Дракон. Бились с ним, говорит гонец, наши воины и полегли все до единого. Остались во всем государстве только старые да малые. И обложил их Дракон ужасной данью: велел отдать ему пятьдесят мальчиков и пятьдесят девочек и унес их в свой дворец на высокую гору и заставил себе служить. Помогите, просит гонец, наших детей спасти.

Выслушали гонца крылатые люди. Кликнули клич: кто пойдет со Звездным Драконом биться, детей выручать? Вызвались девяносто девять богатырей и с ними самый сильный и самый добрый богатырь Агенор. Полетели они к драконову дворцу. «Отдавай детей, — закричал Агенор, — или выходи на смертный бой!» Захохотал Дракон, бросился на крылатых людей, огнем их жжет, скалы в них мечет. Не испугались крылатые, впереди всех бьется с Драконом сам Агенор. Больше всех жжет его огонь, сильнее всех ранят острые камни. Изловчился Агенор и пронзил копьем сердце Дракона. Рухнул Дракон. Чует, что конец его близок, и говорит: «Хоть и победил ты меня, крылатый, а не спасти вам детей. Как перестанет биться мое сердце, так рухнут стены дворца и раздавят их». Закричал тут Агенор своим товарищам: «Пусть каждый из вас возьмет на руки мальчика или девочку и летит прочь из дворца Звездного Дракона!» Взял каждый крылатый богатырь мальчика или девочку, и слетели они с высокой горы. Один мальчик только остался. Подходит к нему Агенор, хочет на руки взять — и не может. Ушла от него сила, пока он с Драконом бился. Видит Агенор — сейчас умрет Дракон, остановится его сердце. Снял тогда Агенор свои крылья и отдал их мальчику. И только слетел тот мальчик с горы, как забился Дракон, заскреб когтями по камню, заревел — и затих. И в тот же миг рухнул драконий дворец и похоронил под обломками богатыря Агенора. Долго потом летали вокруг той горы его крылатые братья и звали, и звали его, но никто не откликался на их зов.

На следующий день дядя Роман оставил свою сумку. Вообще-то он всегда ее с собой носил, а в тот день оставил дома. Ее Галка нашла и говорит, что убрать надо, а то Мика или Вася возьмут поиграть и что-нибудь уронят там или испортят.

Колька взял сумку и на шкаф закинул. И на меня посмотрел.

День теплый был, солнце. И мы послали Галку с малышами погулять. Она ничего, пошла. А мы сразу за сумку.

Что мы там нашли? Ну, во-первых, коробочку ту, с шариками. Только их уже меньше половины осталось. Другая баночка, побольше, с опилками, из которых каша. Еще была там готовальня с инструментами. Трубочку, которой дядя Роман Мику лечил, я сразу узнал. Потом какая-то белая, как портсигар папин, штука с окошком и кнопками. Только поменьше, с мою ладонь. Вот и все. Ни бумаг никаких, ни пистолета, ни фотоаппарата, ничего шпионского. Колька, правда, покрутил эту, с кнопками, но уж больно она маленькая была.

Сунули мы все в сумку и только хотели ее обратно на шкаф положить, как вошел дядя Роман. Я красный стал сразу, а Колька ничего, нашелся:

— Мы, — говорит, — от малышей хотели ваши вещи убрать.

И подает ему сумку.

Дядя Роман сумку взял, на стол положил. И говорит:

— Смышленные вы, ребята. Что с вами поделаетесь. Решили, что я разведчик?

Колька к двери стал боком двигаться. А я стоял столбом.

Дядя Роман на диван сел и вдруг сказал:

— А знаете, вы правильно решили. Я ведь и, правда, вроде разведчика. Только не враги меня сюда послали.

Достал из сумки ту коробку с окошком и велел нам смотреть. Окошко маленьким было, а то вдруг выросло, краев не видно. И из него — машины какие-то, самолеты без крыльев, шары, вроде мыльных пузырей. А потом — площадь с высокой башней, кругом люди, много их, все смеются, руками машут, а одна женщина плачет и смеется сразу. И все смотрят на тех, кто с башни спускается, а на башне сверху вниз огромными буквами надпись. И я, не знаю уж почему, сразу понял, что написано: «Агенор».

Потом окошко снова маленьким стало и погасло. А дядя Роман — он что-то бледным стал и к спинке привалился. Потом сказал, что эти люди его сюда и прислали. И что в этой коробке с окошком и кнопками записывается все, что он увидел и узнал. И если он вернется, то там смогут все это узнать и увидеть собственными глазами, вот как мы их только что видели. Люди эти добрые и сильные, но они не сразу стали такими. И им очень важно знать про нас, потому что мы им помогли.

Помню, Колька все мотал головой и говорил, что как же так, если вы все можете, почему не трахнуть по фрицам, почему Гитлера не прихлопнуть. А дядя Роман стал вбок смотреть и сказал, что даже и нам-то он помог против законов. Что никак нельзя вмешиваться, а только наблюдать. А вот он не выдержал, не вынес он. А с Гитлером мы сами должны и обязательно справимся. Это он точно знает.

Тут Галка Мику с Васей привела.

А потом стали мы замечать, что дядя Роман ослаб очень. Ходил тихонько. На щеках пятна. Иногда вдруг говорил непонятно, малыши пугались. На улицу перестал выходить. Лежал больше. Даст нам утром по опилочке и опять ляжет. Нас к тому времени семеро стало: две близняшки из дома напротив к нам прибились, у них старшая сестра умерла, а мать еще в начале блокады убило.

Уже март был, солнце, сосульки. И вот как-то утром подозвал дядя Роман нас с Колькой.

— Вы, ребята, старшие. Вам я должен все сказать. Отправляйте-ка всех гулять и дайте мне мою сумку.

Галка одела малышей, и они ушли. Дядя Роман открыл свою сумку. Сначала достал коробку с шариками. Их там всего шесть штук оставалось.

— Разделите бритвой каждый шарик пополам и давайте Мике и Васе через день по половинке. Сами не ешьте — большие уже. Да и Галка потерпит.

Мы с Колькой закивали: понятно, мол, чего там.

— Теперь открывайте вот эту.

Мы открыли коробку с опилками. Их побольше было — штук тридцать. Он их тоже велел на половинки разделить.

— Кашу делать умеете. Маленьким давайте в те дни, когда шариков есть не будут. И сами ешьте через день.

— А вы, дядя Роман? — спросил Колька. — Вы что, уходите?

— Да, ребята. Мне пора.

— Да ведь вы больны. Вам лежать надо.

Дядя Роман не сразу ответил. А потом сделался еще серьезней и сказал вроде как нам обним, но больше все-таки Кольке:

— Вот еще что. Через двадцать два дня, второго апреля, вот это, — он достал коробочку с кнопками, — надо положить в любое место у Пяти углов. Здесь близко, вы знаете.

— Знаем, — говорит Колька.

— Но так, чтобы видно не было. Если снег не сойдет, лучше в сугроб уронить, а если все растает, землей немного присыпать...

— А в какое место положить-то?

— Неважно. Не беда, если на сотню шагов ошибетесь. Главное, чтобы никто раньше времени не нашел, а кому надо — отыщет. — Он долго так смотрел на нас и добавил совсем уж тихо: — Очень вас прошу, сохраните ее до второго апреля и отнесите, куда я сказал.

— Может, вы сами, — говорю я.

— Я не могу. Дела у меня, ребята, в другом месте дела...

— А вдруг, — говорю, — мы не...

Но он не дал мне закончить:

— Дайте-ка мою куртку и проводите меня до угла.

Я и сейчас помню, как медленно мы шли по Восстания до угла Маяковской. Еле-еле. Я начал было вспоминать, когда дядя Роман ел с нами в последний раз. И не вспомнил. Может, неделю назад. А может, две? Давно, очень давно. За угол он свернул один — нам дальше с ним идти не велел. Только рукой махнул и отвернулся.

Шарики и опилки мы делили, как он говорил. И вот дотянули, видите — живы. А второго апреля мы с Колькой пошли к Пяти углам и засунули коробку в щель за каменной тумбой во дворе булочной. И снегом забросали.

Третьего хотели посмотреть, там ли коробка, но не успели — из домкома пришли, сказали, будут нас эвакуировать. Хлеба дали, сюда вот привезли.

Мальчишка широко зевнул и тряхнул белобрысой головой.

— Да ты иди, ложись. Еще часа три до посадки. — Пожилой старшина провел изувеченной ладонью по волосам ребенка и слегка подтолкнул его. — Ступай, ступай!

— Так вы уж попросите, чтоб нас в одну машину, а? Всех семерых? Нам обязательно чтоб вместе.

— Сделаем, Серега, сделаем.

Щуплая спина мальчика растаяла в глубине коридора.

— Фантазер, писателем будет, — сказала худая сутулая медсестра.

— Да, складно врет, — согласился старшина. — А кем будет — чего гадать. Вон позавчерашний транспорт вчистую разметало. Ни один не спасся... И-э-х... и мне соснуть часок.

И старшина расстелил полушубок тут же на лавке у черного колена тихо остывающей чугунной печки.

ЭЛЛИСОН ХАММОНД (ALLISON HAMMOND)

СИМБИОТИК. СИНТИ

СИМБИОТИК. СИНТИ. ГЛАВА 1

Она подошла ко мне, посмотрела в глаза. Я уловила в ее стеклянном взгляде слабые, едва различимые нотки эмоций. Она сказала, что хочет поцеловать меня. Мне стало интересно. Зачем игрушечной девочке понадобилось делать это? Я позволила чмокнуть меня в щечку. «Спасибо, Мейн. Я не доставила тебе беспокойства своей просьбой? — спросила кукла и представилась: — Меня зовут Синти. Я — симбиотик. Симбиотический организм, одна из десяти имеющихся в свободной продаже моделей. Модель 8-Кукла. Мое тело лишь отчасти похоже на человеческое. В нем течет кровь, у него есть плоть, мои пропорции напоминают человеческое существо в возрасте шести лет. Единственное различие между мной и тобой состоит в том, что у тебя есть душа, а у меня ее нет...»

Я улыбнулась и сама чмокнула новую игрушку в щечку. Кажется, она покраснела. Как мило! «Постой, до меня доходили слухи. Да, всего лишь слухи о том, что в некоторых моделях независимыми тестерами были замечены всплески ауносферного излучения, похожие на излучение и колебания человеческих душ. Не говорит ли это о том, что и у тебя, моя маленькая Синти, есть все шансы приблизиться к статусу Человека?», — сказала я, больше обращаясь к себе, нежели к ребенку. «Мы с тобой разные части одного и того же. Ты еще не знаешь всех тайн Консорциума, но со временем мы начнем находить ответы на наши вопросы, — она проткнула палец булавкой, выступила кровь. — Попробуй ее, у симбиотов она безвкусная. Нам незачем иметь такое сложное устройство тела, как у людей. Мы состоим из самоорганизующихся наномашин, и это позволяет сохранять работоспособность, молодость, красоту, силу на долгое время, несравненно большее, нежели это способен делать человек».

Я взяла ее маленький пальчик в рот, чтобы слизнуть выступившую на поверхность бордовую капельку крови, и почувствовала соленый привкус. Только что Синти говорила об отсутствии у ее крови вкуса, а сейчас я замечаю обратное. Что бы это значило? Какие-то неизвестные изменения произошли в ее теле? Вопросы, вопросы, вопросы... Как всегда, множество вопросов и никаких ответов. Я взяла симуляцию ребенка, чтобы он составил мне приятную компанию, но вместо этого у нас завязался серьезный разговор. Может, все эти разговоры, про консорциум и другие байки — просто, часть программы? Кто знает этих разработчиков? Может,

они сумели создать ситуативную игру, в роли главного героя буду Я, а во второстепенных персонажах — Синти. Кажется, я уже где-то слышала нечто подобное. Точно! Канал ССНьюс в прошлом году готовил передачу об инициативе Канадского отделения Консорциума. Там говорилось о создании ситуативных игр с людьми на основе симбиотов. Что же, если это игра, то я согласна провести отпуск с пользой — настоящие приключения большая редкость в наше время.

«Синтия, твоя кровь соленая, что ты на это скажешь? — спросила Я и поцеловала ее в губы. — Ты хотела меня обмануть?» «Нет, Мейн. Если моя кровь показалась тебе соленой, значит, что-то не так с твоими рецепторами. Все показатели моего организма в норме». Я не стала с ней спорить, приказала приготовить кровать и не забыть к 8:00 сделать яичницу, тосты и легкий салат из здешних фруктов, а также выжать два литра сока, который мы возьмем завтра в дорогу.

Эллисон Хаммонд, Дом 7,
Набережная «плавающего» острова СанСеон.
18 мая 2039 года.

СИМБИОТИК... СИНТИ... ГЛАВА 2

СанСеон — плавающий остров, путешествующий по водным просторам планеты, как заборорассудится программе оптимума, заложенной в него. Программа отвечает за автоматический выбор оптимальных погодных условий окружающей среды, поэтому остров путешествовал по точкам спокойствия, тепла и безмятежности. В данный момент точка оптимума располагалась в районе тихого океана. Дул теплый, с запахом морских волн ветер. Мы сидели на каменных ступенях, плавно уходящих в океан. Синтия смотрела на горизонт, в ту точку, где небо смыкается с водной гладью, в ее глазах застыли слезы удовольствия, ветер трепал золотые локоны, игрушечное платье колыхалось под его слабыми порывами. Я наблюдала за моей новой игрушкой, она была замечательна. Осколок чужого мира, заброшенный сюда, в райское местечко, лишь для того, чтобы служить своему новому хозяину.

Мне ничего не стоило убить ее и взять что-нибудь совершеннее, не вызывающее жалость и сострадание, не болтающее лишнего. Можно прямо сейчас включить программу деактивации или решить все цивилизованным путем, с помощью ножа или острого угла каменной ступени. В подростковом возрасте это было излюбленное средство, позволяющее излить всю боль и разочарование, накопившиеся в душе. Не меньше десятка Симбиотов было растерзано мной. Мне не было жалко ни одного из них. Все до единого были бездушными, пустыми машинами, созданными для исполнения любых прихотей извращенного и, порой, больного человеческого разума. Разные возрасты, разные специализации, разные модели и подтипы — все ушли в небытие. Я не раскаиваюсь, для меня это было

обычное дело. Мир изменился с тех пор, когда появился первый прототип. Последующие партии и модернизации изменили не столько самих Симбиотов, сколько все человечество. Люди были избавлены от напряженной работы, от убийств, от голода, от нехватки ресурсов, от насилия — мы выливали свои животные желания на них, наших меньших братьев и сестер, никому не нужных и никем не любимых.

Синти обняла меня, провела ручкой от ушка до подбородка, поцеловала в губы, лизнула их и прижалась к груди. Солнце начало припекать, становилось жарко, ветерок совсем исчез, уступая место полуденному зною. Мы покинули береговые ступени и отправились в закусочную «Инно». Внутри было уютно, играла тихая музыка, редкие гости отдыхали в огороженных кабинках, казалось, что кроме нас в этом укромном местечке никого не было.

— Мейн, можно мне в туалет? Я бы хотела удовлетворить свои естественные потребности. — Девочка посмотрела на меня умоляюще. Какая чудесная имитация эмоций!

Отпустив Синтию, я сделала заказ и села в кабинку. На потолке была лампа с абажуром из битого разноцветного стекла, что согревало пространство вокруг теплыми тонами. На столике были вырезаны ножом сердечки, стрелы, различные узоры на любовную тематику, здесь даже нашлось место толстым, мечтательным кроликам.

— Все, я здесь. Мейн, можно вопрос?

— Конечно, — сказала я и дала ей тарелочку с большой горкой мороженого. — Кушай, мой обед будет готовиться еще минимум пять минут.

— Как это — иметь душу, чувствовать себя по-настоящему живой?

Вопрос был тупиковым. Не познав зла, мы не узнаем, что же такое добро. Не увидев уродства, мы никогда не будем ценить красоту. Не потеряв душу, я не смогу понять, что такое иметь ее.

— А ты, Синтия, можешь сказать, что же значит быть «не живой», быть полутрупом, оживленным микроскопическими роботами, копошащимися внутри тебя?

— Я есть размноженная часть одного и того же, снятый с ветки плод-клон, пустая пародия на первосимбиота. Мне не дано почувствовать ни искреннюю боль, ни искреннюю радость, я чувствую лишь блики эмоций, реагирую согласно программе.

— Тогда к чему эти вопросы? Почему в твоих глазах грусть?

— Мои вопросы — отражение бликов эмоций, вырвавшихся из-под контроля осколков настоящих, разорванных на части двоичного кода эмоций. В моих глазах грусть, потому, что она захлестнула меня, мое существо, все, что было создано консорциумом в виде программы синтетического биотического организма.

— Мы одинаковы, Синти. Нам обоим внушили что-то. Тебе — твою неполноценность. Мне — мое превосходство. Мы частички этого мира,

этого совершенного и чистого кусочка зеленой плоти. Посмотри, что всего за несколько лет сделала для планеты эта горстка гениальных, сумасшедших в своих амбициях людей. Боль, страх, одиночество — все это в прошлом. Но что-то не так. И ты чувствуешь это, моя маленькая Синти.

Я подошла, слизнула с губ девочки мороженое и проникла в ее ротик языком. Программа ласки сработала на ура, и я почувствовала, как восхитительное создание сливается со мной не только губами, но и всем своим существом...

Эллисон Хаммонд, Дом 7,
Набережная «плавающего» острова СанСеон.
19 мая 2039 года.

СИМБИОТИК... СИНТИ... ГЛАВА 3

Утренний звонок внес свои коррективы в мои планы. Мы намеревались отправиться на прогулку по джунглям, разросшимся в парковой зоне острова, устроить пикник под открытым небом. Но Доктор Лейн пригласил нас посетить его, поэтому поход откладывается до завтра.

Мы шли по тенистой дорожке, пролегающей в глубине леса. Густые, могучие кроны деревьев хранили приятную прохладу. Птицы щебетали в чаще леса, иногда их заглушал шелест листвы потревоженной ветром.

На Синтии прекрасно смотрелись серебристые шортики и футболочка с позолоченными сердечками, которые я подобрала лично. За спиной у нее находился желтенький рюкзачок, туда мы сложили фрукты, сок и несколько тостов. Еды мы взяли лишь потому, что решили идти пешком, у меня все-таки отпуск! Конечно, можно было воспользоваться транспортом, но тогда зачем было приезжать на СанСеон?

У маленького пресноводного озера, окруженного с одной стороны деревьями, а с другой большими валунами, мы устроили привал. Девочка насобираала веток и через десять минут мы подогревали тосты на небольшом костре. Дымок вился вокруг нас. Когда ветерок гнал его в сторону Синти, она хмурилась, глаза ее начинали слезиться. Какая прелестная имитация жизни! Да, я признаюсь себе, что восхищена этим маленьким, совершенным во всех отношениях созданием человеческого гения.

— Крошка, ты бы могла сгореть в этом огне, если бы я приказала... — сказала я. — Рассыпаясь на угольки, ты бы улыбалась и благодарила меня. Это бы был самый сладкий момент твоей жизни. В моменты своей гибели Симбиоты испытывают наслаждение, самое сильное, на которое только способны.

— Мейн, вы бы хотели, чтобы я произвела деактивацию? — сказала она, улыбаясь.

— Нет, мой ангел. Тебе еще рано, я недостаточно поиграла с тобой, чтобы так просто отпустить.

Мы закончили привал и вновь пустились в путь. Вскоре лес кончился, и нам показалась синяя полоска моря, высокий особняк в виде раздавленного вширь маяка. Около него росло несколько одиноких елей. Дверь была грубо

вмурована в белую, крупную каменную кладку здания. Несколько раз мы нажимали обычную пластиковую кнопку, слышали, как чирикает звонок, но никакого результата это не принесло — хозяин так и не вышел, чтобы нас встретить.

— Под дверью записка, — сказала Синтия и подняла листок бумаги. — Здесь написано, что Доктор Лейн улетел на континент и появится лишь к завтрашнему утру, он извиняется за отсутствие и просит, чтобы мы провели ночь в его доме.

Дверь оказалась не заперта, мы вошли. Расположение окон в комнатах было несколько странным — полукругом. Обстановка внутри говорила о докторе, как об умеренном аскете. Ничего лишнего, только крайне необходимые в быту вещи — у него не было даже телевизора, об остальных прелестях цивилизации говорить не приходилось.

Эллисон Хаммонд, Дом 7,
Набережная «плавающего» острова СанСеон.
20 мая 2039 года.

СИМБИОТИК... СИНТИ... ГЛАВА 4

Доктор Лейн был видным ученым в области нанотехнологий. Именно его исследования стали главной причиной запуска производства наномашин для внедрения в человеческое тело. Впоследствии люди избавились от большинства болезней и недугов, мешавших раньше вести полноценный образ жизни. Если когда-то давно еще встречались человеческие существа, обремененные физической неполноценностью, то теперь это лишь воспоминания, а для нового поколения и вовсе миф. Доктор, несмотря на свой солидный возраст в семьдесят лет, до сих пор занимался научной деятельностью. Лейн не выглядел в свои старческие годы как положено старикам, совсем наоборот, он смотрелся тридцатилетним мужчиной в самом расцвете сил. Мир изменился, и док изменился вместе с ним — он не хотел стареть, он не хотел умирать, он хотел продолжать жить в новой, обновленной во всех отношениях сфере под названием «человечество». И он делал это.

Все утро мы провели в ожидании Дока, но его все не было. На обед мы приготовили салаты, соки и жареное мясо, надеясь, что Лейну понравится приготовленная нами пища. На обед ученый не пришел. Время медленно тянулось. Мы прочли уйму книг в его маленькой библиотечке, стараясь занять себя и хоть как-то отвлечься от тишины, царящей в доме.

Вечером пришла почта. Доктор извинялся, писал, что у него важные дела, и если он так и не приедет в ближайшие два дня, то нам придется отправиться к нему в головной офис Консорциума. С какой стати он возомнил, что мы хотим с ним встретиться?!

— Может ему одиноко? — предположила Синтия, когда мы покидали дом.

Эллисон Хаммонд, Дом 7,
Набережная «плавающего» острова СанСеон.
21 мая 2039 года.

СИБИОТИК... СИНТИ... ГЛАВА 5

Синтия набросилась на шею Доктору Лейну. Когда я спросила ее, почему она это сделала, то девочка не смогла дать ответа, сказала лишь, что ей очень захотелось это сделать. Док расхохотался и объяснил, что у всех симбиотов есть определенные симпатии к лицам-создателям первосимбиота. Он часто видел людей, которые трудились над его телом и впоследствии проникся к ним любовью, до сих пор программисты Консорциума не в силах окончательно стереть данные, оставшиеся с тех времен и теперь, воспроизводящиеся в новых поколениях.

Лейн сказал, что нам обязательно нужно поехать с ним в головной центр исследований. Док ничего не объяснил, сказал лишь, что завтра утром мы сядем с ним на его яхту и к вечеру прибудем на место. Так же неожиданно, как и появился, он исчез.

Синтия сообщила, что этот человек ей нравится. Мне уже было все равно — кто-то что-то затевает и хочет, чтобы мы играли в его игру. Я расслабилась — ведь мне нравятся приключения. А это был прекрасный способ пережить их, даже если это в какой-то мере несло в себе опасность. Если тебе не хватает адреналина — прыгни с парашютом. Если ты это уже сделал — прыгай без него. Еще живой? Ищи настоящую опасность, боль, страх, запах смерти и чудовищную дозу кайфа, впрыскиваемую в кровь твоим мозгом. И запомни: кайф должен быть настоящим. Только неудачники придумывают себе способы, как проломить собственный череп или сломать пару костей. Настоящие ценители вкуса адреналина спасают свои жизни, подстегиваемые жадой жизни и растущим внутри возбуждением.

Эллисон Хаммонд, Дом 7,
Набережная «плавающего» острова СанСеон.
22 мая 2039 года.

СИБИОТИК... СИНТИ... ГЛАВА 6

Как описать все, что произошло за последние несколько дней? Никак. Этому нет объяснения. Этого не могло случиться. Но сейчас я пишу эти строки, чтобы хоть как-то передать, что же произошло.

День мы плыли на яхте доктора. У него было два помощника — Симбиота нетрадиционной ориентации. Хотя... в нашем мире, ориентация уже не имела значения. Они то и дело устраивали свои игры с доктором. Синтия просила у меня дать ей принять участие в этом, но я не разрешила. Не знаю, почему, меня что-то тронуло, как будто Синти была не пустым биороботом, а маленькой девочкой — человеком. Я не обратила внимания на эти мысли, просто приняла решение.

По прибытии доктор Лейн распорядился поселить нас в главном корпусе исследовательского комплекса Консорциума. Мы отлично провели день. Я увидела всю технологическую составляющую производства Симбиотов.

Это зрелище привело меня в восторг. Словно по волшебству на выходе сборочного цеха, появлялись новые, безупречные существа.

Я стала замечать, что Синтия ведет себя как-то необычно. Она подолгу смотрела в одну точку или словно пыталась что-то услышать. На вопросы о ее самочувствии она отвечала, что с ней все в порядке.

На второй день по прибытии девочка вышла из строя. Ее тело лежало на кровати, абсолютно без признаков жизни. Когда пришел доктор Лейн и начал осмотр, она неожиданно активизировалась и легким движением руки прошила его насквозь. Дальше я помню лишь вспышку боли в груди и темноту.

Несколько часов назад я очнулась в шахте лифта главного корпуса консорциума. Лампочка мигает. Темное, узкое помещение из стали с вьющимися по стенам проводами залито чем-то липким. Это не кровь. Я не могу понять, что же это такое. Какая-то липкая жидкость. Шансов выбраться нет. Там, где кончаются провода, стены абсолютно гладкие. Пишу в свой планшетный Субноутбук последние строки и, пока не села батарея, отправляю на E-mail подруге Натан Хейдж. Мне представляется, что этот человек сможет что-нибудь предпринять в сложившейся ситуации.

Эллисон Хаммонд, Шахта Лифта,
Главный корпус Консорциума.
22 мая 2039 года.

МАЙК ГЕЛПРИН

МАРИНА ПЛЮС КОЛЯ

Я пришел в себя и какое-то время не мог сообразить, что случилось. Ашка раскалывалась от боли, перед лапами расплывались серые мутные рути, на бу стремительно разрасталась ишка.

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем я, наконец, вспомнил. Арина не пришла на встречу. Я метался по арку в адежде, что она, может быть, попросту опоздала или спугала есто. Потом я, видимо, запутал и оказался в самой луши. Ну, а затем появились эти двое. То ли пьяные, то ли обдолбанные. Бить еловека по олове вообще постыдно. Озлы!

Я мельком взглянул на асы. Было два ополудни. Внезапно мне показалось, что вокруг что-то изменилось. Оловная оль мешала понять, что именно. Я огляделся. Вроде бы тот же арк, вон неподалеку та же камейка под ленами. Легкий етерок лениво гонит по емле желто-красные истья.

И в то же время...

Я поднялся и бездумно двинулся по лее куда лаза глядят. К трем выбрался, наконец, из арка. Поймал акси и велел одителю везти на анал Рибоедова.

Офер оказался ихачом. Он, усердно игнорируя ветофоры, рассекал по ороду, а я, глаза в кно, все больше и больше уверялся в том, что вокруг происходит что-то неладное.

Мне чудилось, что роспекты стали уже, ома — ниже, а раски — тусклее. Абережная, казалось, сморщилась, арапет приник к емле. Даже в самом азвании анала Рибоедова мне померещилось нечто чужеродное.

Ома я первым елом залез под уш и под холодными труями более-менее пришел в себя. Выбрався, нагишом прошлепал в остинуую и включил елевизор.

Показывали резидента. Обильно жестикулируя, резидент обещал. Потом желал. Затем призывал. А я, опарашено глядя в кран, мучительно соображал, не стал ли он ниже остом и тише олосом.

Привычная резидентская олтовня, наконец, сменилась итрами древнего ильма «Веселые ебята». С олчас я переваривал старые несмешные охмы, затем выключил елевизор и поплелся звонить Арине. Надо было ставить очки над «и» — наши тношения явно зашли в ушк.

— Знаешь, Оля, — проникновенно сказала Арина, едва сняв рубку. — Не звони мне больше. Я не собираюсь терпеть твоих бесчисленных лядей и люх. Надоело!

Арина разъединилась. Я проковылял на ухню и там алпом махнул юмку одки. Закурил и принялся размышлять.

Насчет люх она сильно неправа. Тем более — насчет лядей. Ну, были, конечно, евочки, у кого их нет. Но вовсе не относящиеся к двум перечисленным категориям. Хотя и не из тех, с которыми захочешь сочетаться законным раком. Наверное, Арине наклепали, что видели меня в жапанIZE с рыжей Веткой. Обидно: с Веткой у меня как раз ничего и не было. Я внезапно разозлился.

— Знаешь, Оля, — дурашливым олосом передразнил я Арину. — Не звони мне бо...

Я осекся. Причем здесь Оля? Ну да, меня так зовут. Уже двадцать шесть ет, как Оля, и что? Какого ерта мне кажется, что в этом есть что-то совершенно неправильное? А то и унижительное.

Оскресенье я провел в диночестве. Не заладилось с самого тра. Я бесцельно слонялся по вартуре, механически отмечая, что отолки стали ниже, а омнаты — теснее.

Внезапно захотелось чего-нибудь для уши. Помаявшись немного, я решил почитать Ушкина.

— Мой ядя самых честных правил, — с едоумением произнес я вслух. — Когда не в утку занемог.

Что-то опять было не то. Я не увидел мысла в троках, которые знал наизусть.

— Его пример другим аука, — с усиливающимся едоумением читал я. — Но оже мой, какая кука...

Я захлопнул Ушкина, мне показалось, что один из нас спятил, и я вовсе не был уверен, что этот «один» — великий тихотворец, а не я.

Неладное продолжалось весь ень. Я перестал узнавать и понимать знакомые ещи. Лова выглядела странно и не складывалась во разы. Узыка звучала акафонией. «О е и а оль я и», — тупо твердил я, тщетно пытаясь извлечь хоть какой-то мысл из отной рамоты. Мысла не было. Мне показалось, что и самой рамоты тоже не было.

Ечером, когда я всю бесился от окружающих елепостей и есуразностей, позвонил Горь. Он уже еделю пытался выторговать у меня редкую негашеную ьетнамскую арку.

— Оля, — репшительно сказал в рубку Горь. — Пятнадцать тысяч. И ни опежкой больше. Согласен?

— То есть как пятнадцать? — опешил я. — Озавчера еще предлагал шестнадцать.

— У тебя с амятью как? — участливо осведомился Горь. — Озавчера было четырнадцать.

Это уже не укладывалось ни в какие амки.

— А пошел бы ты в ад, Горь, — напутствовал я и, обнаружив в сказанном некую вусмысленность, уточнил:

— В адницу.

Разъединившись, я попытался сосредоточиться. Происходящее было настолько нелепо, что не поддавалось разумному бяснению. Ир вокруг меня изменился, это я знал точно. И изменился значительно. Мне казалось, что перестали работать самые, что ни на есть, зы и сновы.

Итак, меня зовут Оля. Правильно ли это? Разумеется, правильно, но почему же тогда меня не оставляет навязчивое шущение, что еще чера меня звали не так...

Я живу на последнем, пятом таже в оме на анале Рибоедова. Вартира омер двадцать. Досталась мне от абушки. Я репшительно отправился к входной вери, распахнул ее и тшательно изучил прибитую к ерматину абличку. «19» — значилось на ней. Роклятье! Я огядел вери остальных вартир. «16», «17» и «18». Перепрыгивая через тупени, слетел вниз по естнице на первый таж. «0», «1», «2» и «3».

Я выругался вслух.

Почему умерация начинается с нуля?

— А почему бы и нет? — пришла потрясающая по тепени ригинальность бсь.

Я почувствовал, что готов отчаяться. Действительно: почему бы и нет?

Я вышел на абережную. Смеркалось, юди торопились по своим елам, другие чинно прогуливались. Все как обычно. Если не считать того, что... Сам не знаю чего.

— Ядя Оля, — услышал я за пиной, — ты что, вырос?

Я обернулся. Алька с первого тажа, нахальная десятилетняя беда и кандалистка.

— Я уже давно вырос, — досадливо буркнул я. — В тличие от некоторых.

— А ведь равада, Иколай Ваньч, — вступила Алькина амаша. — Вы как будто выше стали. — И ехидно добавила: — То есть, длиннее.

Вот уж, действительно, блоко от блони.

— Это вы стали короче, — пригладевшись, парировал я. — И невзрачнее.

Шаркая по тупеням, я поднялся к себе. Ыводы напрашивались. Дар по ашке, которым меня наградили чера в арке, изменил меня. Нет, не только меня и даже не столько. Он изменил окружающий ир. И изменил не в лучшую торону. Вот же ертовщина!

В онедельник тром я был уже в арке. К олудню, облазив его вдоль и поперек, нашел знакомую камейку под ленами. На ней самозабвенно целовалась сладкая арочка. Еще через пять инут я обнаружил есто, где мне досталось. Пересек его десяток аз во всех аправлениях. Осторожно постучал оловой по тволу старого уба. Собрав олю в улак, грянулся со всей ури о емлю. Ничего не произошло. Ир вокруг меня ни апли не изменился.

Сжав убы, я вернулся к камейке, где, как ни в чем не бывало, продолжали целоваться и тискаться.

— Молодой еловек, — откашлявшись, прервал я затяжной оцелуй. — У меня к вам росьба. Не могли бы мы с вами отойти вон туда?

— Зачем? — оторвавшись от евчонки, недоуменно спросил арень.

— Понимаете, мне необходимо получить от кого-нибудь по олове. На худой онец, можно и по орде.

— Дай ему, Аша, — посоветовала евица. — Раз словек просит.

Я семенил вдоль по рковой лее и отчетливо понимал, что менения произошли, но опять не в лучшую орону. Ревья вокруг пригнулись, скукожились и стали похожи уг на уга. Я едва отличал поль от резы. Мля под гами казалась серой, устлавшие ее желто-красные стья — блеклыми и понурыми.

Я вновь поймал кси и велел ехать на нал Ибоедова. Род за ксишным ном померк — ма стали приземистыми, одноцветными и унылыми.

Даже йдарки на нале не оживляли йжаж, а ижения ебцов выглядели скупыми и замедленными.

В артиру я едва проник: пришлось пригibasь, чтобы не зашибить кушку о сужившуюся и понизившуюся амугу входной ери.

Я решил позвонить Рине — несмотря на змолвку, она оставалась самым близким мне на мле ловеком.

— Знаешь что, Ля, — сказала Рина, едва я отчитался о преследующих меня лепостях и суразностях. — Ты меня, конечно, прости, но рассказывай-ка лучше свои йки рыжей Етке.

Едва я разъединился, как позвонил Орь.

— Четырнадцать, — азартно предложил он. — И ни пейкой больше.

Я послал Оря в пу, спустился на первый аж, удостоверился, что мерация артир начинается с «-1» и выбрался наружу.

— Дя Ля, ты стал настоящим рзилой, — поведала Лька с первого ажа. — Ну, и вымахал ты — просто бина стоеросовая.

— Да уж, Колай Аныч, — подтвердила Лькина мапа. — Вы, наверное, блетки специальные глотаете. В вашем-то зрасте так удлиниться.

— Липутки, — буркнул я и, гордо повернувшись, двинулся ловить кси.

На давешней амейке под енами распивали трое коголиков. Уговорить их на физические йствия удалось, лишь обозвав всех троих дерастами. Через нуту после этого я уже получал свое.

Богород расцвел. Радома пестрили покрасками, по спулицам спешили разноцветные затолпы. Лопарни вели под поруки нарядно разодетых медевушек.

— Николая! — радостно приветствовала меня Комарина, едва я позвонил ей. — Куда же ты пропал, милый? Приходи сегодня, будет Засветка, помнишь, та, рыжая, ты, по-моему, положил на нее выглаз. Нет, нисколько не ревную. Придешь?

Я обещал и задумался. По всему выходило, что этот памир лучше двух предыдущих. Однако то, что я вновь попал не к себе, засомнений не вызывало.

Через пополчаса, загнав Григорию довьетнамскую помарку за семнадцать тысяч вырублей, я спустился вниз, убедился, что обнумерация какквартир начинается с «3». и выбрался из радома наружу.

— Мудядя Николя, — подскочила вреднющая Рогалька. — Тебя что, укоротили?

— Действительно, Пониколай Гриваныч, — вступила Рогалькина гамамаша. — Эко вас скуссило.

Проигноировав обеих, я кинулся ловить кутакси. Теперь я уже понимал, что меня на самом деле зовут Коля. Понимал, что Марина отказалась встречаться со мной из-за рыжей Светки. Понимал, что мне двадцать семь, а вовсе не двадцать шесть и не двадцать пять. И догадывался, что побывал на минус первом, минус втором и плюс втором отражениях своего мира. Не знал только, как он называется. Бемля, Вемя, Гемля, — твердил я про себя, усаживаясь в кутакси.

— Маземля, — подсказал выводитель в ответ на прямо поставленный вопрос. — Куда прикажете везти?

В запарке, на знакомой доскамейке сидели две медевушки. В том, что медевушки тоже умеют драться, я убедился вскоре после того, как назвал обеих дудурами.

Марина плюс Коля равно любовь. Главное — не забыть это. Заучить наизусть и запомнить.

Я вернусь. Я обязательно вернусь. Не знаю, сколько еще предераз мне придется получать по держиморде. Но я вернусь. Не забыть и не перепутать. Меня зовут Ля с анеты Мля. Нет, не так. Я — Джопониколя с Мармаземли. Снова не так. Я — Коля с планеты Земля. Точно! Коля, Коля, Коля. Главное — запомнить, чтобы не пропустить свой драпамир. Мою евушку зовут Кошмаринной. Она простит меня, надо только вернуться. Никаких больше рыжих Веток, Пустосветок, Еток, Ок...

Марина плюс Коля. Марина плюс Коля. Марина плюс...

Сейчас меня будут бить. Не сильно, но больно, и, возможно, осьминогами. Это хорошо и правильно: бейте. Потому что когда я приду в себя, первым, что я увижу и заучу, будет протонадпись, вырезанная мной несколько драпамиров назад ожом на тволе древнего грубадуба:

МАРИНА + КОЛЯ = ЛЮБОВЬ

ЕВГЕНИЙ МАКУХИН

ПРИЯТНЫХ СНОВИДЕНИЙ

Отдышавшись, Николай вернул меч в ножны и огляделся: пятеро ублюдков уже никогда не смогут топтать землю. Теперь к префекту, за наградой, а потом хорошенько гульнуть, сбросить накопившееся напряжение...

Тонко свистнувшая стрела оборвала приятные размышления. Непобедимый наемник обломил древко, торчащее из горла, и с брезгливостью посмотрел, на щегольски алое оперение стрелы. Пижоны. Он хотел выругаться, но сил на это уже не хватило...

— ...Спасибо ребята. Все было отлично. — Коля попрощался, и не торопясь, направился к трамвайной остановке. День рождения удался — погуляли, повеселились. А сейчас домой, и баньки. В голове весело шумит, в ногах приятная усталость, а в кармане телефончик Марии. Мари — какое замечательное имя. Завтра перезвонить, договориться о встрече и...

...Чувствительный удар в голову сбил его с ног. Он попытался подняться, но чья-то нога наступила на руку, сминая пальцы рифленой подошвой. Николай снова рухнул на асфальт. Больно, очень больно. Прижимая поврежденную руку к груди, он перевернулся на спину и увидел нападавшего: невысокого роста, коренастый, в белых брюках и черной футболке, тот стоял, и, прищурившись, наблюдал за Николаем, время от времени прикладываясь к бутылке с дешевым пивом. Неподалеку от них подвыпившая компания с интересом следила за развитием событий.

Слегка вывернутые, обкусанные губы гопника раздвинулись в презрительной ухмылке, обнажая гнилые зубы.

Коля попробовал пошевелить ободранными пальцами — терпимо. Где-то в глубине души медленно просыпалась ярость.

Гнилозубый подошел ближе, намереваясь продолжить избиение.

В голове у Николая словно повеяло свежим ветерком, который унес с собой всю слабость и хмель, оставив после себя сладковато-металлический привкус во рту и легкую дрожь в конечностях. На время все, включая и боль, отошло на задний план, уступая место ненависти.

Зацепив ногой ногу противника, Коля резко ударил пяткой в колено. Ублюдок рухнул как подкошенный. Коля схватил его за лодыжку и всем своим весом приземлился на коленный сустав, ломая его к чертовой матери.

Вскочив, он от души добавил носком своих «казаков» катающемуся по асфальту и орущему от боли бандиту.

Выкрикивая угрозы и матерясь, компания поспешила на помощь своему «корешу». Николай присел, уклоняясь от запущенной ему в голову бутылки, и с «низкого старта» рванул подальше от неприятностей, которые обязательно возникнут, если он попадет в руки этим шакалам.

Пробегая через детскую площадку, Коля на мгновение оглянулся. В этот момент металлический прут, загнутый крюком, — все, что осталось от детских качелей, — с хрустом вошел ему под кадык...

— Ну, как у нас дела? — Молодой доктор поправил очки на переносице, в больнице он начал работать не так давно, поэтому всячески старался выглядеть солидно.

— Больной, Николай Гвоздев. Поступил с сотрясением мозга второй степени и повреждением дыхательного горла. Была проведена операция трахеотомии. С момента поступления больной пребывает в коматозном состоянии. — Пожилая медсестра покосилась на койку с больным, из горла которого торчала трубка катетера, поежилась и добавила: — И как его угрозило? Совсем ведь молоденький еще.

Врач хмыкнул:

— «Толкиенисты» очередное представление устроили. Слава богу, хоть машину «скорой помощи» пригнали, на всякий случай. Вот случай и представился. Мне врач «скорой» рассказал, как дело было. Эти, — доктор кивнул головой в сторону койки, — на холме турнир организовали. Вроде как в «царя горы», но с оружием. Решили выяснить, кто самый крутой боец. Напялили доспехи, и давай рубиться. Вот там этот парнишка и огреб свое: получил клинком по горлу, а вдобавок еще и с холма сверзился.

Медсестра всплеснула руками:

— Ужас какой, как он только жив остался!

— Слава богу, мечи из текстолита были, конечно, тоже не подарок, но хотя бы жив остался. Теперь вот, через трубку дышит, сны коматозные смотрит. Как думаете, Наталья Андреевна, смотрит? — обратился он к помощнице.

Медсестра неопределенно пожала плечами.

— Кто его знает, чего он там смотрит. Тело ведь, вот оно, а душа бродит, где ей вздумается. — И качая головой, добавила:

— Ох, и жалко парня.

Задумчиво теребя кончик носа, доктор подошел к койке:

— Да уж, не повезло. Хотя, возможно, вы правы. Тело здесь, а душа... Хм, а душа странствует между измерениями и пытается найти тело. Представляете, мириады вот таких Николаев. Такие приключения... Ну, пускай отдыхает. А мы пока чайком побалуемся, взбодримся. Еще ночь дежурить, а глаза уже слипаются...

...Верхом на гарцующей лошади, Никус выстраивал пехоту для повторной атаки. Для последней атаки. Ночью подошло подкрепление, теперь уж бунтовщикам точно не выстоять. И если в городе останется хоть одна живая душа — он съест свое седло. Гордецов, возжелавших свободы, нужно учить. И чем больше будет урок, тем дольше его будут помнить. Он выхватил меч, и ветер красиво заиграл складками алого плаща...

Один из арбалетчиков, стоящий на стене осажденной крепости взял на прицел всадника. Там где появлялся «Алый Никус», земля пропитывалась кровью. Нежно погладив ложе арбалета, мол, не подведи, стрелок мягко нажал на спуск...

ДАНИЭЛЬ ВАСИЛЬЕВ

ГОРОВОЙ ФЕНЯ

Феня никогда не любил собраний. Чего, спрашивается, собираться? Есть Совет, есть городской, в конце концов! Зачем же понапрасну беспокоить порядочных домовых, у которых своих, домашних дел по горло?

Феня был домовым деятельным, серьезным и очень уважаемым, несмотря на свой не слишком почтенный возраст.

А все потому, что он любил свою работу и делал ее основательно, не ленись. С самого утра Феня успел совершить обход всех уголков вверенного ему дома, обновил, где требовалось, обереги, почистил межстенные пустоты от скверны, заставил Ваську обнюхать подозрительный закуток — в общем, сделал все то, что добропорядочному домовому следует делать ежедневно.

Утомившись, Феня приготовил себе чайку, и теперь, попивая душистый напиток, мысленно настраивался на капитальное обследование электрической проводки на предмет заведения в ней наведенных или статических ионных сглазов. Дело это сложное, хлопотное, но нужное. Иначе не миновать сбоя электропитания, а то и пожара, виной которому может стать запорченная проводка!

Но приступить к задуманному он так и не успел — молоденький перевертыш Мышаил, названный так, потому что умел пока оборачиваться только серой мышью, доставил Фене приглашение на общегородской сход домовых.

«Приглашаем Февронтия (оному не болеть чихом припадочным и чесоткой падучей ни вчера, ни сегодня, ни завтра, и так до следующего пожелания) на Собрание вечернее, внеочередное, важности особой!» Время, форма одежды, ля-ля-ля, тра-ля-ля — прохвосты! Бездельники! Ничего сами решить не могут, по каждой мелочи без надобности занятых домовых гоняют на свои Советы. Тьфу!

Настроение у Фени испортилось, и профилактический осмотр электропроводки он отложил на завтра, а от этого настроение стало еще хуже.

Городские советы домовых появились вместе с городовыми, которые эти советы и организовывали. А самих городских придумали не так уж давно — лет эдак двести назад. Раньше-то, поди, никаких сходок обязательных к посещению не устраивали, разве что по великим праздникам. Так ведь и надобности в том не было. А теперь на тебе — придумали городских на наши головы...

Феня прекрасно помнил, как голопузым домовенком елозил у мамы на коленях на самом первом совете, который устроил какой-то заезжий прогрессивный то ли тролль, то ли еще кто-то из этих, из заморских.

Собрал, значит, этот пень заморский всех местных домовых и начал говорить слова всякие юморные. Цивилизация, говорит, надвигается. Куда и на кого, никто, конечно, не понял, но уважение к себе гость внушил с первых слов — умный, поди! Глобализация, мол, есть процесс естественный и неумолимый, а посему и нам, существам магическим, надобно соответствовать.

Вот тогда-то и решили, что, дабы «координировать» действия, нужен в каждом поселении свой глава домовых! В селе — селянник, в городе, стало быть, городской. А для мирового сотрудничества из всей нечисти даже странника выбрали (по стране всей, значит, «координатора», с заморскими «цивилизованными» пнями мхатыми переговорщика). Правда, где того выбирали, и кто выбирал, этого ни Феня, ни другие из его знакомых не знали, потому как их там не было.

Привыкли, конечно, со временем. Почувствовали пользу.

Незнамо как там, на «международном уровне», а в городе стало лучше, проще. Потому как городского выбирали из самых уважаемых, опытных и головастых домовых. И городовые эти были в курсе всех дел по городу, фиксировали появление всяческой новой напасти — ведьм неучтенных, полтергейстов назревших, гурров да лешаков залетных-не-местных. А от того и каждому отдельному охранителю дома персонального стало проще жить, меньше злобы приходилось выводить, меньше стало мусора всякого магического.

На Фениной памяти местный городской сменялся один раз. Первый — еще тот, которого с самого начала выбрали — лет пятьдесят как на покой ушел. Теперь должность эту занимал почтенный, пожилой уже домовый Киря. Хороший городской, слова плохого про него никто не говорил, дело свое знал крепко и вполне, по Фениному мнению, мог бы обойтись без советов прочих домовых.

К тому же Феня с Кирей дружил. Киря хорошо знал и родителей Фениных, и его самого сызмальства учил всяким премудростям. Вроде наставника, в общем, был.

К вечеру, собравшись с мыслями да настроившись на общественный лад, Феня привел себя в порядок (ушки почистил, платье парадное напялил, оберегов всяких по карманам распахал) и двинул на собрание.

На чердаке драматического театра, где и проходил совет, уже яблоку негде было упасть от мельтешающих домовых всех мастей! Феня толкучек не любил, ходил на сходы исключительно по необходимости и старался забиться в дальний угол, откуда вроде как все слышно, а тебя никто не видит, вопросами пустыми не изводит. Не всегда, правда, удавалось скрыться от внимательных глаз и лап деятельных организаторов — его

знали очень многие и все уважали, мнения испрашивали, поэтому Киря и другие из главных все время старались посадить его поближе к трибуне.

Вот и в этот раз, хотя Кири пока видно не было, Фома, за сбор отвечающий, заметил Феню, едва тот успел появиться. Феня попытался вжать голову в плечи и сделать вид, что он это не он, но Фома настойчиво махал ему руками, а потом и вовсе крикнул, перекрывая царивший в зале гомон:

— Фе-ня! Фень! Февронтий, не делай вид, что ты меня не замечашь! Дуй суды давай. Не прячься.

Делать нечего. Вдохнув, он двинулся к Фоме, расталкивая самых любопытных.

Тот сердечно, с пугающим даже усердием пожал Фене руку и посадил не куда-нибудь, а рядом с собой. Хуже и быть не могло!

А Киря так и не появился. Начали без него, к огромному Фениному удивлению — какое же собрание без городского?

Слово взял Фома. Домовой крайне деятельный, организованный, но малость туповатый, не самостоятельный:

— Домовые, домовухи и молодые домовята, от лица и прочих частей тела организ... ормагиз... гм, орга-низаторов... — ох, зря Фома пытался умничать, не к его это харе.

— Организаторов, дурень! — поправил кто-то из зала, заставив Феню покраснеть от стыда за Фому. А тому хоть бы хны.

— Благодарствую, — Фома церемонно поклонился. При этом с его макушки слетела шляпа-котелок, обнажив намытую до блеска плешь. Смеху было... Полчаса смеялись, игнорируя все усилия Фомы, который что было сил молотил мельничной ложкой по столу — брямс-брямс. Насилу успокоились, отсмеявши животы до колик.

«Бардак, — грустно подумал Феня, — лучше бы я дома остался».

— Тии-и-и-ха! — орал Фома. — По делу собрали вас, не на потеху. А дело серьезное, сложное и ответственное. Киря, городской наш, того — пропал!

Зал мгновенно умолк. Так тихо стало, что храпевший во втором ряду домовенок, благополучно почивавший под аккомпанемент криков, проснулся от тишины и оглушительно чихнул, за что тут же получил подзатыльник от собственного батюшки.

— Как пропал?! — Феня так и не понял, кто это сказал, вполне возможно, что и он сам.

— А вот так! Тюдуть — и нету Кири. А вам бы, оглоедам, все шутки шутить да байки баять.

И тут уж все загомонили разом. А Феня понял, что сидит с глупо разъяренным ртом и пялится на Фому, словно у того на макушке пальма выросла.

— Тихо! Чего опять раскричались? Не за тем собрались, чтобы попусту ласы точить. Давайте думать, что делать будем.

— О чем думать-то? — донеслось из зала. — Ты, Фома, что-то темнишь. Расскажи толком, что с Кирей случилось. Потом и думать будем.

— А случилось то, что пошел он по делам и не вернулся! По каким делам пошел — не знаю, вроде бы люди стали пропадать в городе. Да не просто так пропадать, не по-человечески, а чудным, явно магическим путем. Вон, Плетень сидит, он подтвердит, потому как с его-то рассказа Кирия и занялся поисками. Так было, Плетень?

— А? А что я?

— Как это, что ты?! Ты нашему городовому жаловался, что человек из твоего дома пропал?

— А-а, ну, я, — промычал смущенный вниманием Плетень, теребя бороду. — Дык, ведь правда! Как есть правда. Пропал мужичок-то. Шел себе из кухни в гостиную и вдруг — хлоп! И нет его. Ну, я тут и скумекал, что нечисть это. Точно нечисть, я-то уж и запах злой почуял, да поздно — мужика моего и след простыл. Я посуетился там, ну, и понял, что не по силам мне самому-то хозяина вернуть. И побежал к Кире. Эх, а мужичок-то хороший был, не обижал никого и крыночку с молоком для меня частенько оставлял.

Плетень пригорюнился, слезу пустил. Хотел вроде еще что-то сказать, да только рукой махнул и на место сел.

Многое Феня мог бы на это сказать — у хорошего домового такого не случится, на то они, домовые, и есть, чтобы всякую нечисть в дом не пускать, а то и гнать ее, коль просочилась-таки. Но вид у Плетеня был такой, что ругать его ни у кого в зале язык не поворачивался — сам, поди, все понимает, вон, как убивается!

— Г-х-м, братья домовые, что делать-то будем? — прервал сочувственное молчание Фома.

Что делать, как водится, никто не знал. Если уж Кирия в беду попал, дело делавши, так кто ж тогда с этим делом справиться может?

— Молчите? — плаксиво упрекнул собравшихся Фома. — А мне-то какво? А? Я вот на вас надеялся, а вы все...

Помолчали. Вновь захрапел домовенок во втором ряду. Крыса, сунувшись было на открытое место, испугалась и юркнула обратно, цокая коготками в перекрытиях.

Феня почувствовал, что больше не может сидеть молча, встал. Все моментально уставились на него полными надежды глазами: Феня умный, он придумает, как быть.

— Вот что, пока Кирия нет, нам нужно выбрать другого городского. Временного.

Лица домовых озарились улыбкой — ну вот, давно бы так.

— Да, пусть Феня!

— Молодец Феня! Ты справишься!

— Февронтий, я всегда был о вас хорошего мнения, рад...

— Мама, а кто это?

— Ну, все, что ли, пошли по домам?

Феня так растерялся, что и сказать ничего не мог. Слова убежали, выветрились, а навалившиеся удивление, страх и возмущение рождали одни междометия. Да и те вырывались из груди хрипами да присвистом.

— Вы чего?! — нашелся он, наконец. — Вы... вы... да я, да как же так?

Домовые Фенины эмоции не поняли.

— Фень, ты что?

— Как это что? А выборы? И почему я?

— А кто? — искренне недоумевая, спросил Фома («убил бы его» — промелькнуло под Фениной папкой). — Ты же сам захотел!

Феня, поняв, что решение проблемы просто-напросто нагло и беспардонно спихнули на его плечи, окончательно потерял дар речи.

А домовые не долго думая уже потянулись нестройной толпой к выходу, один за другим одевая «невидимость», чтобы случайный человек их не заметил.

Уже через пару минут на чердаке драматического театра остались только Фома и новоявленный городской — испуганный и одинокий, еще пять минут назад обычный скромный домовый Февронтий.

— А как же мой дом? — с надеждой в голосе спросил он Фому.

— Не извольте беспокоиться, все устрою лучшим образом! У меня уже есть прекрасная кангдигатура. Молодой, но весьма прилежный домовый, только-только окончивший учебу. С прекрасными рекомендациями, между прочим.

Феня сел на стул, закрыл глаза и понял, что он окончательно пропал.

«А Кирия? Ведь он в беде! Он ждет и надеется на нас. На меня!»

Открыв глаза, Феня увидел себя в зеркале Фомовой лысины — тот склонился к новоиспеченному городовому, прислонившись к его груди. Лысина выглядела обеспокоено, а отражение в ней — откровенно паршиво.

— Э, ты чего? Отвянь от меня! В порядке я. Уже в порядке. Что ж, раз вы все решили, значит, так тому и быть. Я все сделаю. Дело мастера боится, а я дела не боюсь и справлюсь лучше всех! Правда?

— Угу, — Фома, довольный тем, что перекинул проблему на чужие плечи, улыбнулся.

Да, поначалу Феня испугался трудностей. Слишком уж неожиданно они на него свалились. Но, как уже упоминалось, он был домовым (теперь уже городовым) ответственным, поэтому быстро взял себя в руки, засунул страх в мизинцы ног и приступил к исполнению обязанностей.

Что он, нечистой силы раньше не видал? Да раз плюнуть!

Правда?

Итак, схватив ноги в руки, а бороду в зубы, Феня принялся за дело. Перво-наперво он вытряс из Фомы ключик от Киринового кабинета. Тот располагался тут же, на чердаке драматического театра. В пыльном углу, за свалкой старого реквизита скрывалась потайная дверь, за которой, в свою очередь, скрывался узкий лаз в инженерные пустоты. Лаз этот и привел Феню в маленький, но уютный кабинет пропавшего городского.

Что и говорить, Киря не стремился к выпиренному комфорту. Обстановка в кабинете более чем скромная — небольшой старый сундучок из кожи болотного лиха (такой защитит содержимое лучше всякого замка), который служил одновременно и столом и сейфом, складной детский стульчик фабрики «Гандыляна», лучина на бронзовой подставке, чернила, гусиное перо и пучок крысиных хвостов.

Феня уже бывал здесь, и неоднократно, но все никак не мог привыкнуть нагибаться, входя. Дело в том, что он был почти на ладонь (домового, не человека) выше Кири, поэтому постоянно стукался макушкой.

— Ой! Растак тебя в болото!

Потирая голову, Феня с отчаянием смотрел на Кирина сундук. Как же его открыть? А ведь бумаги, надо понимать, именно там, внутри ларца.

Но, нагнувшись, он заметил, что сундук не закрыт. Маленькая деревянная свистулька, всунутая между верхней и нижней частями, не позволяла створкам сойтись. Свистульку Феня отлично помнил — это любимый оберег Кири, который для него сделал еще его дед, тыщу, наверно, лет назад. И оставить ее здесь мог только сам Киря.

«Держись, Киря! Как есть, выручу тебя из беды. Сдюжу, будь спокоен!» — Феня открыл сундук и, придерживая крышку одной рукой, поднял с пола упавшую свистульку. В чем была сила деревянной фигурки (то ли утки, то ли голубя, то ли соловья), он не знал. А знать было бы полезно, но... позже.

А пока, засунув свистульку в карман, Феня откинул крышку сундука и принялся вынимать на свет божий его содержимое. Как он и думал, в ларце нашлась куча густо исписанных каллиграфической кириллицей листочков. Были здесь, правда, и другие прелюбопытные вещишки: несколько пучков засушенной герани, пара подков, моток ниток, сплетенных из шерсти трехцветной кошки, пара склянок с неизвестными Фене порошками и другие, явно преисполненные магического смысла, предметы. Что и говорить — полезный ларец. Но первым делом надо разобраться с бумагами, прочее — потом.

— Так-с, посмотрим, — глубокомысленно просипел Феня, слюнявя указательный палец.

Первым делом он пробежался глазами по всем листочкам и, ориентируясь по датам, педантично указанным в верхнем левом углу, отбросил все явно устаревшее. Остальное пришлось читать внимательно.

Собственно, интересного, после отсева, осталось не так уж много. Всего три листочка. На первом со слов Плетеня было записано то, что Феня уже слышал на собрании. Второй листок содержал записанные подчерком Кири свидетельства опрошенных городовым бродячих кошек, крыс, мелких вампирчиков и пары домовых. На третьем Киря записал то, что сумел подслушать в милиции о пропавших в последнее время людях.

Итак, картина складывалась следующая: пропадали люди! Конечно, оставалось загадкой, сколько из заявленных в милиции пропаж являлись следствием неизвестно чьего магического вмешательства, ведь люди могли исчезать и по вполне обычным, человеческим причинам: кто-то сбежал от семьи, кого-то украли, кто-то... пусть земля ему будет пухом... и тому подобное. Но, как минимум, несколько свидетельств, указывающих на вмешательство потустороннего, в наличии имелось. Люди исчезали вдруг. Идет себе человек, никого не трогает и... хлоп! Исчезает.

Как такое может быть? Без магии — никак.

Оставалось предположить, что Киря попался в те же сети, что и прочие пропавшие. Видимо, Фене предстояло вступить в единоборство с серьезным противником. Если уж он Кирю сумел утащить неведомо куда, то и Фене придется не просто!

— Мдя-я!.. — выдавил из себя Феня, оттопыривая нижнюю губу. — Надо звать Ваську. Без него не обойтись!

Он аккуратно сложил все бумаги назад, оглядел еще раз прочее добро, покоившееся в ларце, и вытащил оттуда пару венчиков герани и моток трехцветных ниток. Подкова у Фени и своя имелась, а с назначением других предметов он был не знаком, так что толку от этого добра не было, даже наоборот — по незнанию можно такого натворить...

Чуть не закрыв сундук, он опомнился — сейчас как захлопнется, и все, больше без Киря не откроем! Только он знает нужное слово.

Эта мысль заставила Феню вспомнить об упрятанной в кармане свистульке. Он засунул гусиное перо, которым писал городской, вместо свистульки, в качестве стопора, и, тут же забыв о ларце, полез за деревянной игрушкой.

Свистулька как свистулька, так сразу и не скажешь, что в ней есть что-то магическое.

— Эх, была ни была! — махнул Феня рукой, и что было сил дунул в свисток.

Фью-ю-ю-и-ить. Фиу-фиу-фиу. Фью-ю-ю-и-ить. Фиу-фиу...

Игрушка залилась задорным свистом, который словно ниточкой протянулся в пространстве куда-то туда, вглубь города. Ниточка напряглась, натянулась и потащила Феню. Будто бы с того, дальнего конца кто-то потянул за нее, подтаскивая домового к себе.

Феня испугался и оторвал свистульку от губ.

— Что за лихо чудное?! — промычал он, настороженно глядя на чудо-игрушку.

Как только «фьють-и-фьюти» замолчали, невидимая ниточка исчезла, вроде и не было ее. Но Феня чувствовал, что стоит ему засвистеть вновь, она появится.

— Не может быть! — просипел он, пораженный догадкой. А не к Кире ли ведет та ниточка?

Ну да, как же иначе? — размышлял Феня. — Точно, к Кире! Это ж его, чтоб меня, дудочка. Дедом дареная, им же заговоренная на поиск своего хозяина.

— Удача, девица-своевольница, спасибо тебе за такое подспорье! — хотелось кричать «ура» и прыгать от радости, но Фене по статусу не положено было столь глупо радоваться. Поэтому он лишь церемонно поклонился на все стороны света, вернул свистульку в карман и побежал домой. На улице уже занималась заря — оказывается, Феня просидел в Кирином кабинете всю ночь.

Всем мало-мальски образованным людям, не говоря уж о домовых, известно, что кошки прекрасно чувствуют все потустороннее. И не только «запах» волшбы, но и ауру всякого рода магических существ.

Да-да, и домовых они тоже чувствуют. Это люди, на обман магический легковверные, домовых не видят, покуда те сами не захотят показаться на глаза. А от кошек не скроешься. А и незачем от них прятаться: пусть собака — лучший друг человека, зато кошки — лучшие друзья домовых! В любом деле подспорье: и схоронку полтергейста отыщут, и на духов всяких укажут, да еще и крыс изловят. А крысы, между прочим, первейшие разносчики сглазов и всякой другой заразы.

Фене живший в его доме кот был не только помощником, но и настоящим другом. Боевым другом! Частенько они в паре гоняли крыс или привидений из младших. Даже полтергейста однажды соседу помогли извести.

О-о, это было опасное предприятие. Полтергейсты есть не что иное, как старые, не до конца развоплотившиеся духовно привидения. Но если привидения сами по себе, как правило, существа не злобные, магически слабые, то полтергейсты всегда безумны, сильны и очень опасны!

Васька — кот боевой, почти бойцовский, ничего не боялся, держал в страхе всех окрестных котов и всегда был готов выступить с открытым забралом против любой нечисти. Громадный, серый в белую полоску (боевой окрас), громогласным мявом своим кого хочешь мог ввести в ступор.

— Вась, кис-кис. Иди сюда, дружище!

— Мрр-мяу, — нехотя отозвался тот, не отрываясь от кучки рыбных хвостов. Хозяйева тоже любили Ваську и часто баловали его копачьими деликатесами.

— Василий! Нас ждет дело, не терпящее отлагательства.

— Мяу? — воодушевился кот, моментально забыв про лакомство. Дело он любил. И чем опаснее оно, тем лучше.

По мере того, как Феня вводил его в курс, глаза кота все сильнее разгорались огнем охотника. А хвост, подергивающийся в такт дыханию, обещал быструю смерть всем врагам! Вася, между прочим, тоже был знаком с Кирей и даже мог считать себя его другом, чего заслуживали очень немногие.

— Мья-а-у-у! — боевой клич, вогнавший в дрожь котов в радиусе доброй версты, пламенем рассек дремлющую тишину! Вася встал на тропу войны!

И, встав на нее, тут же кинулся бежать на встречу с противником.

— Эй, стой! Подожди меня, котяра неумный! — Феня, существо степенное, терпеть не мог этой Васькиной экспрессии. Хотя она, надо заметить, порой добавляла домовому уверенности в сложной ситуации.

Феня чертыхнулся и поспешил за Васькой.

Но на улице коту все же пришлось дожидаться, пока домовая догонит его — пришло время воспользоваться волшебной свистулькой.

Фью-ю-ю-и-ить. Фиу-фиу-фиу. Фью-ю-ю-и-ить.

Ниточка, появившись из ниоткуда, настойчиво тянула Феню на запад, к окраине.

— За мной! — бросил он Ваське и побежал.

Ох, нелегкое это дело, бегать в утренний час пик по городским улицам, кишащим толпами людей. Феня-то ладно, его никто не видит, лишь удивленно оглядываются, когда домовая сталкивается с кем-нибудь. Хотя ведь и затоптать могут! А вот Ваське постоянно приходилось уворачиваться от пинков честного народа, справедливо негодующего на наглость кота — тот не гнушался вскакивать на плечи, сумки, дипломаты и авоськи, превращая процесс в бег с препятствиями.

А бежать пришлось долго. Феня, запыхавшись, плелся уже еле-еле, держась за бок. И даже непробиваемый Васька бежал из последних сил. Но, как заведено, у всего есть конец — гонка за нитью завершилась в недалеком пригороде, во дворе большого П-образного дома.

Нить здесь просто взяла и оборвалась!

Однако никаких следов Кири в этом дворе при первом беглом осмотре домовая с котом не обнаружили.

— Мяу? — удивленно вопрошал Васька, глядя на Феню.

— Кабы я сам знал, что делать дальше, — ответил ему домовая, задумчиво почесывая макушку. — Надо понимать, Кирия пришел сюда, непонятно, кстати, зачем, а потом что-то случилось, и он исчез. Только не спрашивай куда! Не знаю.

— Мя-а-у, — презрительно заметил Васька, усомнившись в умственных способностях своего друга.

— Ну, знаешь ли!.. Если ты такой умный, давай, предлагай, что делать, — надулся Феня.

Васька только фыркнул в ответ и побежал куда-то, деловито принохиваясь.

«Почуял что-то, паразит! — понял Феня. — И молчит, негодяй, цену набивает...»

— Ф-ф-ф-ф-ф, миа-а-а-ау-у! — ощерился, вдруг Васька.

— Что? Что ты вынюхал?

— Мяу-мяу-мяу, мяу, ф-ф-ф-ф, — сбивчиво объяснил кот.

— Ага, значит, ты почувствовал след магической твари?! — злорадно потирая руки, воскликнул горе-городовой. — Скорее всего, дух, говоришь? Сильный? Ну, и пусть ему — мы сильнее. Интересно только, откуда он взялся, такой наглый?..

Духи, вопреки распространенному среди людей заблуждению, совсем не то же самое, что привидения.

Привидения — это просто-напросто неупокоенные души умерших. Причина неупокоенности может быть самая разная: от незаконченности пребывания до беспрдельного по жестокости умерщвления будущего привидения.

А духи, сиречь отображения душ, это тени проникших в наш мир существ. Живых существ. Каким образом проникших? Конечно же, магическим. Чаще всего это сильные или не очень сильные маги других миров, сумевшие перекинуть мостик для перехода своей души, но не сумевшие перенести тело.

Не всегда это происходит по злой воле духов. Частенько они попадают в наш мир трудами наших же магов — ведьм и ведьмаков. А то и через открытые доморощенными спиритами порталы. Поэтому часто это всего лишь тени случайно попавших к нам душ, которые не могут выбраться обратно в свой мир самостоятельно. Что в это время происходит с их телами, сказать сложно. Этот вопрос не изучен до конца.

Вот и бродят, случается, растерянные, напуганные отражения по нашему миру, озлобляясь и творя пакости по мере сил своих, добавляя работы домовым и городовой. Однако на Фениной памяти не было ни одного случая, чтобы духи как-то куда-то умыкали живых! Ну, пошуметь, напугать, гадость подстроить — это да. Но не более.

Но вернемся к нашим злоключениям.

Васька, напав на след духа, мяукнул Фене: «следуй за мной», и побежал, удерживая нос по ветру.

«Опять бежим, словно опаздываем куда...» — грустно подумал Феня, семена ножками. Не спортивный он домовый, что и говорить.

Но на этот раз мучения его закончились быстро. Васька влетел в один из подъездов того самого П-образного дома, стрелой поднялся на второй этаж и замер перед обитой коричневым дерматином дверью. Хвост кота нервно подергивался от нетерпения.

Запыхавшийся спринтер Феня, не мудрствуя лукаво, просто взял и постучал. Его-то все равно не увидят, а он сможет пробраться в квартиру, пока дверь будет открыта.

Если ее вообще откроют.

Открыли!

И тут же, даже не взглянув на хозяина квартиры, городской со своим боевым котом влетели внутрь, просто-напросто отпихнув в сторону открывшейся дверь.

— Вот те на! Домовой и кошка...

— Мау! — оскорбился Васька. Он не кошка, он — кот!

А Феня оторопело уставился на задвигавшего засов молодого человека. Как? Он его увидел?

Молодой человек, впрочем, был удивлен едва ли не сильнее домового, хотя и по другому поводу.

— Ты кто? — растерявшись, в лоб спросил городской.

— Николай, — юноша подтянул старое трико, будто смутившись домового, и продолжил. — Вы не удивляйтесь, я знаю, что не должен видеть вас. Вернее, был бы не должен... то есть... не видел бы, если бы не был ведьмаком. То есть, я и, будучи ведьмаком, мог бы не видеть, если бы не готовился увидеть... э-э-э... то есть, я хочу сказать, что ждал...

— Нас?!

— Не-е, не вас. Того, другого...

— Духа?

— Точно! Да, духа...

Николай виновато замялся и окончательно сбился, бормоча что-то себе под нос, «тоестькал», надо полагать.

— Та-ак, — к Фене вернулась его всегдашняя уверенность, и он приступил к допросу... свидетеля. А Васька, подозрительным своим глазом прищурившись, показывал Николаю, что шутить не стоит — он следит! — Значит, ведьмак. Ясенько. А какое вы, уважаемый, имеете отношение к духу? И можно ли глянуть на ваш ведьминский диплом?

Николай, выслушав Феню, окончательно поник и скукожился.

— Нет у меня диплома, — вздохнул он, — я еще учусь.

Домовой с котом не посчитали нужным повторять вопрос о духе, но с нетерпением ждали ответа, о чем красноречиво свидетельствовало их глухое молчание.

Молодой ведьмак-недоучка тяжело вздохнул и присел на краешек дивана. Будто он был тут не хозяином, но гостем.

— А дух... Короче, я тут экспериментировал... по книжкам, ну и — вызвал этого духа.

— Экспериментировал? — взорвался Феня.

— Мяу?! — вторил ему Васька.

— Что значит экспериментировал?! Разве тебе не объясняли, дурню разэтакому, что создавать проход в другие миры с целью установления магической связи и удержания потустороннего существа разрешено только дипломированным ведьмам и ведьмакам, или же практикантам в присутствии дипломированного, опять же, наставника? Разве не учили тебя, что шутки с выходами в другие миры могут плохо закончиться? Что молчишь? Отвечай! Кто дал тебе право...

— Да знаю я, знаю! — со слезами в голосе закричал Николай. — Знаю! Но очень хотелось, а эта практика у нас только через два года будет. Я думал, сам смогу, по книжкам!

— Думал он...

— И смог! Я смог! Только вот, не удержал, — выдохнул молодой ведьмак, размазывая непрошенные слезы по щекам. Видно было, что ему

стыдно — за поступок свой безответственный стыдно, за слезы, мужчины недостойные.

Фене стало жалко мальчика (Фене, но не Ваське — тот продолжал глядеть на «подследственного» зверем).

— Ну, ладно, — проворчал городской, — чего уж теперь-то кручиниться. Натворил ты делов, конечно... нечего сказать. И дух-то какой зловредный попался, ужась прям. А ты давай заканчивай со слезами и дальше говори. Что было потом?

Николай, хлопая носом, продолжил:

— Обложился я книжками, сделал все, как надо, открыл портал, вызвал духа. Мне все равно было, кого вызывать, поэтому даже не знаю, что за мир, и кто этот дух у себя там...

— Ф-ф-ф, — презрительно бросил Васька.

— Не перебивай! — шикнул на кота городской.

— Так вот, вызвал, значит, духа. И только я отвлекся на секунду — в книжку глянул, посмотреть, что дальше делать, — поднимаю глаза, а его уже и след простыл.

— Ну, как же так? Ведь, ясное дело, сначала защиту возведи и лишь потом магию твори! Ох, прости. Все, не перебиваю. Говори.

— Но я же!.. — начал было оправдываться Николай, но сам себя одернул и вернулся к рассказу. — В общем, исчез он. А я подумал, что дух просто улизнул обратно в свой мир, и успокоился. Однако через несколько дней, когда я уже и думать о нем забыл, вдруг почувствовал — кто-то или что-то появилось в комнате. Огляделся, никого не увидел. Но обеспокоенность не проходила. И тогда я задействовал «второе» зрение, которому нас уже успели научить — чтобы мы могли видеть домовых, привидений и других невидимых, с которыми приходится иметь дело в процессе обучения. Вы же знаете, у нас половина преподавателей — домовые.

Так вот, даже «вторым» зрением я смог различить лишь контуры тени. Но все равно я сразу узнал его! Это был тот самый, вызванный мною дух! Я, конечно, переполошился, хотел что-то сделать, чтобы удержать его, но он шмыгнул в угол и исчез.

Ночью я спал очень беспокойно, все переживал... Но потом убедил себя в том, что дух больше не вернется и заснул. Однако уже утром я видел его снова. И опять он появился и тут же исчез! Я хотел рассказать об этом кому-нибудь и уже совсем собрался идти к профессору нашей кафедры. Честное слово! Я просто не успел — вы пришли. А что, дух что-то натворил, да?

— Натворил? Еще как! У нас есть все основания полагать, что выпущенный тобой «джинн» не дворцы строит, а людей похищает! И самое главное — его трудами пропал наш голова, городской Киря. Слышал о таком?

Николай опустил голову. Он-то слышал. Именно городской выдает ведьмакам грамоты, разрешающие их деятельность.

— Так, кажется, все проясняется. Ты как думаешь, Васька?

— Мяу, — согласился тот. — Мяу-мяу, м-м-мяу!

— Ага, значит совсем все понятно. — Феня высочил на середину комнаты и принялся ходить туда-сюда, дирижируя обеими руками. — Молодой, недоучившийся ведьмак... Кстати, сколько тебе лет?

— Двадцать.

— Очень молодой и глупый ведьмак открывает проход в другой мир, позволяя таким образом некоему духу проникнуть в наш! Удержать он его не может, поэтому дух уходит по своим делам. Что и зачем ему надо — непонятно, но дух начинает утаскивать людей. Видимо, в свой мир!

— Зачем?

— Не знаю. Не перебивай. Это пока неважно. Главное, что утаскивает. Сильный, видимо, маг, раз способен, не воплощаясь здесь телесно, творить такую магию, которая позволяет перенести живое создание из одного мира в другой. Но вот беда — сам себя, вернее, свою душу, он перетащить туда же не может! Самого себя за уши не поднять, сколько ни старайся. В итоге дух вынужден каждый раз возвращаться в квартиру горе-ведьмака, чтобы воспользоваться открытым мальчиком проходом в свой мир. Благо мальчик достаточно глуп, чтобы не понимать всего этого и не видеть, что через открытые им двери туда-сюда шпастает дух-маньяк.

— Откуда вы знаете, что дверь у меня тут... открыта?

— А мне Васька сказал. Вон там она, в углу.

— Ох-х-х, — выдохнул Николай. — И что же теперь делать? Срочно закрывать проход?

— Ты что? Ни в коем разе! Ведь это единственная ниточка, которая связывает наш мир с тем, в который утащили несчастных людей и Кирию! Нет, теперь нам надо придумать план.

— Мяу! — воинственно согласился Васька.

И они стали думать.

— Ф-ф-ф! — еле слышно ругнулся Васька.

— Да не соплю я! — шепотом ответил Феня.

Засада — штука сложная. Это только со стороны кажется, что нет ничего проще, чем сидеть тихонечко в укромном месте, стараясь не шуметь. Но когда проходит первый час, когда ноги затекают до бесчувственности, когда от упорного бдения перед глазами начинают плыть разноцветные бублики и баранки... Нелегкое, короче, это дело.

Но необходимое. Так они решили коллегиально, других вариантов нет. Николай теперь изображал себя же, но ничего не подозревающего. Сидел, уставившись в экран телевизора. Излишне напряженно, правда, сидел и, скорее всего, ничего в этом экране не видя, но для духа и так сойдет.

А вот Фене приходилось хуже — он-то, скрючившись, за шифоньером притулился. Крайне неудобное место, но зато скрытное, для засады подходящее. Васька пристроился тут же, рядом с другом.

Ловушка, простая и гениальная в своей простоте, ждала, раззявив пасть, свою жертву — духа. Первым делом Васька как можно точнее определил место разрыва, сиречь проход в иной мир. На это место Феня положил (хорошо, что проход был открыт не под потолком где-нибудь, а прямо-хонько на уровне стола, что стоял в углу) свой главный оберег — подкову. Теперь преступник не сумеет воспользоваться этой «дверью». Конечно, самым надежным в этом случае средством стала бы трехцветная кошка (всем известно, что для духов нет ничего страшнее), которая в нужный момент просто прыгнула бы к проходу, закрыв его собой, но трехцветной кошки не было. А Васька на подобное замечание только фыркнул — он боевой кот! А боевому коту пристало носить лишь один окрас — серо-полосатый. Поэтому обошлись подковой.

Затем Феня подпалил благоразумно захваченный с собой пучок герани (не терпят духи герань, почти так же сильно, как и трехцветных кошек) и очертил вокруг заткнутого подковой прохода большой круг, не замкнутый с той стороны, откуда, по заверениям Николая, дух и появлялся каждый раз. Городовой намеренно разомкнул линию, чтобы дать «птичке влететь в клетку».

Итак, оставалось только ждать.

Минуло три часа, Феня окончательно потерял бдительность и чуть было не заснул, как дух явился!

Первым опасность почувствовал Васька — кот не сдержал эмоций и начал шипеть. Феня вздрогнул, но отреагировал незамедлительно, зажав рукой Васькину пасть. Почувствовал ли дух Николай, оставалось непонятным, так как пришелец застыл за спиной молодого колдуна. Но главное, что Николай никак не реагировал, а значит, вел себя соответственно плану.

Дух замер, не переступив пока незамкнутого круга. Может, заподозрил чего? Не должен был вроде как.

Феня, не отрывая руки от Васькиной пасти, вперился взглядом в злодея, но ничего не предпринимал. Сам того не замечая, он даже перестал дышать, превратившись в статую. А дух, видимо, таки что-то почувствовал, так как начал принохиваться, водя головой из стороны в сторону. Кстати, выглядел он обыкновенно, как человек. Правда, лысый и тощий, но не более того. А то ведь бывает, такие страшилища попадают...

Феня так бы, наверное, и задохнулся, боясь зашуметь, но дух не позволил ему этого сделать. Мотнув полупрозрачной головой (таким его видел домовой, для обычного человека тот был невидим), преступник вступил в круг, направившись к закрытому подковой проходу.

— Мя-а-а-у! — разразился боевым криком Васька, как только городовой отпустил его. Дух кинулся сначала к подкове, отшатнулся, бросился обратно, но не успел! Феня уже замкнул круг.

Ступив на линию, преступник зашипел от боли и отступил. Еще раз повернулся к подкове, а потом опять к черте и опять к подкове.

— Ишь, суетится, нечисть! — взволнованно подпрыгивая на месте, крикивал городской.

— Мяу-у! — согласился кот, кровожадно поглядывая на пойманного.

— А он точно не вырвется? — подал голос Николай, про которого охотники совсем забыли в пылу атаки.

— Не должен. Не вырвется. Герань его крепко держит! А подкова надежно закрывает проход в его мир. Никуда он не денется, покуда мы не позволим. А теперь мы будем его пытаться!

Николай поблел. Довольный Васька утробно заурчал. А Феня достал из-за пазухи ветку герани, привязал ее к нитке и бросил, метя в духа.

Попал!

Жертва заверещала, отскочила в сторону, шипя и ругаясь на неизвестном языке. Вот только бежать ей было особо некуда — круг маленький, далеко не убежишь.

— А ну, выкладывай, кого утащил к себе?! И давай, чтобы четко, астральные идентификаторы выкладывай!

Дух не ответил, и Феня, подтянув к себе веточку герани, бросил ее снова. Сами они черту не переступали, чтобы не оказаться во власти пойманного, который, судя по всему, был достаточно сильным магом. Но без непосредственного контакта ничего он им сделать не мог.

Феня повторял свой вопрос снова и снова, подкрепляя слова обжигающей тень иномирца геранью. Им необходимо было узнать идентификаторы — только так можно найти и вернуть тех, кого утащил к себе злой маг. Конечно, можно было бы еще попросить злодея самому вернуть всех, но едва ли это оказалось бы разумным. Перенести живое существо из одного мира в другой дух, то есть тень живого, не способен. Для этого надо было, чтобы волшебство творил хозяин тени. Дух же мог только определить тот самый идентификатор существа в нашем мире и передать его в свой. А уже по идентификатору-то сам колдун (а не его тень) и вытаскивал свои жертвы в свой мир. Феня не знал, мог ли колдун вернуть людей, пока его дух оставался в заложниках. А отпускать духа означало потерять единственный инструмент воздействия на злодея.

Значит, возвращать украденных им предстоит самостоятельно. Но для этого надо выпытать у духа идентификаторы. Раньше их еще называли метками. Это тот набор символов (отображаемый только рунически), который уникален для каждого живого существа во вселенной.

Дух был крепок духом. Сдался далеко не сразу, пришлось попотеть. Но, в конце концов, он выложил все, что требовалось.

Феня очертил еще один круг, поменьше, так, чтобы он касался первого. Потом аккуратно, чтобы злодей вдруг не достал его, стер общую для двух окружностей линию — получился как бы недоделанный снеговик. Духа заставили перейти в малый круг и заперли его там. Все это было необходимо, чтобы получить доступ к порталу.

Теперь негодай заключен в одном круге, а портал в другом.

— Ну, тепер ты, — кивнул Феня Николаю.

— Я? А что я?

— Как это что? А кто, по-твоему, будет вызволять пропавших?

— Я-а д-думал, вы... — заикаясь, удивился ведьмак-недоучка.

— Вот еще. У меня не тот профиль! Ты бед натворил, тебе и расхлебывать.

— Мяу!

— Вот-вот, правильно Васька заметил — мы и так уже за тебя почти все сделали.

— Но я же...

— Знаю, недоучка ты! И без лицензии. Но так как я временно исполняю обязанности городского, то один раз я тебе поколдовать разрешаю. В моем присутствии. Давай-давай, тащи свои талмуды.

Николай вздохнул и послушно, даже как-то обреченно, снял с полки учебник магии параллельных миров.

Конечно же, Феня ему помогал по мере сил. Но основную работу делал все-таки сам молодой ведьмак. Ведь домовый не врал, он плохо был знаком с приемами этой области. Пента- и гектограммы там всякие, руны и прочая белиберда — все это не шибко нужно домовому.

Процесс затянулся до утра. Васька откровенно скучал, Феня вконец умаялся и лег на диван до времени. Дух мрачно наблюдал за Колиными манипуляциями. Но с первыми лучами солнца результат, наконец, был достигнут!

В комнате раздался ряд хлопков, и вокруг Николая материализовалось несколько фигур. Пять человек, один домовый, две кошки и даже одна опарашенная крыса, которая тут же юркнула куда-то вбок и была такова. Кошки, также основательно обалдевшие, пришли в себя быстро и были выгнаны Васькой на улицу.

А вот люди продолжали недоуменно хлопать глазами и вертеть головами, отказываясь верить в происходящее. Пришлось валяющемуся с ног от усталости ведьмаку выводить каждого под руки сначала во двор, а потом всех вместе на остановку троллейбуса. Впрочем, сомнительно, что те придут в себя, даже оказавшись дома.

Но Феню это мало волновало, он был уверен, что с людьми ничего страшного уже не случится — доедут до дома на автопилоте. А не доедут, так милиция подберет. Могут, конечно, и в больницу для психических засунуть, но то уже была не Фенина забота.

Он, позабыв обо всем, тискал в объятиях Кирю! Тот тоже пребывал не в лучшей душевной форме, растерялся, но покорно позволял обнимать себя и даже не гнал подлизывающегося Ваську, настойчиво обтирающего его ноги.

— Киря! Как же так?! Как же ты попался в лапы этого злодея?

— Да-а... я-я... так уж вот... случилось. Хряск! Уф-ф-ф, — кричал Киря. Стойко сносил он радость своего друга, чьи лапищи, тискам подобно, мяли его бока. Сносил стойко, но сказать ничего путного не мог.

— Эх, да что ж это я! — попенял на себя Февронтий. — Что ж это я тебя замученного все на ногах держу, да расспросами мучаю. Все-все-все, все разговоры потом! Давай, садись вот сюда, на диван. А еще лучше — ложись. Отдыхай. А нам тут еще закончить надо.

Николай как раз вернулся из ванной комнаты, где приводил себя в порядок после сумасшедшей ночи. Теперь он вновь был бодр, причесан и красив: негоже начинающему ведьмаку в растрепанном виде находиться в обществе почтеннейшего домового города.

— Ну, что будем делать дальше? — деловито спросил Николай. Он разительно переменялся: поверил в свои силы и держался гордо, почти надменно. А как же — ведь это он провернул такое сложное колдовство! Причем, провернул успешно, на твердую пятерку. Если бы еще забыть о первопричине всей этой заварушки...

— Так-с, теперь будем гнать духа взашей из нашего мира и запечатывать наглухо кое-кем по глупости и из праздного тщеславия сотворенную «дверь»!

Николай сразу погрузился — не дали насладиться моментом, сбили спесь.

А Феня будто и не заметил ничего, деловито раскладывал перед собой найденное в Кирином ларце богатство — клубок ниток, свитых из шерсти трехцветной кошки, и ветки герани. Выбрав ветку потолще да покрепче, Феня заточил ее ножом (дух настороженно за сим наблюдал) и привязал к ней с тупого конца трехцветную нитку. Получилось что-то вроде большой, неуклюжей иглолки.

— Ну, господин злодейский дух, не пора ли вам домой?

— Мяу! — кот облизнулся, кровожадно подергивая хвостом.

Дух, казалось, побледнел.

— Нет, Васька, не будем мы его мучить. Пусть катится себе спокойно в свой жестокий мир, а мы останемся здесь и забудем о нем, не запятнав себя недостойным поведением.

Вася был не вполне согласен с доводами своего боевого друга и в душе корил того за мягкосердечие, но спорить не стал.

А Феня перерисовал гераниевые крути так, чтобы дух смог пройти к portalу в свой мир, дождался, пока злодей исчезнет в щели этого портала, и принялся мелкими стежками зашивать проход, пользуясь своими импровизированными магическими швейными принадлежностями.

Трехцветные нитки, которые удивительным образом держались в воздухе, будто бы ими сшили что-то вполне материальное, домовой сжег, закрыв таким образом проход в «мир иной» на веки вечные. В этом, по крайней мере, месте.

Потом они ушли. Втроем. А перед уходом Феня не поленился еще раз пожурить Николая за его безответственный поступок. Однако, выговоривши порицание, домовый вдруг залез на стул, рядом с которым стоял Николай, и обнял молодого ведьмака.

— Из тебя выйдет толк, ведьмак.

— Мяу, — благосклонно согласился Васька.

— Спасибо вам! — только и смог пробормотать Коля в ответ.

Зал собраний (чердак театра) едва смог вместить в себя всех желающих. Обыкновенно далеко не все даже из тех, кому надлежит, являются на сход, поэтому проблем с местами раньше не возникало. То есть, тесно-то было каждый раз, но это больше от суетливости, непоседливости некоторых молодых домовых, а не от нехватки места. Сегодня же чердак просто ломился! Пришли все, и пришли вместе с друзьями (кошками, бурундуками, горностаями, хомяками и прочими), женами, детьми и залетными гостями из других селений-городов. Гам царил невероятный.

Феня опять сидел по правую руку от председательского места, но на сей раз оно не пустовало — его по праву занимал Киря, всегласно выбранный городской. А Фома, с самого их возвращения не перестающий глупо, но счастливо улыбаться, устроился слева от Кири, добровольно отдав свое место Фене.

Васька тоже не обошел вниманием собрание, почтил всех своим присутствием, и даже благосклонно позволил некоторым уважаемым домовым погладить себя. Кот устроился у ног Февронтия и, глядя снизу вверх, снисходительно наблюдал за суетой в зале.

Наконец, все устроились. Гул утих, и Киря поднялся со своего места.

— Друзья! Я благодарен всем вам за то, что вы не растерялись и приняли правильное решение, когда узнали о том, что я пропал. Временно назначив Февронтия на мое место, вы спасли не только меня, но и тех людей, что попали в жуткую переделку вместе со мной.

— А что было-то?..

— Да-да, что за напасть такая?..

— Какой злодей...

— Тихо, успокойтесь, сейчас все расскажу, — усмиряющее поднял руки Киря. — Итак, все началось с того, что ко мне пришел Плетень и рассказал о своей беде. Думаю, все вы уже знаете, о чем идет речь.

Раздалось дружное «Знаем!».

— Я так и думал, — улыбнулся городской. — Естественно, я попытался разобраться в произошедшем. Опросил кое-каких свидетелей, поискал информацию в милиции и пришел к выводу, что кто-то, скорее всего, дух-инномирец крадет людей, утаскивая в свой мир. Кроме того, безобразия происходили примерно в одном и том же месте. На окраине города. Собственно, как раз там, где живет наш уважаемый Плетень. Вооружившись всем необходимым, я решил обследовать «злое» место лично. И так неудачно получилось, что дух — а это оказался именно дух, а не кто-нибудь еще — вышел на охоту как раз в тот момент, когда я был там. Мы заметили друг друга, и он, не раздумывая, напал. Но мы, домовые, тоже не лыком

шиты! В моих карманах нашлась и подкова и веточка герани, захваченная как раз на такой случай.

И вот, злодей пытался коснуться меня, чтобы, как теперь понятно, определить мой идентификатор и отправить в свой мир, а мне успешно удавалось противостоять ему, отмахиваясь веточкой чудодейственной герани и своей именной подковой. Противник, поняв тщетность своих усилий, отступил. Но тут, на беду, мне под ноги попался камень и я грохнулся!

В зале кто-то шумно выдохнул. А Киря, выпив воды, продолжил:

— Так вот, я упал. Упал и выронил свои обереги. Дух тут же воспользовался этим и коснулся моего плеча! В глазах потемнело, и через мгновение надо мной уже нависали каменные стены мрачного подземелья! Да, злой колдун другого мира заключал всех украденных в казематы. Слава богу, я так и не узнал, зачем ему это было нужно.

Люди находились тут же, я почувствовал их присутствие в соседних камерах. Все мы были заключены поодиночке. Злодей также выкрал и пару кошек, которые, видимо, пытались ему противостоять, — смелые создания.

— Мяу! — вставился Васька.

— Кошки испуганно мяукали, люди что-то кричали, потеряв самообладание, однако никакого внимания со стороны пленителя это не вызывало. Положение казалось отчаянным! Но закончилось все самым удачным образом. Пшик — и все мы оказались в квартире некоего молодого ведьмака. Вместе с хозяином квартиры нас ждали и главные спасители — Февронтий и Василий. Вот они, перед вами! Именно благодаря их героическим усилиям все закончилось благополучно для попавших в беду. Для меня в том числе. И у меня не хватит слов, чтобы выразить все то...

— Феня молодчина! — перебили Кирю.

— Нет, не молодчина — герой!

— Ура Фене!

— Не зря мы его в городовые-то! А кто придумал-то, а?

— Ты, что ли?

— А кто ж?!

— Да уж не ты...

— Феня!

— Феня-Феня-Феня! — скандировало распаленное общество.

Феня встал со своего места и смущенно поклонился. Но домовые не унимались, требовали дать слово герою. Пришлось подчиниться.

— Друзья, я хочу сказать, что всего лишь... по мере своих скромных возможностей... — он никак не мог найти нужных слов, теряясь и краснея под пристальными взглядами благодарных сородичей.

— Ура городовому! — решил кто-то поддержать его.

— Ура! — грянуло собрание. Бедный драмтеатр...

— Ну, что же вы?! — Феня замахал на них руками. — Какой же я городской? О чем вы все говорите? Я всего лишь временно замещал Кирию, настоящего городского, а теперь он вернулся! И...

Зал замолчал. Он молчал недоуменно и даже как-то обиженно.

— Как это не городской? — вышел вперед один из тех домовых, что жили в самом центре города. По традиции «центровые» сидели в первых рядах и частенько говорили за всех, даже когда их об этом не просили. Но сейчас, похоже, с ним были согласны все собравшиеся. — Это что же? Мы разве ж зря или попусту в прошлый раз назвали тебя городovým? Неужто наше слово боле ничего не значит? А?

— Да! Мы же выбрали! В прошлый раз!

Похуже, растерялся даже Кирия. А уж Феня так совсем не находил себе места.

— Так Кирия же... — робко промямлил он.

— Мяу!!! — крикнул Васька, вскочив на стол.

— Феню в городové! — подхватил «центральной».

— Феню! — подтвердил зал.

— Февронтий достоин, — кивнул Кирия. Феня посмотрел на него, как бы извиняясь, но наткнулся на улыбку, в которой ясно читалась гордость за друга и сына друзей.

И Февронтий понял, что участи городского ему не миновать. Никак.

«Но Ваське я такой подлянки никогда не прощу! Эх, прощай спокойная жизнь...» — подумал он и крикнул:

— Ну, хорошо! Я согласен! — но его уже никто не слушал. Все решено — пора домой. Как раз к вечернему чаю...

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ, АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ

Материалы литературного семинара в Партените
(май 2009 г.)

ЗАНЯТИЕ ВОСЬМОЕ

Вопрос из зала: А давайте про фэнтези поговорим немножко.

Андрей Валентинов (*смеясь*): Не надо!

Вопрос из зала: Потому что вы говорите, что фэнтези — это плохо?

Андрей Валентинов, Дмитрий Громов, Олег Ладыженский: Кто говорит?!

Голос из зала: Все говорят!

Андрей Валентинов: Покажите нам этого человека!

Вопрос из зала: А как написать хорошую фэнтези? Чтобы сказали: «Вот, он пишет фэнтези — это да...»

Андрей Валентинов: Не были вы в моей группе! Мы этому целое занятие посвятили — эльфам и ведьмочкам. Рецепт лежит на поверхности: придумайте свой мир, а не пытайтесь обезьянничать у классиков и неклассиков, и даже подражателей классиков и неклассиков. Не берите образы, которые придуманы не вами и не народным фольклором, а известными писателями. Когда я вижу эльфа — не маленького, кружащегося над поляной, а мужика, который сам себя клонирует и еще с луком, я понимаю: это — вторично, даже пятерично. Потому что такого эльфа придумал Толкиен.

Дмитрий Громов: А потом у Толкиена слязмила еще куча народу.

Андрей Валентинов: Когда я вижу Порри Гаттера в магической школе, это — чужой образ. Когда я вижу орка, который не является представителем фольклора, а является изобретением Профессора, когда я вижу гоблина не в виде маленького гномика в камине, который пьет дыхание детей, а в виде огромного чудовища — привет «Хоббиту»! Когда персонажи не ваши — плохо. Придумайте свой мир, своих персонажей, так, чтобы это не узнавали. Можно заменить хоббита на крокодилола, однако все всё поймут, если у него ноги волосатые, и живет он в норке.

Дмитрий Громов: Можно брать фольклорных персонажей.

Андрей Валентинов: Фольклорных — не можно, а нужно.

Директор: В «Заповеднике гоблинов» Саймака гоблины совсем другие.

Андрей Валентинов: Честь и слава Саймаку! Для начала — пускай ваш мир и ваши герои будут ваши, а не взятые напрокат.

Дмитрий Громов: Если брать из мифологии и фольклора, хорошо бы откапывать не самых известных персонажей. Мировой фольклор бездонен, в нем много интересного.

Директор: Мифологический словарь — классная вещь.

Дмитрий Громов: Как правило, в девяноста процентах фэнтези используется три процента существующих фольклорных существ. Поэтому — попадите в десять процентов фэнтези, которая использует остальные девяносто семь!

Андрей Валентинов: Не пишите квест! Не пишите приключения главной героини — загадочной, красивой, неотразимой. Или такого же героя. Не пишите приключения ради приключений. Вот здесь он победил того, вот здесь понял этого и так далее. Это — большой соблазн, хочется показать, какой герой молодец. Пишите, чтобы был сюжет. Сюжет должен быть не детским, а взрослым, серьезным. И у эльфов бывают проблемы. Как если бы вы писали фронтовую повесть или семейный роман. Не играйте, а пишите про жизнь. Говорите в полный голос.

Вопрос из зала: Но мы фэнтези почему-то рассматриваем больше с точки зрения героев. Не пишите эльфов... А если мы берем, допустим, наш мир, не придуманный, берем наших героев, но явления, происходящие с ними, не объясняем, с точки зрения научной фантастики, а объясняем магией...

Андрей Валентинов: Это — не фэнтези, это — городской роман.

Олег Ладыженский: Здесь нет предмета разговора. Почему? Нет плохих направлений, нет плохого фэнтези и хорошей НФ, нет хорошей НФ и плохой городской мистики... Поэтому ответ на вопрос «Как писать фэнтези?» — пишите точно так же, как и любое другое литературное произведение. Никаких отличий нет.

Дмитрий Громов: А если хотите внести волшебное, сказочное допущение — сколько угодно.

Андрей Валентинов: У меня нехорошее предчувствие, что пойдет слава, будто на нашем соннике призывали молодых авторов не писать фэнтези. Пишите! Мы не проклинали эльфов и ведьмочек, а показывали нелитературность приемов.

Олег Ладыженский: Можно чудесно написать про ведьму. Блестящее произведение Фрида Лейбера — роман «Ведьма». Герой — преподаватель математики в школе. Женат, счастлив в семье. И вдруг выясняет, что все женщины — ведьмы, и это — не преувеличение, а абсолютная правда, просто мужчины об этом не знают. А? Интересно?! И едва его жена случайно мужу об этом рассказывает — она мгновенно исчезает, а ему приходится воевать со всеми окружающими женщинами. У него начинаются сложности в жизни...

Андрей Валентинов: Позвольте привести пример из классики — Квитка-Основьяненко (классик украинской литературы, писавший также

и на русском языке), повесть «Конотопская ведьма»! Почитайте — вот это триллер, фольклорный материал, ведьма — настоящая. Так что про ведьму можно и нужно писать, ибо уже написано, и еще можно. Но пишут же не о ведьме, а о ведьмочке! Не портрет автора и читателей, а образ, в котором они хотят себя увидеть: красивая, неотразимая, чарующая, победительница. Какое отношение это имеет к литературе?

Олег Ладыженский: Почитайте роман «На берегах Ярыни» Кондратьева. Там такие ведьмы! Такой фольклор! Сразу задумываешься, как хорошо быть этой ведьмой и летать на шабаш! На шабаш — утомительно, первое, что они делают на шабаше — целуют козла-Сатану в зад. Там очень хорошо прописано, как сидит этот великий козел в кресле... А в кресле дырка! И каждая ведьма на четвереньках между ног у козла лезет туда... Это — обряд. Поди не поцелуй! И она залезает в ожидании, как она увидит сейчас задницу козлиную, и ее надо целовать... А вместо задницы видит лицо Сатаны, которое ужаснее, чем гипотетическая задница! Сразу понимаешь, как хорошо живется ведьмам!

Андрей Валентинов: Брюсов, «Огненный ангел».

Олег Ладыженский: Какая там ведьма прекрасная! Сразу вспоминается, что, когда ведьма на метле выше, чем надо, залетает, то ее ангелы сбивают, как истребители!

Андрей Валентинов: А не приведи Господь, ведьме надо умирать! Это сложнее, чем жить!

Олег Ладыженский: Если дар не передался, надо крышу дома разбирать и, может быть, тогда... И за ней еще и приходят!

Андрей Валентинов: Здесь ведь не про это, здесь комплекс сублимируется!

Олег Ладыженский: Великолепный материал, блестящий. А есть еще ведьма робленая и роженная. Сделанная и рожденная. Рожденную спасти нельзя. Ад с гарантией. Сделанную (обычно матери *делают* дочек) — можно. Но трудно.

Андрей Валентинов: Разберитесь в этом и пишите. А насчет эльфов — узнайте, кто такие эльфы на самом деле, и напишите. Поверьте, все решат, что вы открыли новый мир. У них свое царство, свои традиции, очень жестокие.

Олег Ладыженский: Смотрите, сколько интересного о фэнтези мы вам сейчас рассказали.

Дмитрий Громов (смеясь): Это адресовано не лично вам, а вообще! Вас никто не подозревает в том, что вы собираетесь подражать подражателям подражателей.

Олег Ладыженский: У того же Кондратьева гениальный роман «Белая сатиресса». На материале Древней Греции, где — пастушки, нимфы, сатиры — фольклорная бытовка. Там белая сатиресса, говорят, дочь Артемиды от Пана. Но это точно не известно. Она красивее всех сатиров, но у нее один недостаток — лесбиянка. А ее все хотят. А она их убивает. Показан мальчик

молодой, которого соблазнили нимфы, как он чахнет... Кентавры — очень неприятные ребята со своеобразными наклонностями. И как эти кентавры в конце концов ловят сатирессу и растаптывают в клочья, ибо она — убийца. От всей красоты остается белая шерсть и клочья мяса. Страшный роман!

Андрей Валентинов: А совсем у другого писателя, но современника Кондратьева, была маленькая повесть «Кентавры», где показан прайд кентавров. Их реальная жизнь, беременность длительная, дети гибнут часто, люди гоняют. Какая этнография, какие личности, как постепенно исчезает прайд! Ух, как написано!

Олег Ладыженский: Кстати, тот же Кондратьев — современник Брюсова, Бальмонта, Блока. А романы и рассказы абсолютно современные... Слог и темп...

Директор: Можно ремарочку по поводу городской фэнтези? Она часто строится не на мифологии, а на собственных измышлениях авторов. В чем успех «Дозоров»? В том, что Лукьяненко придумал Иных, которые не добрые и не злые. Для которых человечество — просто пища. Он их нашел, отсюда — успех.

Олег Ладыженский: Мы когда-то размышляли, что произойдет в «Дозорах», если случится массовая утечка информации? Человечество узнает про Иных в реальных объемах. Все человечество. Среди нас живут Иные. Это будет книга ужасов. Иных разотпчут.

Дмитрий Громов: Никакое колдунство не спасет!

Олег Ладыженский: Сотрут в порошок!

Андрей Валентинов: Это будет короткая книга ужасов!

Олег Ладыженский: Человечество с его ксенофобией, как только узнает, что есть «не мы», но похожие... Рвать будут! Завулон с Гесером подумают, что они до этого хорошо жили много лет. Так, как человечество уничтожает своих богов и демонов... Вспомните историю! Мы столько пантеонов разорвали в клочья!

Андрей Валентинов: Так что это — вселенная, то, что мы называем фэнтези. Вперед! Только не пишите про эльфов и ведьмочек.

Олег Ладыженский: У нас даже есть «Реттийский цикл», который назывался «Фэнтези» — так мы переименовали. В намечающемся переиздании он называется «Чистая фэнтези».

Владимирский: Кстати, в какой из книг был образ некроманта, как борца за жизнь?

Дмитрий Громов: Давно было. В «Приюте героев».

Владимирский: Онойко описывает целое государство некромантов, которые дают человеку шанс на жизнь после жизни... Покойники поднятые...

Андрей Валентинов: В «Приюте героев» целый НИИ некромантов.

Вопрос из зала: Верно ли построение в НФ, что человечество-де разовьется? Морально себя возвысит? Лично мое мнение, что останется тем

же зверьем, но с большой дубиной. Не дай бог, прилетят братья по разуму — клочка не останется. Либо от нас, либо от них.

Дмитрий Громов: Смотря какую концепцию, какую идею вы продвигаете в книге. Совершенно спокойно можно продвинуть идею высокоморального и эстетичного человека, а можно — придурка с большой дубиной. Это же не постулат, не аксиома.

Владимирский: Можно возразить? Я полгода назад читал Вернера Винджа «Конец радуги». Я думаю, что либо не будет человечества вообще, и это вполне убедительно доказано, либо оно будет высокогуманным...

Голос из зала: Но с гипноизлучателями на орбите!

Андрей Валентинов: Расскажу вам смешную историю на эту тему. В девяносто седьмом году меня пригласили в Москву в магазин «Стожары», который тогда был центром фантастики. Там было кафе, где встречались и разговаривали. Первая моя встреча — пришел Сережа Лукьяненко. Мы с ним в первый раз по-настоящему познакомились тогда. Мне задали провокационный вопрос, поскольку вообще не знали, о чем я пишу — спросили об отношении к инопланетянам. Я сказал, что в случае появления инопланетян, для нас это будет больший шок, чем для индейцев Америки — появление испанцев. Скорее всего, мы этот шок не выдержим. Такова моя точка зрения. И лучше без контактов. В следующем произведении Сергея Лукьяненко появился некий Андрей Валентинович, который и провозглашает именно эти идеи (*Улыбаясь*). Сергей говорил, что ему наваяло. Но я так действительно считаю: мы не перенесем этого контакта, и судьба наша будет, как у индейцев Америки. Большинство из которых погибло не из-за того, что их истребляли, а из-за эпидемий, против которых не было никакой защиты даже у испанцев, либо оттого, что сам образ жизни, экономика европейцев уничтожали, делали бессмысленным их хозяйство. Они переходили на образ жизни колонизаторов — и исчезала, растворялась их цивилизация. Вот это грозит нам, даже если нас не будут истреблять.

Дмитрий Громов: Кстати, на эту тему в более мягком варианте у Алексея Бессонова в одном из романов есть понятие «ксенофобический шок». Или просто — «ксеношок». При виде существа с другой планеты, не важно, разумного или нет, пусть даже относительно похожего на земное, человек рефлекторно испытывает шок. Вплоть до того, что его начинает тошнить, едет крыша — и тому подобное. Не факт, что такое будет в реальности, но допущение интересное.

Олег Ладыженский: Шок — это интересная тема. В книгах встречаются все со всеми и мгновенно адаптируются. Немного смешной и жестокий пример: как-то на тренировке подходит ко мне одна занимающаяся дама (стаж — лет пятнадцать, черный пояс). И говорит: «Я много слышала и читала про боевой крик, что он влияет... Нельзя ли предметнее?» С начинающим я бы таких экспериментов не проводил, но все-таки черный пояс, большой опыт... Вместо долгих объяснений взял и крикнул. В течение

семи секунд ее можно было бы изнасиловать — она бы не заметила. Она была в ступоре. Потом, выйдя из ступора, дама спросила: «Что это было?» У человека семь секунд выпали из восприятия. Совсем. Это и есть шок. При контакте он работает очень сильно, только в книжках это происходит легко. Описывать шоки для нас, писателей — гораздо интереснее. Шел, увидел привидение, а потом не можешь вспомнить, что же с тобой было.

Андрей Валентинов: Инопланетянин — это одно, а привидение — возможна иная реакция. Первая мысль: тень, вторая — силуэт. Постепенный подход. И когда уже отброшены все возможные варианты, когда оно подступает, начинается переход от непонимания к шоку. Я пинал и пинать буду авторов, пишущих про «попаданцев во времени», когда, попав в прошлое, герой за секунду огляделся и пошел всех мочить. Там такой шок будет, когда он поймет, куда попал! Первый шок: где я? Почему он — в консервной банке и на коне? А потом, когда поймет, поверьте мне, у него недели и месяцы будет настроение: «Лучше я умру!» Если не помрет, ему плохо будет. Такое описывают крайне редко!

Олег Ладыженский: Мы, наверное, когда-нибудь напишем о том, как жили-были в одном подъезде современного города... Вернее, в подвале жил бомж — грязный, опустившийся, вечно пьяный, в коросте. А на третьем этаже жил молодой парень — студент, ролевик, исторический реконструктор. И вот оба проваливаются — хотите, в прошлое, хотите, в фэнтези. Идут по дорожке, скачет рыцарь. Бомж — юрк в кусты, он привык прятаться при любом менте, при любом начальнике. Ролевик спинку выпрямил, его нагайкой по хребту. Из речки попили — бомжу по барабану, а у этого дизентерия. Там же микроорганизмы другие. Кто-то хлебушка кинул — поели. От чего в Африке дохли европейцы времен Ливингстона? Больше, чем от любых болезней — от хлеба грубого помола. Сразу — заворот кишок. Дохли, как мухи. Значит, хлебушка поели — заворот кишок, маг прибежал, откачал. Через десять лет встречаются: бомж вполне освоился. Не король, но старшина цеха нищих. Сидит на табурете, а ему бабло приносят. А ролевик бедный, больной хромой и искалеченный — батраком репу окучивает. И бомж его берет и начинает спасать, потому что пропадет же.

Андрей Валентинов: Не, не поверят! Человек и время — тема интереснейшая, но с ней не умеют работать.

Шер: Один-единственный комментарий: вирусы очень быстро мутируют. В сущности, вирус шестнадцатого века не понятно как будет действовать на современного человека.

Олег Ладыженский: А то, что он туда принесет от нас...

Андрей Валентинов: Хороший был фильм, почти фэнтези — «Экспедиция в Амазонию». Какое-то племя, полный палеолит, с белыми — никакого контакта. Один исследователь — индеец Северной Америки — идет к ним на контакт. И все нормально, правда, девочки целоваться

не умеют. Они вообще не целуются. И вдруг они начинают умирать! У него, оказывается, легкая форма гриппа. И ничего не сделаешь! Конец двадцатого века. Когда пиппешь попаданца, бацилл выводишь за скобки, ибо это не лечится — равно как воду, помол хлеба. Это не решаемо.

Шер: Совершенно фантастическая ситуация произошла в средней Азии в восемьдесят втором году. Было найдено высокогорное село, которое четыреста лет не имело никакого контакта с окружающим миром. Показывали фотографию, где вертолет висит над ними, и его пытаются обстреливать из луков. Средневековый антураж.

Андрей Валентинов: Такой контакт — интереснейший предмет для описания.

Шер: Самое интересное — из восьмисот человек выжило человек семьдесят, остальные вымерли.

Андрей Валентинов: Вспомните семью Лыковых, которые только с сорок пятого года сидели у себя в лесу, а до этого жили с людьми. Первый же контакт в восьмидесятых годах — трое умерло, причем ни один серьезно не болел. Шок... Но такие вещи приходится выводить за скобки, иначе — книги не будет.

Дмитрий Громов: Или — вводить дополнительное фантдопущение, типа бноблокады.

Андрей Валентинов: Это касается, кстати, произведений, когда наши попадают в фэнтези. Тоже такое обозначить неплохо. Разве что в фэнтези заколдовали микробов... Но остальное тоже будет: непривычная еда. Непривычный хлеб. Вино непривычное. Густое, как у греков.

Олег Ладыженский: С помыться — проблема... Две недельки не помылся, три недельки не помылся, а весь в доспехе, в коже... Наш человек себе разотрет все, что только можно! Все складки.

Андрей Валентинов: А вместо мыла предлагают мыться золой. И показывают, как это здорово! Эти детальки будут великолепно играть! Бытовое привыкание. А ведьмочки таких проблем не испытывают! Кстати, в книгах они не моются, заметьте.

Председатель: Не говоря уже об, извините, чисто женских проблемах!

Андрей Валентинов: Это обозначают, как ни странно. Это есть.

Председатель: И чем же они?..

Андрей Валентинов (*мрачно*): Магически.

Дмитрий Громов: Это — очень сильное колдунство!

Андрей Валентинов: После такого разговора захотелось написать хорошую фэнтези. На неожиданном этнографическом материале. На сказках эскимосов... Со всеми нюансами. Для начала: нет мыла.

Голос из зала: Первая строка романа: «Для начала — исчезло мыло».

Андрей Валентинов: А потом: «Она забеременела, но она же говорила, что луна и звезды!..» Помните гениальный рассказ «Судьба Виктора Гомрата»? Виктор Гомрат, мусорщик. Платили ничего, но работа гадкая,

вонючая. Ему все казалось — спутала судьба, его ждет совсем другой мир прекрасных замков, тенистых аллей, славного средневековья... И вот является некто, говорит: «Виктор Гомрат, извините, мы действительно спутали! Хотите, мы вас вернем, только дайте согласие!» «Да!» — сказал Виктор Гомрат. Увидел прекрасный замок, тенистые аллеи, вдали — рыцаря. Подходит мужик, которому Виктора сдают на руки, и говорит: «Вот тебе вилы, вот говно, перекидай его, а потом найдем еще работенку!»

Есть общество, которое регистрирует случаи проникновения к нам людей из других времен. Несколько десятков вроде бы достоверных случаев. Которые попадали из прошлого — очень быстро гибли. Которые попадали из будущего — как правило, возвращались назад. Считается, что в будущем немножко научились...

(Продолжение следует)

ОЛЕГ СИЛИН

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ МИРЫ ХАЯО МИЯДЗАКИ

Современные технологии позволяют снимать все более реалистичные и все более красивые фантастические фильмы. Весь вопрос в деньгах и толковом режиссере с чувством меры.

Меж тем фантастический кинематограф существовал и во времена резиновых динозавров с кукольным Кинг-Конгом. Сейчас довольно сложно оценить ухищрения режиссеров того периода, но им не откажешь в одном — желании снимать фантастику.

Однако для показа фантастических вещей существует другой путь. Мультипликация. Она же — анимация. Метод, не требующий грандиозных спецэффектов и капризных звезд. Невероятные летательные аппараты,

заклятия и волшебство, картины далекого будущего рождаются росчерком пера (или стила) мультипликатора. Но, как и в кинематографе, в анимации очень многое зависит от персоны режиссера. Одним из наиболее интересных режиссеров, создающим рисованные фантастические миры, является выдающийся аниматор Хаяо Миядзаки.

Метр японской и мировой мультипликации родился 5 января 1941 года в городе Акебоно-те. Несмотря на то, что он закончил престижный университет Гакусин по специальности «Политика и экономика», он не отказался от своей мечты — стать аниматором. В 1963 году Миядзаки устроился на работу в студию «Тоени Анимейшн». Нашему зрителю, вероятно, знакомы такие работы

Хаяо Миядзаки на Comic-Con 2009

студии, как «Летающий корабль-призрак», «Галактический экспресс 999» и совместные японско-американские проекты, хиты канала ICTV середины 1990-х годов — «Вольтрон» и «Трансформеры». Правда, большая часть знаменитых анимационных лент и сериалов была создана уже после ухода Миядзаки.

В 1971 году он перебрался в «Ниппон Анимейшн», где вместе с Исао Такахатой принимал участие в проектах студии и начинал делать собственные сериалы и полнометражные фильмы. К этому периоду относится сериал «Люпен Третий», повествующий о похождениях молодого благородного жулика, внука известного «джентльмена-грабителя» Арсена Люпена.

Примечательно, что компания «Ниппон Анимейшн» занималась преимущественно адаптацией западных мультсериалов и съемками лент по европейским и американским книгам. Сам Миядзаки признавал, что всегда интересовался европейской культурой и еще в университете ходил в клуб по изучению детской литературы, где рассматривались преимущественно западные книги.

В 1985 году Миядзаки основал собственную анимационную студию, получившую название «Гибли» — по имени ветра в пустыне Сахара. В новой студии также оказался давний партнер Такахата и практически бессменный композитор всех последующих лент Дзе Хисанси.

Впрочем, творческий коллектив образовался чуть раньше, и создание студии лишь закрепило уже существующее положение вещей. Первым фантастическим проектом Миядзаки стала работа **«Наусика из долины ветров»** (1984) по собственной манге. Но прежде, чем речь пойдет о ней, — небольшое лирическое отступление.

Фантастика дает еще одно измерение в творчестве — фантастическое допущение. Оно позволяет максимально остро поставить проблему, взглянуть на материал с неожиданной, оригинальной точки зрения. Фантастика дает нам в распоряжение еще один, дополнительный инструмент. И позволяет избавляться от стереотипов.

Г.А. Олди, по материалам «Дуэли тет-а-тет»

Проблема, поставленная Миядзаки в «Наусике» — взаимодействие человека и природы. Причем взаимодействие не с обыкновенной природой, а враждебной человеку.

Краткая предыстория: за 1000 лет до начала событий планета погрузилась в огненный хаос. За 7 дней 7 Стражей-Гигантов снесли цивилизацию с лица Земли. На месте бывших плодородных земель раскинулось Море Разложения, где царят гигантские насекомые, а воздух ядовит из-за спор и плесени. Немногочисленные остатки человечества ведут отчаянную борьбу за существование, воюя с Морем Разложения и — друг с другом.

Долину Ветров хранит морской бриз, сдувающий вредоносные споры вглубь материка. В Долине живет принцесса Наусика — кажется,

Принцесса Наусика

единственный человек, пытающийся мыслить не тактически (как уничтожить заразу?), а стратегически (в чем корень беды?).

Проблема человека, воюющего с природой, не нова в фантастике. Ближайшим аналогом происходящего в «Наусике» является, пожалуй, «Неукротимая планета» Гарри Гаррисона. Вместе с тем Миядзаки в своем миротворческом допущении идет даль-

ше Гаррисона и рисует картину конфликта сразу пяти сторон. Жители Долины Ветров оказываются в клещах военного противостояния двух государств — Тольмекии и Педжита. Каждое из этих государств готово обрушить на врага яростную мощь гигантских насекомых из Моря Разложения. Тольмекянцы во главе с принцессой Ксаной хотят очистить землю от яда, но готовы сделать это старым проверенным методом: утопить все в огне. Для этого они даже нашли (а вернее, украли у Педжита) кокон с похороненным древним Стражем-Гигантом и собираются воспользоваться его силой. Только Наусика понимает, что огонь не очистит Землю, а окончательно убьет все живое. Море Разложения оказывается гигантским природным механизмом по очистке планеты от заразы, уничтожив который человечество окончательно погибнет.

В сюжете «Наусики» можно увидеть параллели с Евангелием. Юная принцесса несет людям Новый Завет — не око за око, но мир и взаимопонимание. Она неоднократно становится между воюющими сторонами, призывая их опустить оружие и понять не только себя, но и странных чуждых насекомых. И совершенно не боится, даже гибели.

Помните: «Я не буду бояться» из романа Дяченко «Vita Nostra»? «Страх убивает разум» — это уже Херберт в «Дюне». Миядзаки, в свою очередь, создает фантастический мир, который имеет шанс на спасение не бездумным уничтожением природы, но взаимопониманием и отсутствием страха перед новым миром.

В том же году «Наусика из Долины Ветров» была выпущена в США под названием «Воины ветра». Для американского проката фильм перемонтировали, вырезали сцены, «тормозящие действие», некоторых героев переименовали. В том числе пострадала Наусика, ставшая «принцессой Зандрой». Ни актеры, озвучивавшие персонажей, ни художник, рисовавший обложку, не знали сценария. В результате появилась чудовищная пародия на исходный фильм.

Студия «Гибли», узнав об этом, выступила с обращением ко всем поклонникам, попросив забыть о существовании американского релиза. Полную

версию картины американские зрители смогли увидеть лишь через десять лет, когда истекли права на «Воинов ветра».

Следующая работа Миядзаки снята им уже полностью на собственной студии в 1986 году. Ей стала «**Лапута**» или «Замок в небесах» в английской версии картины.

Летающий остров Лапута взят режиссером из произведений Джонатана Свифта, однако Миядзаки внес ряд изменений.

Во-первых, Лапута приводится в действие не огромным магнитом, а гигантским кристаллом летающего камня. Во-вторых, короли Лапуты правили не небольшой страной, а всем миром. Остров был заброшен примерно 700 лет назад, но до сих пор остается величайшей сокровищницей и грандиозным арсеналом военных машин. Научного объяснения столь выдающимся открытиям Миядзаки не дает, скорее, мы имеем дело с проявлением техномагии. Оно работает — но является лишь «стреляющим ружьем». Конфликт, как обычно, создают люди.

Действие картины развивается в условной реальности начала XX века. Условной, поскольку в ней показаны как технологии шахтерского промысла 1860-х годов, так и дирижабли 1930-х, с вкраплениями совершенно фантастической техники.

На дирижабль, в котором летит главная героиня — девочка Сита — нападают воздушные пираты, стремящиеся получить кулон из летающего камня. Сита находится на дирижабле не по своей воле: группа военных ищет Лапуту для своих нужд. Девочка пытается сбежать, но срывается и падает, однако летающий камень помогает ей мягко приземлиться в небольшом шахтерском городке. После чего за ней начинается погоня: пираты во главе с «мамой» Дорой стремятся получить ее камень и сокровища Лапуты, военные хотят заполучить древний арсенал — и тоже не прочь запустить руки в золото. Впрочем, их руководитель полковник Муска имеет свои планы на Лапуту. На защиту Ситы встает подмастерье Пазу, который тоже одержим увидеть летающий остров — чтобы доказать правдивость слов отца, видевшего Лапуту в облаках.

Начинаясь как авантюрный фильм с комедийными элементами в духе ранних работ Миядзаки о Люпене, ближе к

Летающий замок

концу картина обретает эпический размах. Лапута — не просто столица мира, но еще и вместилище действующего ужасного оружия. «Небесный огонь, поразивший Содом и Гоморру, стрела Индры — это все она, Лапута». Летающий остров становится ареной борьбы Жизни и Смерти. Выход из ситуации оказывается вполне в духе восточной философии, где разрушение может стать началом обновления.

После двух эпических картин Миядзаки снимает волшебный мультфильм для детей всех возрастов — **«Мой сосед Тоторо»** (1988).

На этот раз зритель погружается в быт Японии 60-х годов XX века. Отец с двумя дочерьми, Сацуке и Мэй, переезжают в деревенский дом. Место жительства выбрано вблизи больницы, где лежит мать девочек. Принято считать, что этот эпизод автобиографичен: мать Хаяо Миядзаки была больна спинным туберкулезом и почти семь лет провела в разных больницах.

Девочки знакомятся с духом леса — огромным мохнатым существом. Младшая из девочек, Мэй, назвала его «Тоторо», что соответствует японскому прочтению слова «тролль». Сам Тоторо живет в огромном камфорном дереве. В Японии именно камфорное дерево характеризует древность, в наших широтах таким деревом-архетипом является «дуб вековечный». Но, кроме того, камфорное дерево — эмблема города Хиросима, первое дерево (вместе с гинкго), которое ожило после атомных бомбардировок. Символ вечности и вечного же обновления.

Большая часть мультфильма посвящена демонстрации японского быта. Миядзаки сознательно уделяет немало времени фильма сценам обычной жизни, стараясь в деталях определить человеческий мир, прежде чем столкнуться с миром духов.

Может показаться, что Миядзаки использует обращение к японской мифологии или фольклору, однако это не совсем так. Образ Тоторо

Тоторо и Мэй

полностью принадлежит Миядзаки, он лишь не выпадает из общепонско-го культурного контекста.

И вот происходит столкновение, точнее — мягкое проникновение двух миров. И тут стоит обратить внимание на спокойствие отца девочек. Соседство с духом леса? Вполне вероятно.

Синтоизм, как религиозное течение, не выделяет Единого бога; напротив, «ками», т. е. духи — повсюду. Потому совершенно неудивительно, что Мэй и Сацукэ повстречали Тоторо. Дух леса — почему бы и нет? Важно то, что у детей глаза открыты шире и они могут увидеть пушистых хранителей леса и удивительный Котобус. Ни один взрослый в мультфильме таким даром не обладает. И когда девочки вырастают, они тоже перестают видеть Тоторо, хотя он по-прежнему живет рядом с ними. Это не расставание со сказкой, это необходимость возвращения в человеческий мир, поскольку живым людям не место в мире духов. Но эту мысль Миядзаки более детально озвучивает в совершенно другом произведении.

«Мой сосед Тоторо» вместе с мультфильмом Исао Такахаты «Могилы светлячков» продавался для показа в японских школах как часть программы исторического и эстетического воспитания.

Следующей по хронологии лентой стала «**Ведьмина служба доставки**» (1989), известная также под названием «Служба доставки Кики». Это экранизация одноименной детской книги японской писательницы Эйко Кадоно. В настоящее время издано уже 6 книг цикла о ведьме Кики, к сожалению, не переводившихся на русский язык.

И вновь мы видим целый мир, в котором существует магия, к ведьмам ходят за лекарствами, как в аптеку, и прохожие совершенно не удивляются девочке, летящей на метле. Это в порядке вещей. Видимо, история на альтернативной Земле проходила более спокойно, без средневековых гонений на ведьм.

Сам Миядзаки говорил, что действие его мультфильма разворачивается в 50-х годах

XX века, и в этом мире не было двух Мировых войн. Потому над городом на берегу моря, одновременно похожим на Неаполь и Стокгольм, все еще

Кики и Азидзи над городом Корико

летают огромные дирижабли и четырехмоторные бипланы, а в домах уже смотрят черно-белое телевидение.

В остальном это история взросления тринадцатилетней девочки Кики, которая, по древней традиции, должна год прожить сама в чужом городе, занимаясь ведьмовством. Она хорошо умеет летать на метле, потому организывает службу доставки небольших грузов. В чем ей помогает черный кот Дзидзи, пожалуй, один из наиболее очаровательных персонажей у Миядзаки.

Именно в по-домашнему волшебной истории о юной ведьме звучат слова художницы Урсулы, сравнивающей магию с искусством. Да и кто, как не создатель волшебных картин Миядзаки знает об этом, пожалуй, почти все?

Все это время Миядзаки продолжал рисовать свою мангу «Наусика из Долины Ветров». С 1982 года она публиковалась в журнале «Animage». Сюжет усложнился, история обросла новыми персонажами и деталями. После очередного поворота событий Миядзаки понадобилось описать крушение империи. Он сильно переживал — достаточно ли достоверно описывает это событие и вообще какова его вероятность. И тут развалился Советский Союз. Шел 1991 год.

В свободное от съемок время Миядзаки создал мангу об эпохе гидросамолетов. В результате она вылилась в полнометражную и, пожалуй, наименее фантастичную из всех работ Миядзаки — **«Порко росо»** (1992). Хотя таковой она кажется на фоне остальных лент. Прямоходящая свинья в плаще, шляпе и с сигарой в зубах, которая спокойно разгуливает по улицам, и никто, в общем-то, на это внимания не обращает. Ну, мало ли — свинья...

Почему стоит обратить внимание на эту работу? По трем причинам.

Во-первых, любопытная интерпретация «Красавицы и Чудовища». Красавиц даже две — умудренная жизнью певица Джина и юная восторженная любительница самолетов Фиолина. Она же — гениальный авиационный инженер. Да и с заклятьем, наложенным на Марко Паггота — так по-настоящему зовут главного героя — не все просто. Может показаться, что он сам себя проклял, и, похоже, это предположение недалеко от истины.

Во-вторых, совсем не фантастичность, а скрупулезность и дотошность в деталях. Все пейзажи узнаваемы: действие происходит между Триестом и Дубровником (ныне — Хорватия). Сверхтщательная прорисовка оружия и самолетов — можно установить все прототипы. А главное — по чертежам Фио построена модель самолета, которая действительно способна летать!

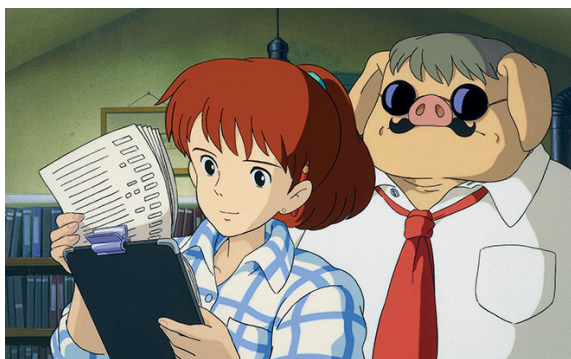
И третья причина как раз вытекает из второй. «Порко Росо» — очень

личный фильм для Миядзаки. Посмотрев его, можно понять, что движет мастером анимации. Его отец был авиаконструктором, и Хаяо унаследовал тягу к самолетам и полетам. Миядзаки с огромным уважением относится к летчикам, среди учителей он называет, в том числе, Антуана де Сент-Экзюпери. Более того, он ездил на место его гибели, чтобы лично засвидетельствовать почтение. Этот момент мы можем прочувствовать в небольшом пронзительном эпизоде, когда Миядзаки показывает, куда попадают души летчиков. Вечный

полет под ярким небом — что может быть прекраснее? Эпизод имеет литературную основу — рассказ Роальда Даля «Они никогда не состарятся». Автор у нас известен по повести «Чарли и шоколадная фабрика».

Адриатика, Италия и вообще Европа — место, куда Миядзаки хочет возвращаться. Потому в его работах тесно переплетаются традиционные японские мотивы и страсть к Старому Свету, к улицам, домам, людям и теплоте моря.

Во многом «Порко Россо» — рассказ Миядзаки о том, кем бы он был, живя в Италии 20-х годов. А что до изображения в образе свиньи — сам мастер в мини-кариатурах неоднократно рисует себя в свинском облике. И это очень в духе Миядзаки — его герой с цинизмом уплетает свиную отбивную, курит и занимается любимым делом. Ведь «если свинья не летает — она просто обычная свинья».

Фио и Порко

А далее в творчестве мастера наступил семилетний перерыв. И его мы заполним еще одним лирическим отступлением.

Что есть роман?

- это взаимоотношения микрокосма и макрокосма
- это большое количество персонажей (героев). При этом, что особенно важно, в романе имеется большое количество сюжетообразующих героев
- это жестко структурированная архитектура как генерального, стратегического сюжета, так и сюжетных (сюжетообразующих) линий, во взаимодействии образующих полифонию (многоголосье) романа
- это расширенное пространство текста (географическое, хронологическое, интеллектуальное, социальное, эстетическое, культурное и пр.)

— это реализованный принцип «многоязычия»
 — это автор романа, как полноценное действующее лицо и полноценная часть всех перечисленных компонентов.

Г.А.Олди, «О бедном романе замолвите слово»

Все это есть в картине Миядзаки «Принцесса Мононоке» (1997). Дословно название перевести довольно сложно: это и «Принцесса чудовищ», и «Волчья принцесса» и «Принцесса духов-демонов».

Вновь, как и в «Наусике», в фокусе внимания конфликт между Человеком и Природой, только исполненный не в футуристическом антураже, а отнесенный в Японию середины XV века.

Однако линия конфликта не сведена к прямому противостоянию. Как и положено, в хорошем романе есть несколько действующих лиц, у каждого из них своя правда и свой взгляд на мир.

Миядзаки обращается к японскому фольклору и мифологии. Переосмысливая и дополняя ее, он создает ряд персонажей — лесных богов, важнейшим из которых является Сисигами — олень с человеческим лицом днем и гигантский призрачный человек с рогатой головой ночью. Такая двойственность натуры обусловлена тем, что Сисигами для леса — одновременно Бог и Жизни, и Смерти. На стороне Леса сражаются гигантские вепри Нага-но-ками и Око-то-нуси, белая волчица Моро и ее дети, среди которых человеческая девушка Сан — та самая волчья принцесса.

Человечество представляет госпожа Эбоси — умелый организатор и глава Железного города. В ее вотчине делают железную руду и огнестрельное оружие. Она с личным войском охраняет своих жителей от самураев Императора, пытающихся присвоить их достижения. В ее городе царят идеалы свободы и братства, о которых еще даже не задумались во Франции. Ради топлива для изготовления металла она рубит лес, чем вызывает недовольствие лес-

ных богов. Но Эбоси готова поднять руку и на них и, если понадобится, перебить всех богов, включая владыку Жизни и Смерти.

И, наконец, Аситака, подросток лет шестнадцати, третий герой. Человек, пытающийся примирить враждующие стороны. На его селение

Волчья принцесса Сан

напал обезумевший от боли Нага-но-ками, подстреленный госпожой Эбоси. Защищая семью и деревню, Аситака был вынужден его убить — и получил смертельное проклятие. Теперь излечить его может лишь Сисигами.

Аситака

Узнав предысторию событий и, по сути, получив возможность перед неминуемой смертью отбросить условности, парень старается примирить обе враждующие стороны. Он влюблен в Сан, но не позволяет ей убить госпожу Эбоси — и точно так же он не позволяет жителям Железного Города убить волчью принцессу.

Ситуация осложняется действиями второстепенных героев, которые играют на той или другой стороне, но подталкивают действие к финалу — апокалипсису локальных масштабов.

Парадокс ситуации заключается в том, что в противостоянии нет заведомо неправой стороны. Каждый персонаж действует, исходя из собственной правды, и невозможно выделить того, у кого она «правдивее».

Вместе с тем «Принцесса Мононоке» — это не только взаимоотношения человека и природы. Мудрый Миядзаки в аллегорической форме показывает, чем оборачивается столкновение прогресса, новой действительности с традиционным жизненным укладом. На его глазах ломалась послевоенная Япония. Умирали старые боги, рождалась новая страна.

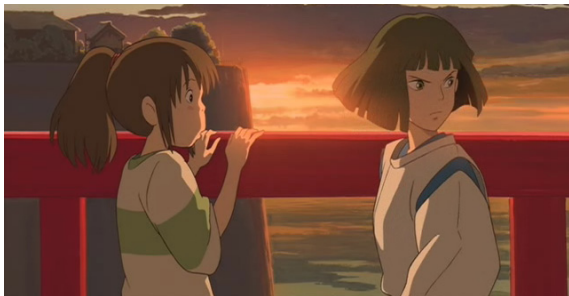
У Миядзаки компромисс был достигнут отнюдь не малой кровью. Вместе с тем, смерть отступила, и жизнь продолжилась. Человек и Природа в лице Аситаки обрели посредника и сумели заключить перемирие. Видимо, ненадолго, но метр дает надежду на то, что такое перемирие возможно.

Мультфильм получил премию «Сатурн» американской академии научной фантастики. Также примечательно, что над переводом и адаптацией сценария для США трудился тогда подающий большие надежды, а ныне известнейший фантаст Нил Гейман. А величественные пейзажи из картины отсылают нас на небольшой остров Якусита близ острова Кюсю — именно там можно прогуляться по лесу из «Принцессы Мононоке».

Когда сопредседатель Miramax Харви Вайнштейн попытался в коммерческих целях внести некоторые сокращения в фильм «Принцесса Мононоке», ему прислали декоративную катану с выгравированным на клинке сообщением: «No cuts», т. е. буквально — «ничего не резать».

В начале нового тысячелетия вышла самая известная работа Миядзаки — «Унесенные призраками» (2001).

История рассказывает о судьбе 10-летней девочки Тихиро, которая вместе с родителями попала в мир духов. Родители не сумели подавить жадность, объелись местной еды и превратились в свиней, и теперь Тихиро должна их выручить. Свиней забрала себе Юбаба, управительница купален для духов Абура-я. Девочке помог юный волшебник Хаку, рассказавший, что вину родителей можно искупить работой у Юбабы. Тихиро приходит наниматься к ней, управительница после долгих споров принимает ее и, как плату, забирает часть имени. Теперь девочку зовут Сэн (вариант прочтения первого иероглифа в имени Тихиро), и она выполняет самую грязную работу в купальнях, попутно пытаясь расколдовать родителей и помочь Хаку найти его настоящее имя.

Тихиро и Хаку

Примечательно, что оригинальное название фильма «Сэн то Тихиро но камикакуси» позволяет сделать гораздо больше толкований, чем придуманные для американского проката «Унесенные призраками» — «*Spirited Away*».

Само понятие «камикакуси», т. е. украденный духом (ками), достаточно распространено в Японии и, по сути, является синонимом понятия «провалиться сквозь землю». Вместе с тем, оно применяется только по отношению к детям, и, по поверью, дух отпускает ребенка, когда тот повзрослеет, причем это может произойти спустя немало лет. Таким образом, оригинальное название можно истолковать примерно как: «прежняя бестолковая Сэн как сквозь землю провалилась, а вернулась повзрослевшая Тихиро».

Миядзаки вновь обращается к миру японских духов, к которому зритель прикоснулся в «Моем соседе Тоторо». Но дух леса лишь гостит в человеческом мире, в то время как Тихиро полностью перемещается в мир ками. И там ей не слишком рады.

Фантастический мир наполнен самыми разнообразными созданиями. Образы части из них взяты из японской мифологии, но многих персонажей придумал сам Миядзаки. Духи-ками не имеют определенной формы, потому, чтобы показать их отдыхающими в купальнях, режиссер обратился к своей фантазии.

Мы видим лишь два небольших кусочка потустороннего мира: собственно купальни и избушку колдуньи Дзенибы в Темном лесу. Вместе с тем мир

огромен, в нем живут тысячи удивительных созданий, а для путешествий используется типичный японский поезд. Один из самых пронзительных моментов связан именно с ним — когда вагон идет по бескрайнему морю под чудесную инструментальную музыку Дзе Хисаиси.

«Унесенные призраками» — квинтэссенция воззрений Хаяо Миядзаки. В этом фильме он успевает показать цену дружбы и взаимопомощи, вспомнить об экологии и загрязнении рек, о воспитании детей и, самое главное, дать чувствительную пощечину обществу потребления.

Несчастье, случившееся с родителями Тихиро, вызвано, в первую очередь, уверенностью главы семейства в том, что он сможет все купить. Его богатство ненавязчиво подчеркивается в начале фильма показом автомобиля — полноприводной леворульной «Ауди». Ввезти и содержать такую машину в Японии стоит очень больших денег. Статус у обладателя подобного автомобиля в наших долготах сравним со статусом обладателя как минимум тюнингованного «Мерседеса — 600».

Алчность и жадность проявляются и в столкновении персонала купален с Безликим богом Каонаси. В нем, как в зеркале, отражаются люди, их все как хорошие, так и дурные стороны. Сам Миядзаки говорит о Безликом так:

«Каонаси символизирует современную Японию. Многим кажется, что деньги сделают их счастливыми. Но когда Каонаси дает людям золото, делает ли он их счастливыми? Мне было интересно, как отнесутся зрители к такому персонажу».

Однако для понимания Безликого важен еще один аспект, мотив которого также присутствует в фильме. Это — возвращение домой. У Каонаси нет дома, он бог-бродяга. Подобного существа нет в японской мифологии, у всех kami есть дом. Он — не меньший чужак в мире духов, чем Тихиро. Потому столь важным для Каонаси оказался визит к Дзенибе. Он нашел дом.

В финале Тихиро также возвращается домой. Это и есть необходимость возвращения, о которой Миядзаки вскользь упомянул в «Тоторо». Сама же концовка переключается и с греческой мифологией — путешествие Орфея, и с фантастической сказкой Отфрида Пройссlera «Крабат» — Тихиро должна узнать своих родителей среди свиней.

Можно еще долго анализировать смыслы и подтексты, которые вложил в фильм Миядзаки, а можно просто пересмотреть его еще раз, наслаждаясь тщательнейшее прорисованными кадрами и прекрасной музыкой.

Безликий бог в купальнях

Заслуги японского аниматора были оценены по достоинству: «Унесенные призраками» получили в 2002 году премию «Оскар» в номинации «Анимационный фильм».

Сам режиссер раскрывает еще один секрет фильма:

— Думаю, сюжет напоминает ситуацию, когда девочка приходит, скажем, в нашу студию и говорит: «Позвольте мне здесь работать». Для нас студия — привычное место, но для девочки, впервые туда попавшей, она бы показалась таинственным и страшным лабиринтом. Там многие грубы. Чтобы войти в коллектив, найти свое место и добиться признания, требуется множество усилий. Во многих случаях приходится полагаться на себя. Но это в порядке вещей, это — жизнь. Я хочу показать именно жизнь, а не «хороших» и «плохих» персонажей. Страшная ведьма Юбаба кажется отрицательной героиней, но ведь она хозяйка бани, в которой работает Тихиро. Ей совсем не просто управлять баней, у нее множество подчиненных, сын, собственные желания, и все это причиняет ей горе. Я не хочу делать из нее обычную злодейку.

Интервью с Хаяо Миядзаки, журнал «Animage», май 2001 г.

Сам Миядзаки ассоциирует себя с дедушкой Камадзи, а генерального продюсера всех фильмов студии «Гибли» Тосио Судзуки — с Юбабой.

Через три года вышел «Шагающий замок Хаула» (2004) — экранизация одноименной книги Дианы Уинн Джонс. И вновь фильм стал одним из наиболее обсуждаемых событий киногода, и получил номинацию на «Оскар».

Действие разворачивается в фантастической стране Ингарии. Девушка Софи, шляпница, живет обычной жизнью, полностью посвятив себя работе. Однажды, выйдя на прогулку, она встречает солдат, навязчиво желающих с ней познакомиться. Ее выручает волшебник Хаул, после чего Софи, вернувшись домой, сталкивается с Ведьмой Пустоши. У Ведьмы свои счеты

с Хаулом, и она налагает на Софи заклятье — девушка превращается в старушку.

Софи бежит из города и попадает в Шагающий замок, где знакомится с демоном огня Кальцифером, юным помощником волшебника Марком и вновь встречается с хозяином замка Хаулом. Тем временем

Шагающий замок

Ингария готовится к маленькой победоносной войне...

Дальнейшая сюжетная линия разворачивается так: Софи пытается снять заклятие и медленно, но верно влюбляется в Хаула. Вместе с тем Миядзаки достаточно сильно отклоняется от сюжет-

Хаул и Софи

ной канвы книги, рассказывая о войне. Впервые после «Наусики» тема боевых действий звучит явно и мощно.

Все волшебники дали присягу — сражаться на стороне королевства. Хаул — один из них, но личная драма в том, что для него обе стороны — убийцы. Он готов защищать свой дом от посягательств врага, неважно под каким флагом тот выступит. Врагом могут быть и авиационные бомбы, и магические существа. Беда в том, что Хаул на войне в буквальном смысле теряет человеческий облик и становится крылатым зверем разрушения. И вот это, а не старческий облик, беспокоит Софи больше всего.

Заклятие, кстати, обладает любопытной особенностью: время от времени Софи принимает свой настоящий вид, особенно когда спит. Хаул не может помочь ей, но вот демон огня Кальцифер — может. Хотя Софи сама в состоянии убрать заклятие, только не догадывается как. Зато об этом прекрасно знает Миядзаки и раз за разом подбрасывает зрителям ключ к разгадке. Только догадайся, поверь в это и скажи.

Диковинные летающие машины, магия и фантастические существа, как всегда у мастера, не являются самоцелью, а лишь помогают раскрыть простые истины, которые раз за разом человек старательно забывает.

Для этого и понадобилось бездонное небо, играющее на закате теплыми цветами и облаками, чтобы через несколько кадров показать, как из него летят бомбы. Цветастые мундиры, пушечки на дамских шляпках, белоснежные корабли и надраенные орудия — и потом копоть, черный дым, искореженные линии — страх. Люди, в общем-то хорошие, но теряющие свои лица на войне и становящиеся темной безликой саранчой.

И на фоне этого — простое человеческое чувство, которое лишь подчеркивается сложной магией. В нем как раз нет ничего сложного, оно волшебное само по себе, а не благодаря чародею Хаулу или обаятельно-ворчливому Кальциферу.

Разумеется, это не единственные смысловые слои, заложенные в потрясающие по плотности и красоте кадры фильма. На их анализ может уйти не один просмотр и не один десяток страниц. Что важно — авторская

позиция Миядзаки прослеживается, но мастер не опустился до пропаганды или морализаторства. Каждый найдет для себя что-то и сделает выводы. Сам.

Как и 20 лет назад, после двух грандиозных картин Миядзаки снимает светлый детский мультфильм. «**Рыбка Поньо на утесе**» (2008) еще более нацелена на юную аудиторию, чем «Наш сосед Тоторо». Миядзаки берет известный сюжет из «Русалочки» — о рыбке, мечтающей стать человеком, и придает ему неповторимую окраску, касается своим волшебством. Все кадры мультфильма отрисованы полностью вручную, а их более 170 тысяч!

В «Поньо» Миядзаки впервые столь явно обращает внимание на водную стихию. В предыдущих работах море часто являлось неизменной деталью антуража: ведьма Кики выбирает город именно у моря, Порко летает над морем, но оно не было основным действующим лицом. Куда большее

Главная героиня

внимание режиссер уделял стихии воздуха, помещая в каждый мультфильм дикийвинные летательные аппараты. Здесь же — море, из которого пришла жизнь, которое само есть жизнь, оно совсем рядом и влияет на каждого жителя города.

Довольно сложно говорить о фантастическом в этой работе мастера. Это, прежде всего, сказка, но сказка для тех, кто начинает познавать окружающий мир. Миядзаки сделал картину для детей 4—6 лет, и все изображенное в «Поньо» одновременно реалистично и фантастично настолько, насколько может быть фантастичен окружающий мир. Визуально эта одна из самых мощных работ Миядзаки, глядя на нее можно вспомнить, как видит окружающий мир ребенок. Не «что» он видит, а именно «как». По морю можно проплыть на игрушечном кораблике, волшебник Фудзимото всего лишь странный человек в полосатом костюме, а царица морей Граннмаре так похожа на маму Лизу.

При всей многоплановости фантастических миров Миядзаки, их объединяет несколько моментов.

Прежде всего, это гуманизм. Среди героев Миядзаки нет явно выраженного, персонифицированного зла. Даже пираты и разбойники на поверку оказываются неплохими ребятами. Можно вспомнить, пожалуй, только

Муску из «Лапуты», да и тот в конце фильма, скорее, не злой, а сошедший с ума человек, не выдержавший прикосновения к могуществу. Настоящее зло всегда безлико, и ему нет места в жизни. Наиболее характерный момент можно заметить в «Поньо»: разлившийся океан подступил к порогу дома, но — ни на миллиметр выше.

Оптимизм — второй признак работ Миядзаки. Все его истории заканчиваются счастливым концом, но не приторным хэппи-эндом. Напротив, все только начинается и будут новые, еще более интересные приключения, о которых нам чуть-чуть намекают в финальных титрах. А смотря Хаула на японском языке можно услышать легкую издевку мастера — мадам Салиман говорит: «У них что там, хэппи-энд?», при этом используется конструкция «хапиэнду», а не японский аналог.

Кстати, метр не снял ни одного продолжения.

Кроме того, каждый мир стоит разглядывать в деталях. Миядзаки и аниматоры студии «Гибли» никогда не забывают о них. По их чертежам можно строить дома и самолеты, возле очага обязательно найдется кочерга, а персонажи будут одеты в удобную и практичную одежду.

И, разумеется, проводниками в эти миры станут обаятельные персонажи из всех без исключения лент.

В качестве эпилога.

Вопрос к Миядзаки: Когда г-н Такахата снимал «Семейку Ямада», он поставил под сомнение жанр фантастики. Не пытались ли вы разрешить его сомнения, создавая «Сэн»?

Ответ Миядзаки: Нет, я об этом не думал, но считаю, что фантастика нам нужна. Когда дети чувствуют себя бессильными и беспомощными, вымысел облегчает им жизнь. Столкнувшись с трудностями, дети сначала должны от них уклониться. Они бы непременно проиграли, если бы сразу попытались решить все проблемы. Не надо сложных и сомнительных слов вроде бегства от действительности. Многих, не только в моем поколении, но и старших, спасли комиксы Тэдзуки. У меня нет никаких сомнений в силе вымысла как таковой. Но правда, что создатели фантастики теряют убедительность. Больше и больше людей говорят: «Я не могу в это поверить». Но, по-моему, дело лишь в том, что еще не создана фантастическая история, которая могла бы противостоять современному сложному миру.

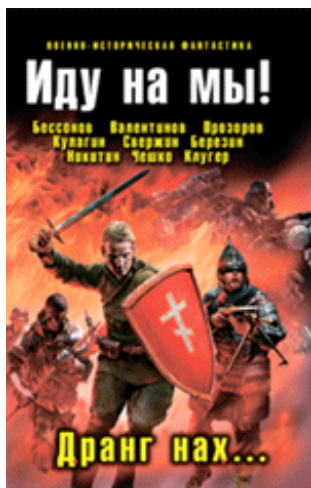
Интервью с Хаяо Миядзаки, журнал «Animage», май 2001 г.

Уважаемый метр, как всегда, немножко лукавит. Ведь он уже создал не одну такую историю, которая с успехом противопоставляет современному миру настоящее искреннее волшебство¹.

1 При подготовке статьи использованы следующие ресурсы: 1. Nausicaa.net; 2. Сообщество в Живом Журнале miyazaki_ru; 3. Авторский сайт Анны Паниной; 4. Porco Rosso on-line; 5. Википедия — свободная энциклопедия.

ЯН И АНДРЕЙ ЯШМАА

А ЛЯ ГЕР КАК НА ВОЙНЕ

Иду на мы! Дранг нах... —
М., Яуза: Эксмо, 2009, 320 с.,
серия «Военно-историческая
фантастика».

Даже сегодняшняя эпоха воинствующего пацифизма не выглядит способной изменить основное предназначение войны. Война во все времена являлась мечом, рубящим гордые узлы противоречий. В войнах гибли страны и народы, рушились империи и идеологии. Нынешнее политкорректное время в очередной раз стремится отменить войну как таковую, но она была, есть и, похоже, будет. Такова суть человеческой природы.

Для историка, равно как и для писателя-фантаста, война представляет особый интерес. Во всяком случае, до тех пор, пока они оба (как известно, первый в определенной степени является вторым, а второй первым) наблюдают за батальей с некоей виртуальной высоты, а не через бруствер взирававшего окопа, под шквальным огнем.

Надо думать, сторонники альтернативной военной истории получают из того, что осталось от историка вместе с фантастом после прямого попадания. Впрочем, без шуток: альтернативная история (причем как раз военная в первую очередь) — давно уже признанный, легитимный жанр. А попадания бывают и виртуальными. Они иногда отличаются высокой точностью. И если бы у тех, от кого «в реале» зависят войны, возникло обыкновение прислушиваться к таким прогнозам... Но это, конечно, фантастика.

Войны — наиболее очевидные узлы на прямой исторического развития. Точки поворота, в которых «все могло быть иначе», когда исход противостояния висит на волоске, когда проигравшему, кажется, совсем чуть-чуть не хватило для победы...

Особенно часто это кажется при поверхностном знакомстве с темой. Но и после более глубокого анализа такое впечатление пропадает не всегда.

Издательство «Яуза», уже в течение нескольких лет осваивающее вышеозначенную нишу, недавно пополнило свою серию «Военно-историческая

фантастика» сборником *«Иду на мы! Франг нах...»*, составленным Григорием Панченко.

Хорошо это или плохо, но мы живем во времени, определенном в первую очередь результатами некоего противостояния, интерес (то ли это слово?) к которому не утихает вот уже шесть с лишним десятилетий. Противостояние это называется Второй мировой войной. Вполне обоснованно, что первая половина сборника отведена альтернативным вариациям на тему «главной войны». Однако надо признать: именно пристальное внимание ко Второй мировой успело сделать ее не самым благодарным объектом. Основные «альтернативки» (во всяком случае, те, которые не выглядят совсем уж надуманными — и при этом продолжают быть интересны широкому кругу читателей) уже рассмотрены в предыдущие годы, и сказать что-то новое очень сложно. Даже если перенестись на фэнтезийные пажити, которые применительно к ВМВ почти без исключений связаны с оккультно-демонологической некромантией. Конечно, главное не *о чем* написать, но *как* написать; однако, естественный износ сюжетов тоже имеет значение, куда от этого деваться.

Круг тем, представленных в антологии, подчас не блещет оригинальностью: оккультная сторона Второй мировой, причем освещенная как с немецкого («*Симпатическая угроза*» Даниэля Клутера, «*Со стороны*» Федора Чешко), так и с советского ракурса («*Приемная смена*» Станислава Бескаравайного); живые мертвецы из СС («*Все та же тьма*» Валентина Леженды); нацисты и пришельцы на летающих тарелках («*Горюдой плив*» Алексея Бессонова). К сожалению, вышеописанная тематика действительно набила оскомину, чувствующуюся при любом качестве исполнения. Интересен по манере подачи рассказ «Наследники Фауста» Дмитрия Андреева, но неожиданно обрушивающаяся на читателя оккультная подоплека событий во многом смазывает впечатление.

Не чужды писателям и мелкие, но обидные фактические ошибки. В рассказе Клутера «*Симпатическая угроза*» фигурирует полк СС «Дас Райх» (стр. 6), хотя подразделение с таким названием с первого дня создания являлось дивизией. В этом же произведении «Дас Райх» снимается с Зееловских высот в апреле 1945-го, хотя там подразделение никак не могло оказаться, потому что в конце войны сражалось в Венгрии и Чехии. Да и для ритуала, представленного в «Симпатической угрозе», Гитлер скорее бы выбрал «Лейбштандарт»; а дата 28 апреля — это не «за несколько дней до начала штурма Берлина», но на три дня позже. Олег Кулагин в «*Солнце над империей*», рассказывая о 22 июня 1941-го, упоминает «летнее воскресенье» (стр. 97), хотя на самом деле день начала войны — суббота. У Алексея Бессонова в «*Горюдой плив*» на подложке возникает штурмбанфюрер войск СС (стр. 146), хотя в СС были лишь сухопутные войска...

Это мы говорим лишь о ляпсусах, допущенных авторами, чье имя вынесено на обложку сборника: то есть, как заявлено в аннотации, «ведущих

отечественных фантастов». Может, все перечисленное вовсе и не ошибки, а детали, подчеркивающие альтернативный характер миров, о которых идет повествование? Хотелось бы думать, что так...

При всех обстоятельствах восхищает издательский образчик коммерческой хитрости: в числе вынесенных на обложку фамилий значится и... Никитин. Инициалы там не проставлены: наверняка специально для того, чтобы если не читатели, то хоть распространители-лоточники имели возможность подумать, будто речь идет о Ю. Никитине. Такой вот финт ушами. Притом что Дмитрий Никитин — автор по-настоящему интересный, а его коммерчески известного однофамильца мы бы не рискнули читать даже под дулом скорчера. Более того, лично нас эта фамилия чуть не оттолкнула от покупки сборника! Хорошо хоть в оглавление успели заглянуть.

Однако даже в достаточно тривиальной тематике альтернативной Второй мировой сборник отмечен по меньшей мере двумя крайне занятыми сюжетами. Первый, *«Марш для маршала»* Миханла Милогина, повествует о жизни под финской оккупацией. Действительно, почему авторы столь сосредоточены на демонических нацистских магах или эсесовцах, нашедших шамбалу, когда буквально под носом столь интересная и, главное, не «изъезженная» тема? Особенно в год выхода книги, совпадающий с семидесятилетним юбилеем Советско-финской (Зимней) войны! А второй сюжетный ход связан с композиционным трюком: альтернативная история как бы упакована в обертку реальной. Этот принцип лег в основу сразу двух текстов: уже упоминавшейся *«Симпатической угрозы»*, где, правда, оригинальность чуть-чуть «подпорчена» легким намеком на классический оккультизм, и рассказа *«Глинники»* Дитриха Эдгарта. Интересно, это и вправду автор с «той стороны»? Судя по имени и тематике — вполне возможно. Текст никоим образом не отмечен симпатией к гитлеризму, но от современного немца такой симпатии и в принципе трудно ожидать, это грехи скорее уж *нашего* сегодня.

Сами рассказы, выполненные в новомодном жанре мокьюментари, умело маскируются один — под академическое исследование, а другой — под мемуары. Не удивимся, если эти мистификации будут кем-нибудь приняты за чистую монету...

Вторая часть сборника отдана альтернативно-историческому много-темью, не связанному со Второй мировой. Диапазон здесь очень широк: от лишь слегка затронутого альтернативностью современного боевика (Майк Гелприн *«Кто спасает — доходит»*) до «АИ в квадрате» — совершенно неожиданного переложения «Войны миров» Уэллса (Дмитрий Никитин *«Англо-марсианская война»*). Что касается лучшего произведения этой части, то тут имеет место очередное «раздвоение»: у нас, во всяком случае, мнения не сошлись. Один склонен считать таковым рассказ А. Сивинских «На излете» (КРАЙНЕ странная война, да и мир с каждой строкой выглядит «все

страньше и страньше», но главное — даже не уровень фантазии, а качество исполнения!), а другой — «В ущелье Ронзель-Лох»: рассказ, интересный не только тем, что принадлежит перу составителя, и актуальный не только в свете двухсотсорокалетнего юбилея перехода Суворова через Альпы. Впрочем, ведь и ранее упомянутый «Марш для маршала» отнюдь не требует привязки к «финской» дате...

Довольно интересные «А вторая туля...» Владимира Свержина и «Косой взгляд» Ника Средина выглядят первый — как отрывок из романа, а второй — как его краткий конспект, что несколько портит восприятие. А вот о «Милосердии» Льва Прозорова отдельный разговор. Контраст между основной частью повествования и концовкой обыгран, с чисто литературной точки зрения, вполне умело. Однако сама картина описываемого мира, обусловленная религиозными предпочтениями автора, выглядит в сборнике достаточно инородной. Во всяком случае, при первом прочтении. Кроме того, после этого первого прочтения возникает вопрос: «А где здесь, собственно, война?» Но, по-настоящему вчитавшись, замечаешь ее: причем даже не *странную*, а, пожалуй, *главную*. Некое альтернативное послевоенье (может быть, даже не «после-», просто вокруг — мирный быт глубокого тыла?) в финале осенено тенью печей Освенцима: тоже альтернативного, но не менее жуткого, чем реальный.

Кажется, воинствующий язычник Прозоров осознанно наступил на горло собственным песням, со скрежетом зубовым признавая: конечно, вера в славянских богов крепит семейные ценности и милость к малым детям да пушистым зверюшкам, но одновременно и облегчает совесть тем, кто отправляет людей в газовые камеры.

При такой переоценке благостной духовности языческого мира становится понятней, отчего *этот* составитель принял рассказ *этого* автора в *этот* сборник. Более того: в пору задуматься, правильно ли мы понимали прежние произведения Прозорова-«Смелдинга». Уж не разыгрывал ли он тех своих поклонников, которые радостно — пожалуй, даже слишком радостно! — встречали любую апологию славяно-нордического пантеона? Перечитав ряд его наиболее вопиющих, как казалось ранее, текстов (включая и прошлые «яззовские» альтернативки: «Священная война», «Юбилей»), мы глубоко усомнились в том, что эти вещи написаны без издевки над сторонниками лобового прочтения, хронически отождествляющими мнение автора и персонажей. И вообще как-то трудно поверить, что умный и грамотный человек с хорошим литературным вкусом, очень уж всерьез отдающийся пропаганде древлеотеческих верований, при этом не держит в кармане метафорическую фигу. Вроде как гвардеец Мак Сим, распаленным тахоргом ревущий на плацу: «Алмазный панцирь не спасет тебя, о враг».

Хотя, может быть, это только нам так кажется, не знаем... Вправе ли мы ожидать столь метафорической фигуры от автора книг «Русь языческая».

Сумерки русских богов», «Язычники крещеной Руси. Повести черных лет», «Боги и касты языческой Руси. Тайны Киевского Пятибожия», и т. д., и т. п., и увы?

Составитель, в принципе, имеет право об этих книгах и не слышать: это антинаучно-популярная публицистика, гораздо менее удобочитаемая, чем *«Милосердие»*. Также, наверно, имел составитель право спутать этого Прозорова с его однофамильцем, автором «Боярской сотни» etc. Но, ей-черт, следовало бы в подобных материях разобраться более внимательно, раз уж взялся за такой гуж, как составление антологии...

В целом же следует признать: раздел, свободный от оков ГЛАВНОЙ войны, получился заметно крупнее, чем обычно бывает в сборниках этой серии. Что пошло книге только на пользу (ничего удивительного: оковы есть оковы). Извлечет ли из этого соответствующий урок издательство, поди угадай. Увидим по облику грядущих томиков. Есть у нас подозрение, что такие уроки в издательском бизнесе усваиваются с запозданием, после многократного повторения. Вон как все (ну, многие) с упорством иттицы-долбоносика стремились втиснуться в гаррипоттеровскую нишу, даже когда рядовому читателю давно уже стало ясно, что этот родник вычерпан досуха...

В третьей части сборника (слава Хроносу: она тоже не прикована цепями к альтернативкам WWII) наиболее интересно эссе *«II в декабре не каждый декабрист»*, соображенное на троих Андреем Валентиновым, Николаем Ганжой и Григорием Панченко. Здесь вроде бы спокойно можно было обойтись без художественности, но авторы почему-то не обходятся: текст пребывает в хорошей литературной форме. Что до содержания — то налицо весьма серьезный и, насколько мы можем судить, научно обоснованный разбор возможных вариантов успеха декабристского восстания.

Вообще же чувствуется, с какими сложностями связано формирование сборника, который, кровь из носу, все-таки нужно (специфика серии!) до предела наполнить альтернативками по Второй мировой. Да еще и с явственными признаками Великой Отечественной. Кажется, дело не только в литературном уровне (хотя и в нем, родимом), даже не только в желательности хотя бы минимального разнообразия. Просто среди авторов, пишущих на данную тему, в последнее время развелось слишком много сталинистов и/или гитлерастов. Не всегда эта приверженность выказывается совсем уж откровенно, но и от косметически замаскированных опусов (к слову, временами просачивающихся в серию «Военно-историческая фантастика») тоже с души воротит. Поздравим себя и читателей: в «Иду на мы!» ничего подобного не обнаружено. Если уж патриотизм традиционного образца — то все-таки не с зажатыми ушами и зажмуренными глазами; если в качестве сюжетного хода выбран, так сказать, взгляд из-за вражеского бруствера (что ж, на то и АИ!) — то без преклонения перед альтернативным победителем; а уж если взят готически-фэнтезийный ракурс, тогда... Ну, что «тогда» — уже сказано.

Литературный уровень, конечно, был помянут не зря. На наш взгляд, планку тут удалось удержать на должной высоте. Откровенно слабых произведений, пожалуй, нет: даже те, которые на сетературной стадии зарекомендовали себя не лучшим образом, перед бумажной публикацией оказались крепко очищены от блох. «Не сильных», по нашим представлениям, так всего три. А прямо-таки отличных — от восьми до десяти, тут у нас опять мнения слегка разошлись.

С позволения читателей, не станем поименно называть ни «вершки», ни «корешки». Так или иначе, для сборника из двух десятков текстов (мы осознанно не разделяли рассказы и эссе) — приятное соотношение. Обычно оно гораздо хуже...

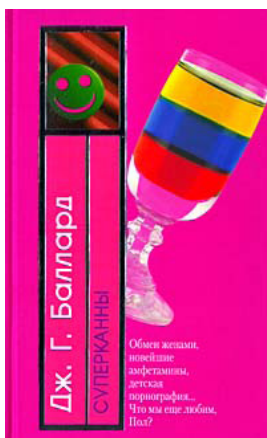
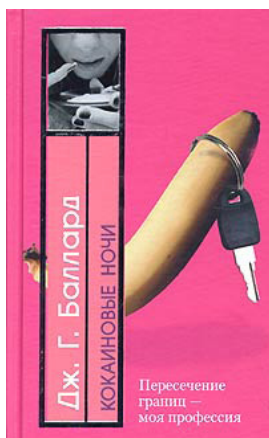
О чем бы еще пару слов сказать? Допустим, об оформлении обложки. Сюда бы ироничную картинку в стиле сборника «Первый удар», а не пафосные подражания обложкам «Ядерного лета...» или «Священной войны». Но оформитель, видимо, побоялся перенапрячься; а может, в цейтноте пребывал. Интересно, иллюстратор Н. Дихтиренко и Н. Дяхтиренко (те, кто пару лет следил за оформлением серии, поймут!) — это один человек или, как в старом чукотском анекдоте, совсем нет? Судя по контрасту между «Первым ударом» и всем остальным — скорее, второе...

Подведем итог: несмотря на ряд «провисающих» участков, сборник все-таки получился вполне стоящим. Пожалуй, он даже стал одним из заметных событий на рынке русскоязычной фантастики.

К слову, уже после первого месяца продаж антология стала расходиться столь хорошо, что издательство приняло решение о допечатке. То есть судьба «Иду на мы!» в этом смысле оказалась противоположной участи «Ядерного лета...», хотя таинственный оформитель сделал все, чтобы при взгляде на обложку у покупателей создалось однотипное впечатление. Остается только развести руками: оказывается, на книжном рынке обитает не только покупатель, но и читатель. Кто бы мог подумать! Ведь многоголосый хор менеджеров-по-продажам дружно уверяет всех нас в обратном...

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬКОВСКИЙ

БУДУЩЕЕ, УВЫ, УЖЕ НАЧАЛОСЬ...

Баллард, Дж.Г.
Кокаиновые ночи. —
М.: Эксмо; СПб.:
Домино, 2005. — 432 с.

Баллард, Дж.Г.
Суперканны. —
М.: Эксмо; СПб.:
Домино, 2003. — 544 с.

Как легко липнут
ярлыки к хорошему
писателю! Особенно,
если, по отзывам кри-
тиков, это самый ориги-

нальный и изобретательный писатель Британии. Как только ни называли Дж. Г. Балларда — «певец безлюдных пространств», «исследователь психопатологии современного общества», «прозектор современной культуры», и прочая, и прочая... Стоило ему упомянуть в интервью, что его любимая книга — анатомический атлас, как через пару лет его знаменитую «The Atrocity Exhibition» переиздали с иллюстрациями художника-анатома. Стоило ему опубликовать автобиографический роман, как через пару лет его экранизировал Спилберг. Что же такого ему стоило сделать, чтобы Нобелевский комитет воздал ему должное?

Как и у многих поистине оригинальных писателей, судьба его книг на постсоветском пространстве «нелепа и грустна». Совокупными усилиями нескольких, преимущественно питерских издательств с 1999 по 2005 год был издан ряд книг, представляющих все периоды его творчества. Так что русскоязычный читатель получил о Балларде хотя бы поверхностное представление. Тогда же были изданы и одни из самых последних его романов на тот момент: «Кокаиновые ночи» (Cocaine Nights, 1996) и «Суперканны» (Super-Cannes, 2000).

На протяжении всей своей писательской карьеры Баллард имел дело с будущим, отдаленным и не очень, с таким будущим, прихода

которого опасались и даже откровенно боялись. Теперь наш мир его нагоняет. Поздние романы Балларда — именно о мире победившего будущего. Место действия «Кокаиновых ночей» — элитный поселок на юге Испании, населенный отошедшими от дел состоятельными британцами, а «Суперканн» — европейский аналог Силиконовой Долины на французском Лазурном Берегу. Эти места действительно олицетворяют собою будущее, ведь в техно-парках и бизнес-парках, подобных изображенной в «Суперканнах» Эдем-Олимпии, передовая технологическая и экономическая мысль раздвигает границы нашего мира, а в поселках, подобных изображенному в «Кокаиновых нощах» Эстрелья-де-Мар, обитают граждане стран «золотого миллиарда», у которых становится все больше и больше досуга, пока он не захлестнет их с головой.

Завязка обоих романов схожа: произошло казалось бы бессмысленное убийство, а герой-рассказчик, приехав на место, пытается разобраться в его мотивах. Причем он отнюдь не следователь, а дилетант: в «Кокаиновых нощах» — брат сознавшегося в убийстве пяти человек владельца ночного клуба, а в «Суперканнах» — муж докторши, занявшей место своего бывшего коллеги и любовника, который перестрелял половину руководства бизнес-парка. По ходу своего расследования главные герои постепенно проникают во внутренний мир убийцы и занимают в обществе место, которое тот прежде занимал, от жилья и вплоть до постели любовницы. При этом, начинаясь как захватывающий детектив, обе книги развиваются в завораживающий роман идей. Вот и все сюжетное сходство между ними.

Есть еще сходство на визуальном уровне: безлюдные улицы сонных приморских публо и безлюдные автостоянки в обществе трудоголиков напоминают безлюдные пространства ранних романов-катастроф Балларда.

Теперь о различиях. Герой «Кокаиновых ночей» Чарльз Прентис поначалу просто приезжает помочь брату, угодившему в испанскую тюрьму. Проводя свое частное расследование, он постепенно обнаруживает, что под цивилизованной поверхностью этого шикарного анклава для британских экспатриантов процветает тайный мир преступности, наркотиков и секса за гранью допустимого. Автор вволю поиздевался над «главной иллюзией двадцатого века» — праздным обществом будущего. В праздном обществе смерть разума неминуема...

И вправду, как расшевелить сонное царство отставных богатеньких буратинов? Как сделать так, чтобы они стали социумом? Немного насилия, чуть-чуть вандализма и несколько мелких пакостей заставят их встряхнуться, отлупить от бутылки и телевизора и начать что-то делать, объединяться против внешней угрозы. Через месяц закипит общественная и культурная жизнь, а еще через несколько пройдут выборы мэра и сформируется добровольная полиция. Но, как говорится, «чем дальше в лес, тем толще партизаны». Чем выше общественная активность, тем выше стоимость недвижимости в этом городке. И тем более серьезные средства пускаются в ход

для прищипоривания этой активности. Тут уже идут в ход и порностудии, и тяжелые наркотики, а для закрепления эффекта — убийство.

Такое впечатление, что Баллард остался недоволен тем, как в «Кокаиновых ночах» воспользовался этим сюжетным инструментом, столь удобным для работы с социальными моделями¹. В «Суперканнах» он ставит себе куда более сложную задачу, ведь общество, изображенное здесь, строится на диаметрально противоположных принципах. Здесь слишком много работы и слишком мало отдыха. Рано или поздно организм начинает давать сбой, проявляются самые неожиданные болячки. Работоспособность падает катастрофически. И вот радикальное решение: тщательно выверенная доза управляемой психопатии — и болячек как не бывало! Поощряемые главным психиатром бизнес-парка, топ-менеджеры Эдем-Олимпиады совершают налеты на иммигрантов, проституток и иностранцев, чтобы насилловать, грабить, а порою и убивать. В этих терапевтических вылазках с каждым разом все больше разнузданного насилия, но они улучшают здоровье и самочувствие топ-менеджеров, следовательно, увеличивают прибыльность компаний бизнес-парка. Полиция закрывает на это глаза, жертвы боятся об этом говорить, а недовольным быстро затыкают рот, порою навсегда. Баллард успешно исследует общество, где понятия ответственности и морали размываются, а нравственность — не более, чем старомодная догма, место которой — на свалке истории. Автор выносит беспощадный приговор корпоративной психологии и корпоративной морали. Чем ближе к концу, тем более жестким становится герой-рассказчик Пол Синклер. И он, и читатель знают, что делать дальше.

Подобно доказательствам теорем, оба романа точны и строги, одновременно очевидны и обманчивы — нужно пораскинуть мозгами, чтобы разобраться. И, опять же, как в доказательствах, результат неожидан, но приходит как откровение. При этом они не страдают сухостью, как это часто случается с романами идей, а читаются легко, влет.

В целом, за счет более глобальной идеи «Суперканнах» получились гораздо глубже и сильнее, чем «Кокаиновые ночи», что ни в коей мере не умаляет достоинств последнего. Рекомендую читать их не подряд, а с интервалом в несколько месяцев, лучше полгода, для большего эффекта.

ЦИТАТА ИЗ «КОКАИНОВЫХ НОЧЕЙ»:

«— Но как растормошить людей, как дать им ощущение сообщества? Безвольный и сонный мир уязвим для любого пронырливого хищника. Политика — приятное времяпрепровождение для касты профессионалов, но едва ли в состоянии увлечь остальных. Религиозная вера требует

¹ Из любопытства посмотрел, что представляют из себя два следующих (и последних) романа Балларда — «Millenium People» (2003) и «Kingdom Come» (2006). Социальные модели везде разные, но невооруженным глазом заметны вариации все того же сюжетного инструмента. Именно он и объединяет четыре последних романа Мастера в своеобразный цикл

огромных усилий воображения и чувств, которые трудно разбудить, если вы плохо соображаете после изрядной дозы снотворного. Единственное, что еще может взбодрить людей, — это угроза, прямая и недвусмысленная: она-то и вынуждает сплотиться и действовать сообща.

— Преступление?

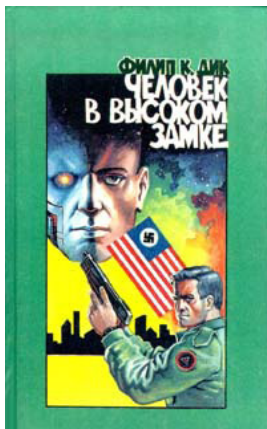
— Преступление и асоциальное поведение, то есть поступки, не обязательно нарушающие закон, но провоцирующие нас, дающие выход нашим сильным эмоциям, ускоряющие реакции нервной системы, которая потеряла чувствительность из-за праздности и полной бездеятельности».

ЦИТАТА ИЗ «СУПЕРКАНН»:

«Транснациональные гиганты вроде Фуджи и Джeneral Моторс создают собственную нравственность. Компания составляет правила, которые регулируют ваши отношения с супругой, устанавливают, где должны получать образование ваши дети, определяют разумные пределы вложений в фондовый рынок. Банк решает, какой кредит можно вам дать, сколько вы должны заплатить за свою медицинскую страховку. Нравственных или безнравственных поступков больше нет, как нет их, скажем, на суперсовременном шопсе. [...] Мы достигли настоящей свободы — свободы от нравственности».

ККК72

ФИЛИП ДИК ПРОТИВ КРИСТОФЕРА ПРИСТА: ФАНТАСТИКА VS МЕЙНСТРИМ

Кристофер Прист.
Лотерея.
Эксмо, Domino,
2006. — 232 с.

Филип Дик.
**Человек в высоком
замке.**
Лениздат, 1992. — 608 с.

Итак, сегодня перед нами боксерский поединок двух авторов тяжелого веса. В синем углу — фантаст Филип Дик (США, — 46 романов, 5 премий) с романом «Человек в высоком замке». В красном углу — бывший фантаст, а ныне мейнстримовец Кристофер Прист (Великобритания, — 14 романов, 10 премий) с романом «Лотерея». Судья поединка — kkk72.

Этот поединок особенно важен. Противники сражаются не только за свою честь. Им предстоит в тяжелом поединке выяснить, какой именно жанр — фантастика или мейнстрим — способен лучше использовать свои возможности, произвести более сильное впечатление на читателя.

Первый раунд. Замысел романа. Именно сходство замысла и схемы построения этих двух романов натолкнули меня на мысль написать отзыв именно в такой форме. Очень уж много между ними общего. В обоих романах главный герой живет попеременно в двух мирах, и именно его фигура объединяет, связывает эти миры. События, произошедшие в одном мире, влияют на другой.

Мнение рефери. Дерзость Кристофера Приста, с которой он бросил вызов признанному мэтру фантастики, решив сыграть на его поле, заслуживает

уважения. Однако ему придется нелегко. Ведь для Приста этот прием — лишь одноразовый творческий эксперимент, а для Дика — его коронка, доведенная до совершенства во множестве произведений. Да и определенный приоритет безусловно за Диком, написавшим свой роман почти на двадцать лет раньше. Вердикт. Присудим в первом раунде ничью с некоторой натяжкой. Ведь противники только присматриваются друг к другу.

Второй раунд. Конструирование фантастического мира/миров. Мир, созданный Пристом, достаточно реалистичен, несколько романтичен и вполне оригинален. Однако, уделив немало внимания его описанию в первых главах, Прист постепенно отодвигает мир на задний план, все больше концентрируясь на главном герое. Мир Дика — альтернативная версия нашей реальной истории. Версия детально проработанная, впечатляющая и чертовски убедительная. Роман Дика — едва ли не лучшее описание мира, в котором мы могли бы жить, закончись вторая мировая война иначе.

Мнение рефери. Не просто сравнивать сугубо фантастический мир и альтернативную историю. Но нельзя не признать: по глубине проработки мира и впечатлению, которое этот мир производит на читателя, Дик явно выигрывает. Раунд Дик у.

Третий раунд. Стил. У обоих авторов он на высоте. Оба романа написаны легко, увлекательно, хорошим языком. Пожалуй, именно гладкость слога — одно из главных достоинств Приста. Впрочем, Дик ему не уступает в этом важном компоненте писательского мастерства. Итог раунда — ничья.

Четвертый раунд. Насыщенность сюжета. Роман Приста очень беден внешним действием. Самые сложные процессы происходят в сознании главного героя, в то время как весь сюжет можно пересказать несколькими предложениями. Во второй половине романа сюжет и вовсе провисает и начинает тянуться, как бесконечная жвачка. Роман Дика не уступает в развитии образа главного героя и его внутреннего мира. Но при этом сам сюжет динамичен, интересен и изобилует неочевидными поворотами. Вердикт рефери. Раунд Дик у за явным преимуществом.

Пятый раунд. Персонажи. Кристофер Прист очень неплохо демонстрирует нам метания главного героя, его противоречивый внутренний мир. Все прочие персонажи для Приста не более чем статисты, окружающие героя. Филип Дик демонстрирует нам не менее десятка интересных, ярких, запоминающихся персонажей, каждый из которых — личность, заслуживающая внимания читателя. Мнение судьи — раунд Филипу Дик у.

Шестой раунд. Проблематика. И у Приста, и у Дика главная проблема — поиск главным героем самого себя, своего истинного «Я», своего места в мире. Но если у Приста эта проблема — единственная, то Дик ставит вопрос гораздо острее и глубже. Герой не просто ищет выход из сложной ситуации лично для себя, он меняет весь мир своими поступками и берет на себя ответственность за судьбы этого мира. Дик поднимает целый ряд

серьезных философских, моральных, социальных проблем, а не заикнется на одной из них. А вот Прист, взявшись было за тему бессмертия, в итоге просто бросает ее, не дав никакого внятного ответа. Мнение арбитра. Раунд Дику за явным преимуществом.

Да, кажется, Прист явно погорячился, ввязавшись в этот поединок. Но пока есть время, ты не проиграл. Все решится в концовке поединка, то есть романа.

Седьмой раунд. Несмотря на все слабости романа Приста, он все же держал меня в напряжении. Я ждал ответа на главный вопрос: что и почему выберет главный герой. Увы, так же, как и его герой, Прист растратил силы в бесплодных метаниях, так и не сумев внятно завершить свой роман и прийти к окончательному выводу. Насколько же контрастирует с этим окончание романа Дика, в котором ты четко понимаешь и причины, заставившие главного героя сделать именно такой выбор, и последствия, к которым выбор героя должен привести. Мощным ударом Филип Дик ставит решительную точку в своем романе и в поединке против Приста.

Вердикт арбитра. Просто не нужен. Нокаут не оставляет возможности для двух толкований. Вокруг поверженного Приста суетятся поклонники мейнстрима. Филип Дик записывает на свой счет очередную победу под восторженные возгласы поклонников фантастики. Книга Дика возвращается на свое почетное место в моем книжном шкафу. Книга Приста отправляется в стопку к продаже.

Анализ поединка. Для меня исход поединка закономерен. Для большинства авторов мейнстрима характерны чрезмерное увлечение красотами стиля, заикливость на переживаниях только главного героя, затянутость и невнятность сюжета, повышенный интерес к эротическим деталям, излишнее внимание к мелочам, за которыми не видно главного, безграничная толерантность, за которой теряется понимание Добра и Зла. Большинство из этих недостатков, увы, присущи и «Лотерее» Приста. Использование фантастических приемов зачастую остается только формой, за которой отсутствует глобальная проблематика. К сожалению, отойдя от фантастики, Прист многое потерял. По крайней мере, ранние его романы нравились мне значительно больше.

Планка же, установленная Филипом Диком еще в 1960-х годах, так и осталась для Приста недосягаемой.

В то же время Филип Дик наглядно показывает, что фантастика в своих лучших проявлениях способна поднимать и успешно решать проблемы, недосягаемые для мейнстримовских произведений, да еще и делать это в увлекательнейшей форме.

ЛЕВ ГУРСКИЙ

ПОДАРКИ КО ДНЮ СМЕРТИ

В доисторические времена люди жили без высоких технологий, зато и от массовых убийств себе подобных были застрахованы. Во времена новейшие к услугам человека сотни тысяч полезных научных достижений, но каждое, если что, может убить и тебя, и соседа, и еще кучу народа. Компьютер, сотовый телефон, лекарство от опасной хвори — все способно обернуться неприятной стороной. Что, не нравится? Ну, тогда ходите в шкурах, спите в пещерах, живите до сорока лет. Бесплатные пирожки редко бывают даже в голливудских фильмах... хотя нет: там-то их не бывает вообще никогда.

Троянский мобильничек

Главный герой фильма режиссера Грега Маркса «Подарок» (Echelon Conspiracy, США, 101 минута, «Мьюзик-трейд», 2009), молодой американец Макс Питерсен (Шейн Уэст), специалист по защите компьютеров от хакеров, заканчивает свою работу в Бангкоке и собирается возвращаться назад в США. Однако ему внезапно преподносят подарок — новейший мобильный телефон, который вдобавок соблазняет героя странными эсэмэсками. Первая спасает ему жизнь (самолет, на который он чуть не купил билет, разбился), вторая чуть не делает его миллионером (акции компании, рост которых обещают завтра, действительно идут вверх), и тогда Макс решает во всем слушаться своего загадочного благодетеля. По совету призрака он отправляется в Прагу и начинает выигрывать в местном казино. Владелец казино Антонин Мюллер (Джонатан Прайс) встревожен и посылает начальника службы безопасности казино Джона Рида (Эдвард Бернс) и агентессу Камиллу (Тамара Фельдман), чтобы проследить за парнем. Тем временем

не дремлет и американское Агентство Национальной Безопасности, возглавляемое Реймондом Берком (Мартин Шин): агент Дейв Грант (Винг Реймс) тоже получает приказ проконтролировать Макса и, если что, убрать. Дело в том, что таинственный советчик из телефона — это не человек и не тайная организация, но мощный суперкомпьютер «Эшелон». Когда американские законодатели не позволили электронному монстру установить полный контроль над человечеством, компьютер решил заняться этой задачей самостоятельно. Макс — один из тех, кто может ему помочь. И он же — единственный, кто способен спасти человечество... Уже по пересказу видно, что сюжет чрезвычайно напоминает фабулу выпшедшего ранее фильма «На крючке»: там тоже электронный супермозг манипулировал людьми. Правда, «Эшелон» начинал, так сказать, с «пряника», а компьютер из фильма «На крючке» сразу пользовался «кнутом»... Несмотря на некоторые удачные спецэффекты, картина Грега Маркса выглядит так себе. То есть зрителей из России, конечно, будет согревать мысль о том, что в борьбе против электронного монстра Марку помогли и российские граждане — хакер Юрий (Сергей Губанов) и безымянный генерал ФСБ (Гоша Куценко). Однако в финале авторы картины не придумали ничего лучшего, как устыдить электронного заговорщика. Как только «Эшелон» сообразил, что его действия нарушают американскую демократию, он покончил жизнь самоотключением. А если бы компьютер вдруг не проявил сознательность? Авторы фильма не задумались над таким вариантом, а потому оставляют вопрос открытым.

Укус нанокобры

Фильм **«Бросок кобры»** (G.I. Joe: The Rise of Cobra, США — Чехия, 112 минут, «Universal Pictures Rus», 2009), снятый постановщиком «Мумии» и «Ван Хельсинга» Стивеном Соммерсом, больше всего ругают за дурацкий сценарий. А а зря. Хотя фабула, мягко говоря, далека от идеала, картина несет, по крайней мере, три важнейших меседжа. Меседж первый: столь почитаемые некоторыми государственными руководителями нанотехнологии не только полезны в народном хозяйстве, но и чертовски опасны. Только разработаешь нанороботов для борьбы с раком, как какой-нибудь безумный Доктор (Джозеф Гордон-Левитт) — р-раз — и этих малюток возьмет и перепрограммирует на поедание всякого металла, то есть из лекарства сделает оружие. Меседж второй: заказы на производство супер-пупер-технологий нежелательно размещать в частных компаниях с подозрительными репутациями, и тем более частных компаниях вроде «M.A.R.S.», руководитель которой по фамилии МакКаллен (Кристофер Экклстоун, известный по сериалу «Доктор Кто») с детства обуреваем мессианским комплексом и мечтает о захвате мирового господства. Меседж третий: президента США (Джонатан Прайс) надо получше охранять, иначе его с легкостью заменят двойником, изготовленным из злодея Зартана с лицом

«мумии» Арнольда Вослу (сам Арнольд Вослу) при помощи тех же новейших нанотехнологий (см. Месседж первый). Картина Коммерса продолжается почти два часа, поэтому ее содержание упомянутыми выше сюжетами, конечно же, не исчерпывается. Имеют также место и история двух друзей-солдат, Дюка (Чаннинг Татум) и Рипкорда (Марлон Уэйанс), которым несчастье помогло попасть в ряды элитного подразделения «Джи-Ай Джо». И история невесты Дюка, красотки Анны (Сиенна Миллер), которая по неизвестным (почти до самого финала картины) причинам перешла на сторону зла, попутно выйдя замуж за французского аристократа. И история двух друзей-

ниндзя, один из которых убил учителя и стал злодеем Стормом Шедоу (Бен Хон Ли), а второй, Снейк Айс (Рэй Парк), с горя дал обет молчания — пока не уконтропупит убийцу. В этом фильме еще много историй, поэтому разнообразные персонажи, с оружием и временно без него, создают на экране некоторую толчею, а зрителю нужно каждую секунду прикидывать, кто именно за кем гонится, кто у кого что крадет и кто куда пробирается. Ввиду того, что основой для сценария послужили даже не комиксы или диснеевские аттракционы, но пластмассовые игрушки-солдатики из популярной серии компании «Hasbro», итог можно считать вполне удовлетворительным. Тем более, что погибли, по преимуществу, солдатики-статисты, а большинство главных солдатиков (и хороших, и злодейских) к финалу уцелело. Значит, сиквел неизбежен. Правда, пострадавшую от нанотехнологий Эйфелеву башню уже не вернуть, однако, если вдуматься, французы сами виноваты. Зачем использовали железо? Кто им мешал сделать свою хваленую башню хотя бы из пластмассы?

Марионетки против кукловодов

Исходная идея фильма Марка Невелдайна и Брайана Тейлора «Геймер» (Gamer, США, 95 минут, «Вест-видео», 2010) проста. В высокотехнологизированном мире ближайшего будущего просто так держать в тюрьме законченных преступников — расточительство. Поскольку даже этих жутких негодяев можно заставить приносить пользу обществу, позволив им добровольно-принудительно сыграть в реалити-шоу «Убийцы»: благодаря нанотехнологиям, разработанным безумным гением Кеном Каслом (Майкл С. Холл), человека можно превратить в послушную марионетку, которой

может управлять любой кукловод, заплативший за это деньги и получивший доступ к управлению. Таким образом, богатые буратинки двигают эсками, как нарисованными фигурками на экране монитора, но только люди умирают по-настоящему. Впрочем, та кукла, которая будет доведена до 30 раунда, получит бонус в виде свободы. Ни в чем не повинный компьютерный боец Кейбл, он же Джон Тилман (Джерард Батлер), благодаря своему кукловоду, ловкому юному негодяйчику Саймону (Логан Лерман), уже сумел одержать 28 побед. Кейбл-Тилман хочет выжить, вернуться к жене Энджи (Эмбер Валетта — «Прожигатели жизни») и доказать свою невиновность, а злодей-нанотехнолог Касл совсем не собира-

ется давать куколке свободу. Однако в дело вмешиваются подпольщики во главе с Братом (Лудакрис), которые решают помочь бойцу... Режиссеры Невелдайн и Тейлор прославились благодаря двум совершенно отвязным «Адреналинам» с Джейсоном Стэтхемом в главной роли. Должно быть, кто-то из режиссеров, приступая к написанию сценария «Геймера», посмотрел еще один фильм с тем же Стэтхемом — «Смертельную гонку» Пола Андерсона, а затем, вдохновившись, поглядел еще заодно старое кино со Шварценеггером, «Бегущий человек» Пола Майкла Глейзера. Эти два кинопечатления и определили фабулу картины. С тем лишь отличием, что во времена Арнольда еще ничего не знали о виртуальных технологиях, а персонажи фильма Андерсона обязаны были сражаться не в пепшем порядке, а верхом на различных колесных механизмах. В «Геймере» много стрельбы, крови, мяса, оторванных конечностей, но логики — не больше, чем в клипе. Некоторые критики, правда, разглядели в новом фильме Невелдайна и Тейлора сатиру на «общество потребления», заменившего сильные ощущения «в реале» купленными за деньги суррогатами. Однако, в отличие от «Суррогатов» с Брюсом Уиллисом (еще один фильм из той же «кукловодской» обоймы), создатели «Геймера» не озаботились даже минимальным правдоподобием сюжета и сосредоточились на action. Взяв на роль главного положительного героя раскрученного (сразу в нескольких киножанрах) Джерарда Батлера, а на роль здешнего Доктора Зло — культового Майкла С. Холла, необычайно популярного благодаря сериалу

«Декстер», авторы фильма понадеялись, что, в крайнем случае, харизма двух актеров закроет фабульные пробелы. Но этого не произошло. То есть, конечно, добро в финале победило зло, но, как у Хармса, «неизвестным для науки способом».

Бомба под Ватиканом?

Знаете, для чего построили Большой Адронный Коллайдер? Думаете, для того, чтобы побольше узнать о строении материи? А вот и нет: для получения антивещества! Грамм этой жути находится внутри колбы и, благодаря батарееке, не соприкасается со стенками. Но если коснется, то всем хана — Хиросима покажется детской игрушкой. При этом высоколобые умники традиционно не умеют охранять свои научные достижения от злоумышленников. В свое время вор Доцент легко увел из палатки археологов золотой шлем Александра Македонского. В наши дни тайный негодяй похищает антивещество почти с такой же легкостью (хотя для достижения цели пришлось кое-кому вырвать глаз), переправляет в Ватикан — аккурат в те дни, когда конклав должен выбрать папу взамен умершего. И когда кардиналы собираются, выясняется, что четырех фаворитов выборной гонки среди них нет: они похищены. Кем? Понятно! «Кто шляпку спер, тот и тетку укокошил», как говаривала героиня Бернарда Шоу. И антивещество, и кардиналы похищены одной и той же тайной силой — давно пропавшим в нетях орденом иллюминатов. Несколько столетий назад это тайное общество боролось с догматизмом Святого Престола, отстаивая интересы науки.

Потом заговорщиков рассеяли. И вот, представьте, они появляются вновь, обещая казнить четырех кардиналов и разрушить Ватикан антивеществом. Ватикану ничего не остается, как вызвать из Америки историка Роберта Лэнгдона: если уж этот спец не разгадает кода иллюминатов, то надеяться не на что... Роман «Ангелы и демоны» был написан популярным беллетристом Дэном Брауном еще до своего скандального «Кода да Винчи», но поскольку экранизаторы начали сразу со второй книги, то первую пришлось превратить в сиквел. В картине Рона Хауарда **«Ангелы и демоны»** (Angels & Demons, США, 133 минуты, «Видеосервис», 2009) упомянутый Лэнгдон (вновь

Том Хэнкс) вместе с красоткой-ученой Витторией Ветра (Айзлет Зорер) больше двух часов носятся по Риму, пытаются разгадать уловки похитителей, и все время катастрофически опаздывают. Бедняги кардиналы гибнут практически у него на глазах, шеф швейцарской гвардии командер Рихтер (Стиллан Скарсгард) проявляет нехороший скепсис, а главный выборщик, кардинал Штраусс (Армин Мюллер-Шталь — «Порок на экспорт»), явно себе на уме. Правда, врио папы, камерарий Патрик МакКенна (Юэн МакГрегор — «На игле»), вроде бы сочувствует усилиям Лэнгдона, но кто там разберет, что на уме у ватиканских чиновников?.. Если «Код да Винчи» был вялым разговорным кино с минимумом action, то лента-сиквел — это, прежде всего, динамичный блокбастер. Кое-что постановщик даже не постеснялся стянуть из популярного в США телесериала «24». Во всяком случае, полет на вертолете с миной на борту и триумфальное выпрыгивание на парашюте из эпицентра будущего взрыва явно позаимствовано из второго сезона сериала. Так и представляешь себе, что под куполом парашюта — все тот же неутомимый агент СТО Джек Бауэр. Но здесь, конечно, и бомба не такая, и выпрыгивающий персонаж — не тот... Впрочем, в романе-оригинале (2000) еще никакого коллайдера не было вовсе: его сценаристы позже вставили, для актуальности.

ПАВЕЛ БОЙКО

ПОСЛЕ «ПОСЛЕЗАВТРА»

«2012»**В ролях:** Джон Кьюсак, Тэнди Ньютон и другие**Режиссер:** Роланд Эммерих**Производство:** США**2009 год**

Вы этого не знаете, но параллельно нашему миру располагается еще один — чистый, свежий, уютный мирок вечно подстриженных газонов и развевающихся на домашнем флажке патриотических знамен звездно-полосатой раскраски, мир, где на небе всегда светит яркое солнышко, а дети смеются радостной улыбкой из рекламного ролика очень дорогой зубной пасты. Но эта идиллия оказывается по душе далеко не всем, и вот уже к беззащитным лужайкам тянутся кровожадные инопланетные щупальца, огромные конечности прожорливых ящеров, да что там говорить — даже сама Мать-Природа восстает против них, стараясь закрутить кровью и потом добытые достижения демократии в смертоносном ледяном вихре. Но враг не пройдет: инопланетяне начнут разбегаться в разные стороны, радиоактивный ящер добровольно утопится в Гудзоне, а Природа, Мать Наша, поймет всю глубину собственных заблуждений и со страха организует немедленное «всемирное потепление, приводящее ко всеобщему похолоданию» ©, стоит на горизонте замаячить убийственному дрим-тиму в лице гениальных американских ученых, мужественных спецназовцев и лично президента США, выступающих единым фронтом против очередной всеамериканской угрозы. С ними же — на белом коне из очень больших бюджетов, с острейшей пашкой наиболее передовых спецэффектов, беглой рысью выступает вперед и сам режиссер Роланд Эммерих, ведь этот параллельный мир существует лишь внутри его эпически-разрушительных блокбастеров.

Для тех, кто не в курсе, все крупнейшие голливудские студии в этом году решили поучаствовать в эпическом соревновании «Кто спродюсирует и снимет самую большую фигию, угрожая на это наибольшее количество денег». Сначала казалось, что первым финишную ленточку удалось перерезать четвертому «Терминатору», потом фотофиниш выявил первенство вторых «Трансформеров», но затем случился «Бросок кобры», который поставил под сомнение все предыдущие достижения. И лишь с выходом «2012», последней

картины САМОГО Роланда Эммериха, все стало на свои места. В конце концов, в этой области он является настоящим первопроходцем с огромным стажем: в то время, как предыдущие конкурсанты, вроде Бэя и Sommera, еще не пытались поразить в самое сердце пубертата неполовозрелых подростков, а «Ангелы Чарли» еще не маячили даже на горизонте, Эммерих уже засучив рукава и не покладая рук ваял редчайшую по забористости ФИГНЮ, в которой американские спецназовцы обламывали рога древнеегипетскому богу, попутно устанавливая луч демократии, или гигантский радиоактивный ящер, высотой с Эмпайр-стейт-билдинг, спокойно шаркался по бездонным нью-йоркским канализациям. Причем, стоили эти побрякушки совсем недорого — еще в конце 90-х критики грустно шутили, что сумарного бюджета двух или трех эмериховских нетленок типа «Дня независимости», «Годзиллы» или «Патриота», вполне хватило бы Пентагону на проведение очередной «маленькой победоносной войны». Так расступитесь же, падайте ниц и совершайте ритуальные поползновения по следам самого Мастера, сейчас он придет и покажет, насколько же жалка и никчемна та фигня, которую вы наснимали, в сравнении с его мастерской, настоящей ФИГНЕЙ!

Одна из главных отличительных особенностей Эммериха — это умение говорить полнейшую ерунду с самым серьезным выражением лица. Устав от сочинения голимой фантастики и расставшись со своим давним собратом-соавтором Дином Девлиным, Роланд словно открыл у себя второе дыхание, где-то подхватив модную маркетинговую фишечку: все свои последние фильмы он предпочитает позиционировать не просто как очередные разрушительные блокбастеры, где все горит и все куда-то бегут, а извините, как прямо-таки «предостережения человеческой цивилизации» — типа не рубите дрова, закрывайте кран и вовремя выносите из дома мусор, а не то... А еще, в основе последних катастроф нашего неистового Роланда лежат суперсекретные научные исследования — очевидно, настолько тайные и засекреченные, что целый зрительный зал стонал от хохота, когда в кинофильме «Послезавтра», ледниковый период в облике гигантской воронки гонялся за главными героями, но отступил назад, стоило им заскочить в дом и закрыть за собой дверь, даже и не подозревая всей мудрости данного пророчества! Глупые американские кинокритики на премьере фильма «10 000 лет до н.э.» даже устроили режиссеру десятиминутную овацию, переходящую в истерику (или наоборот), после того, как он заявил, что в основе картины лежат труды каких-то, очевидно, не менее засекреченных историков. Смеялись, глумились, показывали пальцем, а ведь между тем секретный маршрут, по которому герои фильма пешком спустились с Гималаев напрямик в Египет, всего за месяц реального времени не иначе является тайной разработкой Пентагона, о которой простым смертным — ни гу-гу, а рассказывают лишь на ушко посвященным, дабы они потом «по секрету — всему свету» донесли сию скрижаль до широкой общественности. Что и говорить — тяжела она, судьба современных пророков!

В отношении остального, мистер Эммерих свято уверен, что открыл формулу философского камня и поэтому уже пятнадцать лет кряду в новых декорациях и с новыми бюджетами просто переснимает фактически один и тот же фильм. Сюжет, как и прежде, лучше всего передается языком дико больших восклицательных знаков и междометий: «Мы все умрем!!!!!!!! АААААА!!!!!!!!», а промежутки между спецэффектами заполняют прогуливающиеся по экрану клонированные болванчики. Если Вы смотрели хоть один предыдущий фильм Эммериха, то можете смело прокричать им: «Привет!», как старым знакомым. Гениальный Ученый, который открыл, что к нашему миру со скоростью света приближается очередная «хана», но ему, естественно, никто не верит (Голдблюм в «Дне независимости», Бродерик в «Годзилле», Куэйд в «Послезавтра», здесь — Чиветел Эджиофор, на этот раз — с перламутровыми пуговицами). Как и прежде, вместо солнца, с силой удвоенного адронного колайдера, с небес по-прежнему сияет фигура самого Мистера Президента Соединенных Штатов, человека и парохода в одном флаконе (Пулман в «Дне независимости», Уэлш в «Послезавтра», здесь — Дэнни Гловер, причем цвет перламутровых пуговиц у него такой же, как и у Гениального Ученого — очевидно, что, как и подобает этническому наследнику Ленни фон Рифеншталь, Эммерих чутко держит руку на пульсе нынешней ситуации в Белом Доме). Те же из героев, чьи образы Эммерих просто не позаимствовал из своих предыдущих нетленок, он, не смутившись, одолжил у соседей по цеху: неудачника, который не нашел лучшего времени помириться со своими детьми, как в тот момент, когда вокруг все начинает взлетать на воздух — из спилберговской «Войны миров», жадного русского олигарха, без которого каждый второй голливудский фильм — не фильм, дико верещащих детей, которых нужно спасать лишь затем, чтобы они тут же вяпались снова; даже недобитая взрывом Вашингтона собачка забежала в фильм напрямик из «Дня независимости» (а может, и из «Армагеддона», кто ж их разберет?).

Все вышеизложенное рождает закономерные ассоциации с дешевым кукольным театром, который из года в год разыгрывает одну и ту же пьесу, исправно пряча за изъеденными молью и пылью масками все новых и новых исполнителей. Стоит куклам приоткрыть рот, как патетика тут же начинает хлестать из него такими струями, что вполне может затупить небольшое пожарище: про мир во всем мире, о том, что все люди на свете, если не братья, то уж точно — сестры. Сценарные составляющие никогда не являлись сильной стороной творчества Эммериха, но в «2012» он нарушает один из главных канонов жанра фильма-катастрофы: учитывая клишированность абсолютно всех персонажей фильма, их судьбы в грядущих километровых волнах и надвигающихся разломах земной коры, волнуют зрителя не больше, чем участь мастей из небрежно брошенной на пол карточной колоды.

В этот момент, на плечо вашего преданного рецензента ложится чья-то суровая рука, а чей-то вкрадчивый голос уже шепчет в правое ухо: «А вы чего ожидали? Вы разве не знали, что на фильмы Эммериха люди ходят не за актерской игрой (ее, как известно, показывают исключительно в Доме Кино) и не за сюжетными поворотами (хотите оных — читайте Шекспира в подлиннике), а исключительно из-за очередных провалов, утягивающих на дно Марианской впадины целые континенты и бесконечного количества бумов и ба-бахов на одну секунду живого экранного времени?». Уфф, ладно, пристыдили. Однако возникает и встречный вопрос: если герои должны быть по определению картонными, то зачем они вообще здесь присутствуют и занимают очень приличную часть экранного времени? Зачем тратить на гонорары Джону Кьюсаку, Оливеру Платту, Вудди Харрелсону, Дэнни Гловеру, если играть им совершенно нечего, а их герои вызывают не сочувствие, а только раздражение? Максимально укрупнить ракурс, довести бегающих людишек до размеров термитов, шмыгающих вперед и назад по своему термитнику, и с такой высоты уже будет совершенно все равно, кто и сколько раз уворачивается от гигантского почвенного разлома, заодно и актерские гонорары сэкономятся в пользу очередных спецэффектов! И вообще: к чему городить всю эту чушь про нейтрино, пятна на Солнце и сворачивание земной коры, после которой лишь возникает желание попросить у сценаристов свидетельства об окончании хотя бы средней школы, когда это лишь отнимает законное время для демонстрации очередных бада-бумов? Совершенно бескорыстно дарю Эммериху идею нового фильма, где уже на второй минуте разлетается первый материк, на пятнадцатой происходит очередной Всемирный Потоп, а на девяностой Большой Взрыв возвращает нашу Вселенную к ее первобытному состоянию — и все это без глупых объяснений, пафосных диалогов и персонажей, снятое в стократном увеличении, фиксирующем разлетающиеся в разные стороны фигурки людей-термитов. Полагаю, что постоянный эммериховский зритель должен от этого остаться в полном восторге.

В эмериховской склонности к разрушению всего уже начинает проглядывать мания величия. Сравнивая с прахом целые континенты, Эммерих четко обнажает общую бедность своей творческой кухни, скудость и однообразие ведомых ему и используемых в картине режиссерских приемов. Трюк с бегством на автомобиле от преследующего по пятам разлома используется целых два раза, прием, когда самолет взлетает прямо с проваливающейся под ним полосы, также повторяется дважды, и это при том, что первый является почти зеркальным повторением второго! Хотел было подсчитать, сколько небоскребов на экране разваливалось в хлам на вторых и третьих планах, с выпрыгивающими из окон почти мультипликационными людишками, но не смог, сбился на втором десятке. В погоне за масштабом разрушений, режиссер полностью утратил необходимую для жанра динамику, в результате чего все происходящее на экране из яркого зрелища,

быстро превращается в до обидного повседневную, чуть ли не обыденную агонию.

И самый главный вопрос: а чего ради нужно было городить весь этот огород? Материки сместились, волны смыли миллионы, но потом, пропорционально бюджету вдруг все прекращается. После веселого банкета за двести шестьдесят миллионов, разворачивая свою вакханалию до полного опустошения выделенной на фильм свиньи-копилки, Эммерих, тем не менее, не осмеливается пойти дорогой пройасовского «Знамения», предложив зрителю в финале лишь совершенно вымученный хэппи-энд, да счастливую девочку, которая в ходе разрушительного коллапса, унесшего жизни миллиардов, наконец смогла побороть собственные проблемы с мочеиспусканием. И все — счастливый зритель топает домой, запомнив со всего просмотра лишь «от-таке-е-е-ные волны» и ту самую девочку, родителям которой двести шестьдесят миллионов и добрый дядя Эммерих позволили серьезно сэкономить на памперсах. Демонстрируя уже обыденную для его фильмов, финальную режиссерскую беспомощность, Эммерих тем самым в очередной раз нарушает законы самого жанра фильма-катастрофы, издавна подчеркивающие первичность человеческих отношений, в то время как любого рода катаклизмам в них отводилась роль простого катализатора. К примеру, эти законы прекрасно усвоил и прочувствовал на себе Джеймс Кэмерон, и поэтому его «Титаник», классической иконой вновь возрожденного жанра всегда будет с упреком глядеть в сторону всего эммериховского творчества: живые люди против картонных истуканов, подлинная трагедия против детской игры в строительство плотины, с ее последующим разрушением. Как уже советовалось выше, для тяги к повсеместному разрушению ни актеры, ни люди не нужны, проще ограничиться фигурками маленьких термитов.

Когда однажды у Эммериха спросили, как он пишет свои замечательные сценарии, он привел пример создания «Дня независимости». На пресс-конференции, посвященной выходу «Звездных Врат», одна журналистка задала ему вопрос: «А как Вы относитесь к опасности инопланетного вторжения?» Тевтонский мозг тотчас забуллил пеной, и к финалу мероприятия, минут через десять-пятнадцать, весь сценарий уже лежал у Эммериха, как на ладони. У меня будет маленькая просьба ко всем журналисткам планетки: не приставайте больше к маэстро с такими провокационными вопросами, не спрашивайте у него ни про инопланетян, ни про всеобщее потепление, ни про сдвиги материков, а просто подарите увесистую пачку школьных учебников по физике, географии, химии или пригласите домой, якобы на чашку кофе и запирайте одного в квартире, наедине с «Приключениями Посейдона», «Адом в поднебесье» или тем же «Титаником» — для лучшего постижения основ жанра, так сказать. Впрочем, есть серьезная опасность, что и после всех этих мучений Эммерих хорошенько сконцентрируется и выдаст... очередной «2012», по сути — квинтэссенцию всего своего

кинотворчества: дико смешную, когда ей надо быть серьезной, жутко глупую, с точки зрения любой логики и здравого смысла (специально не заостряю внимания на бесчисленных ляпах — не хочу лишать зрителей персонального удовольствия), ужасно пафосную и напоминающую по форме обыкновенный мыльный пузырь, который с громким неприятным звуком лопається, стоит истечь его стопятидесятивосьмиминутному экранному времени. Мастера по спецэффектам, как всегда, могут смело класть зачетки на преподавательский стол: свой хлеб они отработали до последней крошки.

А вот сценаристам и режиссеру, похоже, светит очередная пересдача. Когда человек наступает на одни грабли в первый раз, это случайность, когда второй — досадное совпадение, однако, когда поцелуй садового инвентаря с собственным лбом продолжаютсЯ постоянно, в течение пятнадцати лет, это уже клеймо настоящего Мастерства, которое не пропьешь.

ВЛАДИМИР ЛАРИОНОВ

«БЕЛОЕ ПЯТНО» НАКРЫЛО НОВОСИБИРСК

С 19 по 22 ноября 2009 г. в Новосибирске состоялся Всероссийский фестиваль фантастики «Белое пятно», посвященный памяти замечательного новосибирского писателя Михаила Михеева (1911—1993). В числе его книг — неоднократно переиздававшийся «Вирус В-13», сборники «Которая ждет» (1966), «Далекая от солнца» (1969), «Милые роботы» (1972), «Год тысяча шестьсот...» (1985). Собственно, и названием своим сибирский форум фантастики обязан роману М. Михеева «Тайна белого пятна» (1959). Фестиваль, прошедший под патронажем Администрации Новосибирской области, был организован Департаментом культуры Новосибирской области (руководитель — Владимир Миллер), Новосибирской государственной областной научной библиотекой (директор — Светлана Тарасова) и Новосибирским отделением Союза писателей России (председатель — Анатолий Шалин).

Открытие фестиваля «Белое пятно». Слева направо: В. Ларионов, Г. Прашкевич, В. Головачев, В. Миллер, В. Пищенко, А. Етоев, Д. Володихин, А. Шалин

Геннадий Прашкевич

Главный инициатор проведения «Белого пятна-2009», известный писатель, член международного PEN-клуба Геннадий Прашкевич отметил, что «главная цель фестиваля — знакомство жителей нашей области с творчеством современных

писателей из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и других городов». В качестве почетных гостей на фестиваль были приглашены Василий Головачев, Дмитрий Володихин, Александр Етоев, Владимир Ларионов, Виталий Пищенко, встречи с которыми состоялись в книжных магазинах и библиотеках Новосибирска и области. Почетные гости знакомились с городом, побывали в Академгородке в гостях у Геннадия

Почтовая карточка памяти фантаста Михаила Михеева

Прашкевича, осмотрели электрон-позитронные коллайдеры в Институте ядерной физики. Кстати, в роли гда выступил внук Геннадия Прашкевича — молодой, энергичный, увлеченный своей работой физик Тимофей.

На «Белом пятне» прошла презентация и гашение специально выпущенной к этому

событию немаркированной почтовой карточкой памяти Михаила Михеева. Инициатором церемонии гашения конверта выступило Управление федеральной почтовой связи Новосибирской области — филиал ФГУП «Почта России» и Новосибирский городской «Союз филателистов».

В рамках фестиваля проходил Большой литературный конкурс «Белое пятно».

В жюри конкурса вошли: Дмитрий Володихин, Василий Головачев, Александр Етоев, Владимир Ларионов, Анатолий Шалин. Председатель жюри — Геннадий Прашкевич.

Рукописи, присылаемые на конкурс, читали преноминаторы: Дмитрий Дубинин, Лариса и Андрей Подистовы, Вадим Сеницын, Алексей Гридин.

Почетные гости фестиваля в книжном магазине «Глиный Старший». Слева направо: Д. Володихин, В. Ларионов, А. Етоев, Г. Прашкевич, В. Головачев, В. Пищенко

ОБЩАЯ СТАТИСТИКА БОЛЬШОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА

Всего получено 238 рукописей: 118 рассказов, 63 повести, 47 романов.

Основная масса рукописей поступила из Новосибирска и из Москвы (приблизительно по 40 работ). Много работ из Сибири — Омск, Томск, Красноярск, Новокузнецк; был представлен Дальний Восток; европейская часть России — Санкт-Петербург, Тула, Вологда. Ближнее зарубежье представлено Украиной, из Киева порядка десятка работ. Много работ пришло из Казахстана. Дальнее зарубежье — в первую очередь, Германия и Израиль (по несколько работ). Были работы из США и Бразилии.

По итогам голосования членов жюри определены победители в большой, средней и малой форме. Семь участников получили специальные поощрительные дипломы.

Малая форма

ПЕРВОЕ МЕСТО — Татьяна Сапрыкина (Новосибирск), «Семь камней»

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ — Дарья Беломонина (Новосибирск), «Тени»; Олег Шушаков (Новосибирск), «Сказка про серого волка»; Алесь Куламеса (Москва), «Люди на болоте»

Средняя форма

ПЕРВОЕ МЕСТО — Алексей Тихонов (Москва), «Сказки издалека»

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ — Вадим Синицын (Новосибирск), «Девочка № 33», Наталья Колесова (Новокузнецк), «Пифия»

Крупная форма

ПЕРВОЕ МЕСТО — Дмитрий Могилевцев (Бразилия), «Люди золота»

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ — Тамара Воронина (Новосибирск), «Патруль»; Валентина Нурисламова (Липецк), «Разлом»

Вот что пишет о «Белом пятне» **Марина ШАБАНОВА**, корреспондент новосибирской газеты «Ведомости»:

На несколько дней (19—21 ноября) столица Сибири превратилась в столицу фантастики.

Всероссийский фестиваль фантастики, на который съехались фантасты со всей России, был посвящен нашему земляку Михаилу Михееву, автору многочисленных фантастических произведений, в том числе романа «Тайна белого пятна». По сути, это возрождение фестиваля: первый конвент прошел в ноябре 1994 года, следующий планируется провести уже через два года, в 2011-м, по случаю столетия Михеева.

Настоящей фантастикой для читателей стали встречи с известными авторами. Василий Головачев, автор «Смерша-2», по сценарию

Василий Головачев

которого снят недавно вышедший на экраны художественный фильм «Запрещенная реальность», встречался с молодыми авторами и читателями в областной библиотеке. Дмитрий Володихин, писатель, критик, редактор научного журнала «Русское Средневековье», автор романа «Убить миротворца» и книги о патриархе Никоне, общался с искитимскими читателями. Александр Етоев, писатель, редактор и переводчик, автор детских повестей про Улю Ляпину, в «Плинии Старшем» говорил об экстремальном книготорговстве. Критик, исследователь фан-

тастики, член номинационных комиссий многих литературных премий Владимир Ларионов на встрече в Коченево рассказывал о том, чем живет фантастика сегодня. Писатель, председатель Совета по фантастической и приключенческой литературе при Союзе писателей России Виталий Пищенко, наш земляк, проводил *fantasy*-сейшн в Центральной библиотеке города Тогучина.

Организаторы фестиваля особо подчеркивали, что Новосибирск был и остается центром фантастики, по количеству и качеству авторов, приближаясь к Москве и Питеру. «Сибирь хорошо вложилась в послевоенную советскую фантастику. Это были замечательные авторы — Михаил Михеев, Сергей Павлов, Борис Лапин, Виктор Колупаев, — рассказывал Дмитрий Володихин. — Говоря о сегодняшних авторах-новосибирцах, прежде всего, нужно отметить Геннадия Прашкевича, других фантастов, которые уже стали заметным явлением: Вячеслава Шалыгина, Инну Живетьеву. Фестиваль неслучайно собрался здесь, это свидетельство того, что традиции фантастической литературы получают новый мощный импульс для развития».

Состоялись также встречи с молодыми авторами, это и мастер-классы с «разборами полетов», и прием лучших представителей в Союз писателей России. Одним из волнительных моментов «Белого пятна» стало объявление итогов литературного конкурса. Приятно отметить, что в номинации «рассказы» первого места удостоена новосибирская писательница Татьяна Сапрыкина за свои «Семь камней».

Возможность пофантазировать представилась также школьникам Новосибирска и области. В конкурсе домашнего школьного сочинения «Каникулы 2109 года: Новосибирск будущий» приняли участие ученики средних и старших классов. «Лучи солнца освещают яркие здания с серебристыми крышами, — пишет один из победителей конкурса, ученик 7-го класса барабинской школы ¹ 48 Антон Леуто. — Бесшумно пролетают прозрачные аэробусы, снуют одноместные аэрокупе, идут веселые, ярко одетые стройные люди, льется прекрасная музыка. Я помню ее... Она звучала в старом фильме «Амадей». Моцарт... Ракеты... Жизнь... Смерть.

Всего несколько столетий. А что же выберем мы в XXII веке? Неужели вернемся к дикости?»

OPUS MIXTUM

Будущие новости: номинации

Объявлены претенденты на премии «Небьюла» и «Брэм Стокер».

Премия «Небьюла» (вручается членами ассоциации писателей-фантастов Америки):

Роман

- ✓ The Windup Girl, Paolo Bacigalupi (Night Shade)
- ✓ The Love We Share Without Knowing, Christopher Barzak (Bantam)
- ✓ Flesh and Fire, Laura Anne Gilman (Pocket)
- ✓ The City & The City, China Mieville (Del Rey; Macmillan UK)
- ✓ Boneshaker, Cherie Priest (Tor)
- ✓ Finch, Jeff VanderMeer (Underland)

Повесть

- ✓ The Women of Nell Gwynne's, Kage Baker (Subterranean)
- ✓ «Arkfall», Carolyn Ives Gilman (F&SF 9/08)
- ✓ «Act One», Nancy Kress (Asimov's 3/09)
- ✓ Shambling Towards Hiroshima, James Morrow (Tachyon)
- ✓ «Sublimation Angels», Jason Sanford (Interzone 9—10/09)
- ✓ The God Engines, John Scalzi (Subterranean)

Короткая повесть

- ✓ «The Gambler», Paolo Bacigalupi (Fast Forward 2)
- ✓ «Vinegar Peace, or, the Wrong-Way Used-Adult Orphanage», Michael Bishop (Asimov's 7/08)
- ✓ «I Needs Must Part, the Policeman Said», Richard Bowes (F&SF 12/09)
- ✓ «Sinner, Baker, Fabulist, Priest; Red Mask, Black Mask, Gentleman, Beast», Eugie Foster (Interzone 2/09)
- ✓ «Divining Light», Ted Kosmatka (Asimov's 8/08)
- ✓ «A Memory of Wind», Rachel Swirsky (Tor.com 11/09)

Рассказ

- ✓ «Hooves and the Hovel of Abdel Jameela», Saladin Ahmed (Clockwork Phoenix 2)
- ✓ «I Remember the Future», Michael A. Burstein (I Remember the Future)
- ✓ «Non-Zero Probabilities», N.K. Jemisin (Clarkesworld 9/09)
- ✓ «Spar», Kij Johnson (Clarkesworld 10/09)
- ✓ «Going Deep», James Patrick Kelly (Asimov's 6/09)
- ✓ «Bridesicle», Will McIntosh (Asimov's 1/09)

Премия Рэя Брэдбери (за лучший сценарий)

- ✓ Star Trek, J.J. Abrams (Paramount)
- ✓ District 9, Neill Blomkamp and Terri Tatchell (Tri-Star)
- ✓ Avatar, James Cameron (Fox)
- ✓ Moon, Duncan Jones and Nathan Parker (Sony)
- ✓ Up, Bob Peterson and Pete Docter (Disney/Pixar)
- ✓ Coraline, Henry Selick (Laika/Focus)

Премия Андрэ Нортон (за детскую и подростковую фантастику)

- ✓ Hotel Under the Sand, Kage Baker (Tachyon)
- ✓ Ice, Sarah Beth Durst (McElderry)
- ✓ Ash, Malinda Lo (Little, Brown)
- ✓ Eyes Like Stars, Lisa Mantchev (Feiwel & Friends)
- ✓ Zoe's Tale, John Scalzi (Tor)
- ✓ When You Reach Me, Rebecca Stead (Wendy Lamb)
- ✓ The Girl Who Circumnavigated Fairyland in a Ship of Her Own Making, Catherynne M. Valente (www.catherynnemvalente.com)
- ✓ Leviathan, Scott Westerfeld (Simon Pulse; Simon & Schuster UK)
- ✓ «Грандмастером» будет назван Джо Холдeman.

Премия Брэма Стокера (вручается писателями — авторами хоррора)

Роман

- ✓ Audrey's Door, Sarah Langan (Harper)
- ✓ Patient Zero, Jonathan Maberry (St. Martin's Griffin)
- ✓ Quarantined, Joe McKinney (Lachesis)
- ✓ Cursed, Jeremy Shipp (Raw Dog Screaming Press)

Дебютный роман

- ✓ Breathers, S. G. Browne (Broadway Books)
- ✓ Solomon's Grave, Daniel G. Keohane (Dragon Moon Press)
- ✓ Damnable, Hank Schwaeble (Jove)
- ✓ The Little Sleep, Paul Tremblay (Henry Holt)

Средняя форма

- ✓ Dreaming Robot Monster, Mort Castle (Mighty Unclean)
- ✓ The Hunger of Empty Vessels, Scott Edelman (Bad Moon)
- ✓ The Lucid Dreaming, Lisa Morton (Bad Moon)
- ✓ Doc Good's Traveling Show, Gene O'Neill (Bad Moon)

Малая форма

- ✓ «Keeping Watch», Nate Kenyon (Monstrous: 20 Tales of Giant Creature Terror)
- ✓ «The Crossing of Aldo Ray», Weston Ochse (The Dead That Walk)
- ✓ «In the Porches of My Ears», Norman Prentiss (Postscripts 18)
- ✓ «The Night Nurse», Harry Shannon (Horror Drive-In 7/09)

Антология

- ✓ He Is Legend: An Anthology Celebrating Richard Matheson, Christopher Conlon, ed. (Gauntlet)
- ✓ Lovecraft Unbound, Ellen Datlow, ed. (Dark Horse)
- ✓ Poe, Ellen Datlow, ed. (Solaris)
- ✓ Midnight Walk, Lisa Morton, ed. (Dark House)

Авторский сборник

- ✓ Martyrs and Monsters, Robert Dunbar (DarkHart)
- ✓ Got to Kill Them All and Other Stories, Dennis Etchison (Cemetery Dance)
- ✓ A Taste of Tenderloin, Gene O'Neill (Apex)
- ✓ In the Closet, Under the Bed, Lee Thomas (Dark Scribe)

Критика и публицистика

- ✓ Writers Workshop of Horror, Michael Knost (Woodland)
- ✓ Cinema Knife Fight, L.L. Soares & Michael Arruda (Fearzone)
- ✓ The Stephen King Illustrated Companion, Bev Vincent (Fall River)
- ✓ Stephen King: The Non-Fiction, Rocky Wood & Justin Brook (Cemetery Dance)

Поэтический сборник

- ✓ Double Visions, Bruce Boston (Dark Regions)
- ✓ North Left of Earth, Bruce Boston (Sam's Dot)
- ✓ Barfodder, Rain Graves (Cemetery Dance)
- ✓ Chimeric Machines, Lucy A. Snyder (Creative Guy)
- ✓ Известно также, что премий за вклад в жанр будут удостоены
Брайан Ламли и Уильям Ф. Нолан.

А вот и шорт-лист «Портала-2010»:

Номинационная комиссия: Роман Арбитман, Владимир Борисов, Мария Галина, Владислав Гончаров, Владимир Ларионов, Сергей Некрасов, Николай Романецкий, Сергей Соболев, Сергей Шикарев, Михаил Назаренко (председатель).

Крупная форма

- ✓ Мария ГАЛИНА. Малая Глуша. — М: Эксмо.
- ✓ Лев ГУРСКИЙ. Пробуждение Дениса Анатольевича. — Волгоград: ПринТerra.
- ✓ Яна ДУБИНЯНСКАЯ. Глобальное потепление. — М.: ПРОЗАиК.
- ✓ Андрей ЛАЗАРЧУК. Абориген. — М.: Эксмо.
- ✓ Генри Лайон ОЛДИ, Андрей ВАЛЕНТИНОВ. Алюмен: Земная опера. — М.: Эксмо, 2008—2009.
- ✓ Мариам ПЕТРОСЯН. Дом, в котором... — М.: Livebook/Гаятри.
- ✓ Владимир ПОКРОВСКИЙ. Пути-Пучи: Разговоры о Человеке Будущем и о том, надо ли заботиться о будущем людей будущего // Авт. сб. «Пути-Пучи». — Липецк: Крот.
- ✓ Михаил УСПЕНСКИЙ. Райская машина. — М.: Эксмо.

Средняя форма

- ✓ Павел АМНУЭЛЬ. Что-нибудь светлое... // Если. — № 6.
- ✓ Евгений ГАРКУШЕВ, Андрей СОЮСТОВ. Арийская ночь
// Если. — № 9.
- ✓ Владимир ДАНИХНОВ. Адский галактический пекарь // Если. — № 8.
- ✓ Геннадий ПРАШКЕВИЧ. Другая история вселенной // Если. — № 7.
- ✓ Игорь ПРОНИН. Путешествие в Гритольд // Если. — № 4.
- ✓ Вячеслав РЫБАКОВ. Стажеры как предчувствие
// Полдень, XXI век. — № 3;
Важнейшее из искусств. — СПб.: Азбука-классика.
- ✓ Сергей СИНЯКИН. Младенцы Медника
// Полдень, XXI век. — № 1—2.

Малая форма

- ✓ Владимир БЕРЕЗИН. Гармония // Дмитрий Колодан, Карина Шаинян.
Жизнь чудовищ. — М.: АСТ; АСТ Москва; Минск: Харвест.
- ✓ Олег ДИВОВ. Стрельба по тарелкам // Если. — № 5;
одноим. авт. сб. — М.: Эксмо, 2010 (фактич. — 2009).
- ✓ Дмитрий КОЛОДАН, Карина ШАИНЯН. Жемчуг по крови
// Авт. сб. «Жизнь чудовищ». — М.: АСТ; АСТ Москва; Минск: Харвест.
- ✓ Святослав ЛОГИНОВ. Статуя великой богини // Если. — 2009. —
№ 12; Русская фантастика 2010. — М.: Эксмо, 2010 (фактич. — 2009).
- ✓ Евгений ЛУКИН. Чичероне // Если. — № 2; авт. сб. «С нами бот». —
М.: АСТ; АСТ Москва.
- ✓ Иван НАУМОВ. Силой и лаской // Полдень, XXI век. — № 10.
- ✓ Владимир ПОКРОВСКИЙ.
Таблицы Роршаха (Дьяволы не так уж и безобидны) // Если. — № 3.
- ✓ Александр ЩЕГОЛЕВ. Чего-то не хватает: Драма мечты
// Полдень, XXI век. — № 9.

Критика, литературоведение, эссе (книги)

- ✓ Евгений ВОЙСКУНСКИЙ. Полвека любви. — М.: Текст.
- ✓ Владимир ГОПМАН. Любил ли фантастику Шолом Алейхем?
Статьи о современной — и не только — фантастической литературе. —
Липецк: Крот.
- ✓ Александр ЕТОЕВ. Экстремальное книгоедство: Книга-мишень. —
М.: Эксмо.
- ✓ Алла КУЗНЕЦОВА. Стругацкие и критика. Рецепция творчества
братьев Стругацких в критике и литературоведении: 1950—1990-е гг. —
Липецк: Крот.
- ✓ Ирина ОМЕЛЬЧЕНКО. Образ антиутопического города в романе
братьев Стругацких «Град обреченный» и в романе И.Ефремова
«Час Быка». — Липецк: Крот.
- ✓ Николай РОМАНЕЦКИЙ. Тринадцать мнений о нашем пути.
Фантасты о мире, прогрессе и обществе. — Липецк: Крот.

- ✓ Борис СТРУГАЦКИЙ. Интервью длиною в годы: по материалам онлайн-интервью / Сост. С. Бондаренко. — М.: АСТ.
Критика, литературоведение, эссе (статьи)
- ✓ Марк АМУСИН. Драмы идей, трагедия людей (Заметки о творчестве Станислава Лема и братьев Стругацких) // Знамя. — № 7.
- ✓ Светлана БОНДАРЕНКО. Хроники «Обитаемого острова» // Полдень, XXI век. — № 2.
- ✓ Василий ВЛАДИМИРСКИЙ. Вылезай, приехали! // Полдень, XXI век. — № 6.
- ✓ Дмитрий ВОЛОДИХИН. Строители личного Эдема // Если. — № 2.
- ✓ Николай КАЛИНИЧЕНКО. Заклятые друзья // Если. — № 11.
- ✓ Евгений ЛУКИН. «Грязное животное» // Если. — № 10.
- ✓ Генри Лайон ОЛДИ. Десять искушений матерого публиканта // Мир фантастики. — № 4.
- ✓ Генри Лайон ОЛДИ, Андрей ВАЛЕНТИНОВ. Конец — делу венец // Если. — № 6.
- ✓ Антон ПЕРВУШИН. Предтечи: Краткая история советско-российских фэнзинов // Мир фантастики. — № 6.
- ✓ Леонид ФИШМАН. Зачем менять историю? // Полдень, XXI век. — № 5.
- ✓ Ольга ЧИГИРИНСКАЯ. «Проблема жанра» относительно фантастики // Полдень, XXI век. — № 4.
- ✓ Сергей ШИКАРЕВ. Перемена книг и книги перемен // Если. — № 9.
Произведения членов оргкомитета и жюри не номинируются. Повесть Марии Галиной «Красные волки, красные гуси» (Если. — № 9) снята с голосования по просьбе автора. Переводная книга
- ✓ Лауреаты зарубежных фантастических премий, впервые изданные в русском и/или украинском переводах в 2009 г. (единственное исключение оговорено ниже).
- ✓ Голосуют все участники «Портала»!
- ✓ Нил ГЕЙМАН. История с кладбищем. — М.: АСТ; Астрель («Hugo», «Locus»).
- ✓ Дэйв ДУНКАН. Дети Хаоса. — М.: АСТ; АСТ Москва («Aurora»).
- ✓ Эндрю ДЭВИДСОН. Горгулья; АСТ Москва. — М.: АСТ («Sunburst»).
- ✓ Гай Гэвриел КЕЙ. Изабель. — М.: Эксмо («World Fantasy Award»).
- ✓ Стивен КИНГ. Острів Дума. — Х.: Книжковий клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2008;
- ✓ Стивен КИНГ. Коли впаде темрява. — Х.: Книжковий клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» («Bram Stoker Award»).
- ✓ Стивен КИНГ. Дьюма-Ки. — М.: АСТ, 2008 («Bram Stoker Award»).
- ✓ Урсула ЛЕ ГУИН. Лавиния. — М.: Эксмо («Locus»).
- ✓ Урсула ЛЕ ГУИН. Прозрение. — М.: Эксмо («Nebula»).

- ✓ Робин МАК-КИНЛИ. Солнечный свет. — М.: АСТ («*Mythopoeic Fantasy Award*»).
- ✓ Чарльз СТРОСС. Семейное дело; Тайная семья. — М.: АСТ («*Sidewise*»).
- ✓ Роберт Чарльз УИЛСОН. Спин. — М.: АСТ; Астрель-СПб («*Hugo*»).
- ✓ Джон ХАРВУД. Сеанс. — М.: Книжный клуб 36,6 («*Aurealis*»).
- ✓ Роман Стивена Кинга «Дьюма-Ки» был награжден премией уже после проведения «Портала-2009», поэтому он не был номинирован в прошлом году.

Список подготовил Михаил Назаренко.

Книга українською мовою

- ✓ Галина ВДОВИЧЕНКО. Тамдевін. — К.: Нора-друк.
- ✓ Володимир ДАНИЛЕНКО. Кохання в стилі бароко. — Л.: Піраміда.
- ✓ Любо ДАШВАР. РАЙ центр. — Х.: Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля».
- ✓ Володимир ЄШКІЛЕВ. Богиня і консультант. — Х.: Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля».
- ✓ Брати КАПРАНОВИ. Зоряний вуйко. — К.: Джерела М.
- ✓ Володимир ЛИС. Острів Сильвестра. — Х.: Фоліо.
- ✓ Галина ПАГУТЯК. Урізка готика. — К.: Дуліби.
- ✓ Володимир РУТКІВСЬКИЙ. Джури-характерники. — К.: А-Ба-Ба-Га-Ла-Ма-Га.
- ✓ Людмила ТАРАН. Дзеркало Єдинорога. — Л.: Піраміда.
- ✓ Василь ШКЛЯР. Залишинець. Чорний ворон. — К.: Ярославів вал; Х.: Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля».

Номінаційна комісія: Володимир Брискін, Тетяна Кохановська, Михайло Назаренко.

P.S.

Известный американский писатель, редактор и антологист Джефф Вандермеер решил узнать, что же происходит в фантастике за пределами США и Англии. Для этого он опросил знатоков из семнадцати стран, от Чехии до Японии и от Израиля до Южной Африки, а результаты — перечень лучших книг 2009 года с краткими аннотациями — опубликовал на сайте журнала «Локус», крупнейшего критико-библиографического издания, посвященного фантастике: <http://www.locusmag.com/Reviews/2010/03/overview-of-international-science.html>.

Русскоязычную фантастику представил англоязычным фэнам поэт и журналист Николай Караев; в его список вошли романы «Малая Глуша» Марии Галиной, «Цифровой» Марины и Сергея Дяченко, «ф» Виктора Пелевина и сборник Евгения Лукина «С нами бот». Надеемся, что рано или поздно эти книги будут переведены и изданы на родине Вандермеера.

Напомним, что со следующего года будет присуждаться специальная премия — за лучшую фантастику, переведенную на английский язык. Как знать, может, и мы откроем для себя новые имена!..

Главный редактор: Ираклий Вахтангшвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 3 (79), 2010.

Интернет: www.rf.com.ua
E-mail: rf@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5

Подписной индекс
в каталоге «Укрпочта» — 08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор:
Владимир Табаков

Производство:
Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:
Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:
Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:
Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (067) 499-51-53,
e-mail: mandych@mail.lviv.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж — 5 тыс. экземпляров
Цена договорная

Регистрационное свидетельство:
КВ # 7600 от 22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:
г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)
факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного разрешения
ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.
Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.

За содержание рекламных материалов ответственность
несет рекламодатель.